

ISSN 2074-9201

ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

№ 4 (57) 2019

Учредитель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Журнал издается с 2001 года

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 сентября 2007 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 марта 2010 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью А.С. Попова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
д.э.н., к.ф.н., доц. Делия В.П.
Заместитель главного редактора
к.ю.н. Милов П.О.
Верстка
Савеличев М.Ю.
Корректор
Игнашина А.А.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» – Я6743
Подписку можно произвести на сайте агентства.
Минимальный период подписки – 3 месяца

Издатель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Адрес редакции и издателя:
117105, Москва, Варшавское ш., д. 23, каб. 306
Тел.: +7 (495) 782-52-73, +7 (916) 909-73-56
<http://ideka.ru>
e-mail: nauka@ideka.ru

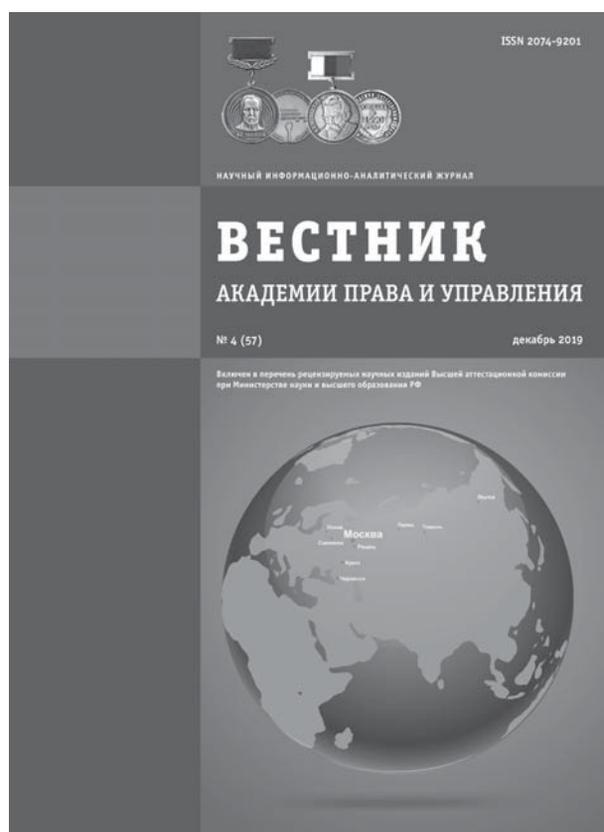
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768 от 11.02.2015 г.

НАУЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

SCIENTIFIC INFORMATIONAL-ANALYTICAL
MAGAZINE

АККРЕДИТОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:
120001, 120002, 120008, 120009, 120013, 080005

В НОМЕРЕ:

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ,
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ**

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Вестник Академии права и управления» обязательна.
Журнал отпечатан в типографии ООО «Типография Азалит»,
тел./факс (495) 973-82-96

Подписано в печать 27.12.2019. Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 16,97.
Печать цифровая. Заказ № 61 от 28.01.2020 г. Тираж 2000 экз.

ISSN 2074-9201

12+

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Юлия Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации;

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);

Солодуха Петр Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета.

12.00.00 Юридические науки

Агапов Павел Валерьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;

Бажанов Станислав Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции в отставке;

Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Кузнецов Петр Уварович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;

Минбалеев Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Республиканского НИИ интеллектуальной собственности;

Нарутто Светлана Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законода-

тельства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Полякова Татьяна Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, заведующая Сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации третьего класса, почетный работник юстиции;

Радько Тимофей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Российской академии адвокатуры, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции первого класса, генерал-майор внутренней службы в отставке;

Тарасов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации.

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандигарх, Индия);

Дэвид Рейнольдс, доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян Арман Юрьевич, заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Пол Смит, доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);

Уоррен Кимбол, доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Ю Синода, доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Эксперты:

Меськов Валерий Сергеевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра Междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук;

Шеремет Игорь Анатольевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой Информационная безопасность Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации третьего класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ефименко А.Э.,

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ДАННЫХ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С КОРРУПЦИЕЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Efimenko A.,

FEATURES AND PROBLEMS OF THE USE OF OPERATIONAL AND SEARCH DATA

IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO CORRUPTION OF OFFICIALS 7

Лосев С.Г.,

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ
ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ВО ВРЕМЯ СОВЕРШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Losev S.,

LEGAL REGULATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CAUSING HARM

TO HEALTH DURING PERFORMANCE OF VIOLENT SEXUAL CRIMES 14

Медведева Т.П.,

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ ПАРЛАМЕНТА

Medvedeva T.,

THE CONCEPT OF THE CONSTITUTIONAL-LEGAL STATUS

OF THE UPPER CHAMBER OF THE PARLIAMENT 19

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Васяев А.П., Соклакова И.В., Сурат В.И.,

СОЗДАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ АЛЬЯНСОВ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Vasyev A., Soklakova I., Surat V.,

CREATION OF STRATEGIC ALLIANCES AS AN EFFECTIVE FORM OF MODERN INTEGRATION 23

Дмитриев М.Э., Зимоха А.Ю.,

ПОВЫШЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ПЕРЕДОВЫХ
МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕСУРСОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА И НАСЕЛЕНИЯ

Dmitriev M., Zimokha A.,

INCREASING THE AVAILABILITY OF ADVANCED
MEDICAL TECHNOLOGIES USING THE RESOURCES

OF THE STATE BUDGET AND THE POPULATION 28

Кондратов С.Ю., Кимадзе М.И.,

ВОЗМОЖНОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
В ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Kondratov S.Yu., Kimadze M.I.,

POSSIBILITY OF INTEGRATION OF KEY INDICATORS OF EF-SELECTIVITY

IN PHARMACEUTICAL ORGANIZATION 34

Кривошеева А.О., Орусова О.В.,

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
НА ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Krivosheeva A., Orusova O.,

THE IMPACT OF THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY ON GLOBALIZATION 44

Кулиев Рауф Алим оглы, ПРОСТРАНСТВЕННАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА: СОДЕРЖАНИЕ И ПРИОРИТЕТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	
Kuliev Rauf Alim oglu, SPATIAL AND TERRITORIAL ORGANIZATIONAL STRUCTURE: CONTENTS AND PRIORITY TRENDS	50
Лебедев Н.А., Зубкова С.В., ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: КИБЕРУПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ	
Lebedev N., Zubkova S., PROSPECTIVE GUIDELINES FOR THE RENEWAL OF THE RUSSIAN ECONOMY: CYBER GOVERNANCE IN THE CONTEXT OF A NEW DEVELOPMENT PARADIGM.....	56
Лебедев Н.А., Макущенко Л.В., РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ КАК ВЕКТОР СТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ	
Lebedev N., Makushchenko L., DEVELOPMENT OF URBAN AGGLOMERATIONS AS A VECTOR OF STRUCTURAL MODERNIZATION OF THE ECONOMY	63
Миндлин Ю.Б., ФОРМИРОВАНИЕ КЛАСТЕРНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
Mindlin Yu., FORMATION OF A CLUSTER EDUCATION SYSTEM IN RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS.....	70
Третьякова Л.А., Лисова Е.В., ТЕОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО СТЕЙКХОЛДЕРАМИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА	
Tretyakova L., Lisova E., THE THEORY OF INTERACTION WITH STAKEHOLDERS IN RELATION TO THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION	77
Шкодинский С.В., Волков В.В., Марютина О.С., ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	
Shkodinsky S., Volkov V., Maryutina O., PROFESSIONAL ORGANIZATIONS OF THE WORKING CLASS RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY	82
Яковлев И.В., Яковлева О.А., ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ И КЛАСТЕРИЗАЦИЯ ДАННЫХ СОСТОЯНИЯ ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Yakovlev I., Yakovleva O., FACTOR ANALYSIS AND DATA CLUSTERIZATION OF THE ENGINEERING INFRASTRUCTURE CONDITION OF THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS' RURAL TERRITORIES	86

УДК 343.352

Ефименко А.Э.,адвокат, Краснодарская краевая коллегия адвокатов,
anton.yefimenko.e@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ДАННЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С КОРРУПЦИЕЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

В настоящее время в России наблюдается ухудшение криминогенной обстановки в области преступлений, связанных с коррупцией должностных лиц. Актуальность статьи связана с необходимостью решения проблемы, состоящей в том, что современная деятельность органов внутренних дел при расследовании коррупционных деяний должностных лиц требует модернизации, совершенствования средств профилактики и противодействия, а также выявления условий и инструментов, способствующих повышению эффективности расследования. Предметом основного анализа в статье выступает специфика применения оперативно-розыскных данных в ходе расследования коррупционных преступлений должностных лиц. Данный вопрос исследуется автором с использованием методов эволюционного, функционального и проблематического анализа, позволяющих выявить основные направления по совершенствованию определенных в изучаемой области пробелов и недостатков. Изучаются пробелы, связанные с законодательным пространством регулирования изучаемой области, взаимодействием различных органов, осуществлением различных процедур и схем оперативно-розыскной деятельности. В качестве элементов научной новизны автором аргументирована целесообразность конкретизации понятий информационного обеспечения и документирования оперативно-розыскной деятельности в действующем законодательстве и усиления их юридического веса в доказательном плане. Определена необходимость разработки единой системы подготовки и обмена данными между всеми участниками судопроизводства, направленной на гармоничное взаимодействие в целях противодействия коррупционным деяниям должностных лиц и обеспечивающей рост качественных показателей в условиях предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности, а также подробной методической алгоритмизации подобных действий с учетом изучения положительного опыта, имеющегося на региональном уровне в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, коррупционные преступления, коррупционные деяния, должностные лица, коррупция должностных лиц, расследование коррупции, оперативно-розыскные данные, оперативно-розыскная деятельность, следствие, доказывание

Efimenko A.,

Krasnodar Regional Bar Association

FEATURES AND PROBLEMS OF THE USE OF OPERATIONAL AND SEARCH DATA IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO CORRUPTION OF OFFICIALS

Currently in Russia there is a deterioration of the criminal situation in the field of crimes related to corruption of officials. The relevance of the author's article is connected with the need to solve the problem that the modern activities of the internal affairs agencies in the detection and investigation of corruption crimes among officials require continuous modernization, improvement of the means of prevention and counteraction, as well as the identification of conditions and tools that contribute to the improvement of the efficiency of the investigation. The main study in the article is the peculiarities of the use of operational and search data in the investigation of crimes related to corruption of officials. This question is investigated by the author using methods of evolutionary, functional and problem analysis, which allow to identify the main directions for improvement of gaps and shortcomings identified in the field under study. The gaps related to the legislative space for the regulation of the field under study, the interaction of different bodies, the implementation of various procedures and schemes for operational and search activities are being studied. As the elements of scientific novelty, the author argues the expediency

of specifying the concepts of information support and documenting operational and search activities in the current legislation and increasing their legal weight in evidence. The need to develop a system of accumulation and exchange of data between all participants of judicial proceedings for constructive interaction to counter corruption crimes of officials has been defined, which will contribute to improving the quality of preliminary investigation and operational and search activities, as well as detailed methodological algorithmization of such actions taking into account the study of positive experience available at the regional level in the constituent entities of the Federation of the Russian Federation.

Keywords: corruption, bribery, corruption crimes, subject of crime, officials, corruption of officials, investigation of crimes, corruption investigation, operational search data, operational search activity, investigation, proof

В России в последние годы ведется активная и целенаправленная борьба с коррупционными преступлениями, демонстрирующая особую остроту в сфере государственного управления и деятельности должностных лиц. Однако ее результаты пока нельзя признать удовлетворительными. Эффективная реализация данного направления деятельности крайне осложнена в текущих условиях тем обстоятельством, что должностные лица – коррупционеры демонстрируют значительную вариативность применяемых ими средств ухода от ответственности (как в качественном, так и количественном измерении), что значительно снижает результативность мер противодействия и применяемых средств в целях профилактики и пресечения данного негативного явления.

О достоверности приведенных выше тезисов свидетельствуют актуальные статистические данные, представленные Генеральной прокуратурой и Следственным комитетом России, согласно которым по состоянию на 2018 год [18] число случаев взяточничества в стране в целом выросло на 10%, по сравнению с аналогичными показателями 2017 года. И хотя за последние 5 лет число направленных в суды коррупционных дел возросло в 1,5 раза, что, на первый взгляд, может быть оценено как положительный показатель, однако при этом нанесенный коррупционерами ущерб также продемонстрировал положительную динамику в 5 раз, как и средний размер взятки, что свидетельствует о явной недостаточности принимаемых мер.

Больше всего случаев взяточничества среди должностных лиц на конец 2018 года было выявлено в Москве и Московской, а также Ростовской областях. В 1,1 раза возросло и число выявленных случаев дачи взятки, выявленных за тот же отчетный период. Лидерами в данном случае выступают такие регионы, как Москва и Подмосковье, Краснодарский край.

Согласно данным официальной статистики, чаще других под подозрение в коррупционных преступлениях в 2018 году попадали сотрудники, занимающие различные должности в органах внутренних дел, местном самоуправлении, работающие на военной службе [18]. Также фигурантами дел о коррупции становились должностные лица, осуществляющие

деятельность в Министерстве юстиции России, Министерстве образования, в сфере охраны здоровья. [18]

В то же время в разрезе анализируемых статистических данных нельзя не отметить еще один важный показатель. Как показывают данные российских исследователей [8, 10], за последние 10 лет из числа должностных лиц, осужденных за получение взятки, к реальным срокам было приговорено не более 30% фигурантов, несмотря на значительное число случаев коррупции и объема следственных мероприятий. Как правило, результатами ведения данных уголовных дел чаще всего является приостановление или продолжительное производство ввиду недостаточности доказательной базы [16, с.3]. Таким образом, с учетом того факта, что даже официальные статистические данные в исследуемой области демонстрируют выраженную негативную тенденцию, а также принимая во внимание то, что большое число преступных деяний остаются не выявленными или не доказанными, а субъекты их совершения не несут уголовного наказания и других мер ответственности, криминогенную обстановку в сфере борьбы с коррупцией в текущих отечественных условиях следует признать по-прежнему напряженной и ухудшающейся.

Как свидетельствуют исследования специалистов последних лет [7, 8, 11], традиционно применяемые криминалистические приемы и организационные формы борьбы с должностной коррупцией уже не приводят к необходимым результатам, что требует их обновления, актуализируя важность совершенствования средств профилактики и противодействия, а также выявления условий и инструментов, способствующих повышению эффективности расследования таких деяний. Данные обоснования определили постановку **проблемы** исследования в настоящей статье, а также ее **актуальность**.

С учетом, что мы имеем дело с достаточно комплексной и многоаспектной темой исследования, **предметом** основного изучения в настоящей статье выступает специфика применения оперативно-розыскных данных при расследовании коррупционных преступлений должностных лиц. Данный вопрос, с методологических позиций, исследуется автором в эволюционном, функциональном и проблематиче-

ском ракурсах анализа, позволяющих в совокупности выявить основные направления по совершенствованию систематизированных в изучаемой области пробелов и недостатков.

Одним из ключевых средств в деятельности органов внутренних дел, направленным на противодействие коррупции в должностной сфере, как показывает отечественная практика последних десятилетий, выступает применение результатов оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД) при расследовании преступлений в едином комплексе с процессуальными средствами (выступающими в данном случае в качестве базисных) [16]. Апеллируя к результативности данного средства, А.А.Ларинков, в частности, указывает в качестве его достоинства «строгое соблюдение процедуры получения, документирования и представления таких результатов в органы расследования» [13, с.49]. Однако надо подчеркнуть, что в то же время именно в данной процедуре и ее содержании (точнее отсутствия ее детального представления и пошаговой конкретизации), определяющих ее организационно-правовых основах, частых нарушениях на практике, в отличие от декларативной теории, кроются многие недостатки и сложности применения подобных данных в качестве инструментария.

Как известно, все оперативно-розыскные мероприятия предусматривают документирование противоправных коррупционных преступлений в рамках выявления признаков их совершения и участвующих субъектов, а также получение оперативно-розыскной информации об обстоятельствах совершения. С учетом данных обстоятельств подобные данные представляют высокую ценность для следственных действий, выступая одним из важнейших и активно применяемых инструментов в ходе их осуществления. Однако на практике ситуация не столь однозначна.

Необходимо сделать отступление и отметить, что сложность и проблематичность использования оперативно-розыскных данных в исследуемой области в российских условиях во многом определена историческими причинами как организационного, так и законодательного плана, которые в ходе эволюции данных направлений были унаследованы текущей системой профилактики, пресечения и расследования коррупционных преступлений. В настоящее время еще большое число недостатков, на которых автор еще остановится далее в статье, напрямую коррелируют с неоднозначностью актуальных законодательных основ, регулирующих оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную сферу. Так, в частности, следует указать на фактически полное отсутствие легальной дефиниции механизма получения, документирования, представления и использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость разра-

ботки значительного числа ведомственных актов, часто противоречащих базовому законодательству или дублирующих его, как и друг друга. Подобные обстоятельства формируют практику абсолютно различающейся на местах оперативно-розыскной, следственной и судебной деятельности, понижая ее конечную эффективность. [13]

Так, в настоящее время правовую основу использования оперативно-розыскных данных составляет достаточно широкий перечень законодательных актов как федерального, так и ведомственного характера, в частности, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Приказ МВД России № 776, Приказ Министерства обороны России № 703, Приказ ФСБ России № 509, Приказ ФСО России № 507, Приказ СВР России № 42, Приказ ФСИН России № 535, Приказ ФСКН России № 398 и иные нормативные акты. Уже приведенный перечень документов свидетельствует, что применение оперативно-розыскных данных регулируется разветвленной системой актов, предполагающей необходимость гармонизации как их содержания, так и взаимодействия большого числа государственных органов и ведомств.

Апеллируя еще раз к историческому аспекту, нужно указать на тот факт, что до начала 2000-х годов в уголовно-процессуальном законодательстве нашей страны в целом отсутствовало понятие «результатов ОРД». Оно также не сформулировано сегодня и в рамках положений базового Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (далее Закон № 144-ФЗ) [2]. При этом норма того же законодательного акта, определяющая вопросы информационного обеспечения и документирования ОРД (ст.10), по мнению автора, носит крайне общий и размытый характер, не позволяющий установить как перечень подобных средств, так и алгоритм, необходимость, важность или приоритетность использования в составе другого инструментария, доказательный вес и юридическую силу этого средства. Не намного добавляет ясности и трактовка, приведенная в специализированном законодательстве – Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее УПК РФ) (ст.5) [1], где результаты ОРД определены с использованием понятия «сведения», однако его более расширенная трактовка при этом не приводится. Присутствует лишь апелляция к соответствию подобных сведений, как и процессу их получения, положениям Закона № 144-ФЗ [2]. Данное в содержании Определения от 20.02.2014 года № 286-О Конституционным судом РФ уточнение позволяет заключить, что результаты ОРД приобретают доказательную силу только по факту «закрепления их процессуальным способом, ... на основе норм уголовно-процессу-

ального закона путем производства следственных и иных процессуальных действий». [3] Подобные обстоятельства и неоднозначность трактовки основополагающих терминов во многом определяют проблематичность возбуждения уголовных дел по коррупционным деяниям должностных лиц и осуществления процедуры доказательства.

По мнению специалистов [7, 11, 12, 15], которое автор во многом разделяет, более широкое и исчерпывающее определение исследуемого понятия было в свое время представлено в утратившей юридическую силу «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд» (1998) [4], где оно трактовалось через категорию «фактические данные». По мнению автора, в текущих условиях необходимо, чтобы указанный выше термин получил не только большую конкретизацию, но и детализацию в разрезе различных источников с легитимацией их как результирующих источников доказательств. При этом крайне важно в четких легальных формулировках определить их юридический вес и уточнить различные возможности применения «в качестве основы, на которой в уголовном судопроизводстве могут быть сформированы доказательства» [15, с.255].

Пока же следователи демонстрируют достаточно осторожный подход к оперативно-розыскным данным, практически используемым в лучшем случае лишь на уровне косвенных доказательств. Их процессуальная проверка достаточно трудоемка в ресурсном плане (как в плане человеческих, так и временных ресурсов), что соответственно на практике снижает их приоритетность для органов следствия [14, с.7]. Между тем, как показывают исследования специалистов, применение в процессе доказывания оперативно-розыскных данных позволяет во многих случаях не только усилить доказательную базу, но и прогнозировать и решать важные тактические задачи в ходе следствия [12, с.26], что еще раз свидетельствует о важности их уравнивания в юридической силе с другими источниками доказательств, предусмотренным УПК РФ и базовым законом (Закон № 144-ФЗ). В особенности с учетом того, какую проблематичность в российских условиях представляет собой сегодня сбор доказательной базы по делам о коррупции должностных лиц, насколько при этом вариативны их способы ухода от ответственности и какой низкой остается раскрываемость подобных дел, а также значения по ним реальных уголовных наказаний для фигурантов на фоне прогрессирующего роста числа преступлений в этом направлении.

Надо отметить, что негативно влияет на использование данных ОРД в ходе проведения следствия по коррупционным преступлениям и «отсут-

ствие или низкое качество оперативной информации у должностных лиц, уполномоченных на осуществление ОРД, отсутствие регулярного предоставления значимой оперативной информации и ее дальнейшего применения в рамках следствия» [13].

Однако выделяются и другие причины, влияющие на сложности использования оперативно-розыскных данных в ходе следствия по коррупционным преступлениям должностных лиц. В частности, Генеральным прокурором Ю.Я.Чайкой в этой связи уже который год отмечаются такие негативные факторы, как «нарушение правил проведения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе вследствие незнания закона» [17]. Между тем, ошибки, допускаемые ответственными сотрудниками в ходе документации коррупционных преступных деяний должностных лиц, становятся причиной отказов в возбуждении уголовного дела, число которых, как уже отмечалось в статье ранее в рамках анализа актуальных статистических данных, к сожалению, по-прежнему достаточно велико.

Особые сложности применения оперативно-розыскных данных в ходе следствия обусловлены и распространенностью в их рамках схем с участием посредников, в том числе привлекаемых к сотрудничеству. Это не только значительно усложняет оперативно-розыскные действия в целом, но и их документационную фиксацию, а также сбор необходимой информации, в частности, влияет на ее неоднозначность, противоречивость и недостаточность, несоответствие реальным обстоятельствам. Часто наблюдаются ситуации, когда такой посредник, получая гарантии дальнейшего освобождения от уголовной ответственности, своим поведением сознательно или неосознанно предупреждает коррупционера об опасности, нарушая запланированный ход оперативно-розыскных мероприятий. При этом надо отметить, что в подобных условиях отсутствуют какие-либо однозначные и наиболее рекомендуемые алгоритмы действий. Каждая такая ситуация глубоко индивидуальна. Однако с позиции исследуемой в настоящей статье проблемы здесь важен тот факт, что документирование действий в таких обстоятельствах не должно быть прекращено или минимизировано. Более того, детальное документирование обстоятельств приобретает в подобных случаях особо важное значение для дальнейшего следствия и результативности ОРД. [9]

Нельзя не упомянуть и проблемы, связанные с попытками должностного лица – коррупционера скрыть улики при задержании (уничтожение, выброс доказательств, порча и т.д.). В связи с этим особую важность приобретают такие действия, как ограничение подвижности подозреваемого и обеспечение при этом как можно более полной и передающей

детали видеофиксации ОРД, в ходе которых акцент должен быть сосредоточен на фигурантах. Одновременно в протоколе или акте изъятия должно быть зафиксировано в качестве данных и безусловное соблюдение гарантий прав задержанного с поличным коррупционера – должностного лица в ходе получения взятки. Правильность и полнота оформления данных документов, их составление с участием незаинтересованных лиц гарантирует их доказательную силу, что, в частности, подтверждено содержанием кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда от 26.07.2011 года по делу № 22-5385/2011, где утверждается, что подобные источники «отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ» [5].

В завершение следует еще раз подчеркнуть такую проблему, как отсутствие эффективного взаимодействия и согласованности между сотрудниками оперативно-розыскных и следственных отделов, отсутствие единой правовой позиции по ключевым вопросам. Участие органов предварительного следствия в процессе оперативной проверки данных не должно носить формальный характер или сводиться к минимуму, а наоборот должно проявляться на самых ранних этапах (до появления официального повода к возбуждению дела о коррупции должностного лица). Коллективная работа подобного уровня позволяет «определить наиболее подходящий момент для задержания коррупционера и других субъектов до возбуждения уголовного дела», «установить дальнейшее направление ОРД, наметить конкретные мероприятия для формирования устойчивой доказательной базы» [13, с.27]. В конечном счете, это позволяет обеспечить более эффективные условия для сбора подобных данных и дальнейшую процессуальную возможность их применения в процессе формирования уголовно-процессуальных доказательств по коррупционным делам. В связи с этим как минимум на ведомственных уровнях в настоящее время назрела насущная необходимость разработки и фиксации алгоритма согласования действий и применения оперативно-розыскных данных не только в рамках следствия, но и на всех уровнях судопроизводства в целом по делам о коррупционных деяниях должностных лиц. Значительное содействие в данном вопросе может оказать систематизация и изучение как положительного, так и отрицательного опыта российских регионов, где подобные предложения принимаются на уровне методических рекомендаций.

Подводя итог вышесказанному, автор делает вывод, что активное и полноценное доказательное использование в процессе следствия по коррупционным преступлениям должностных лиц оперативно-розыскных данных возможно лишь при условии

решения в ближайшей перспективе обозначенных выше проблем, систематизация и анализ которых, безусловно, не претендуют на исчерпывающий характер ввиду ограниченности объема исследования и объема одной статьи. Важнейшую роль в вопросе их преодоления отдается таким механизмам, как совершенствование и гармонизация различных уровней законодательства по исследуемой проблеме, начиная с устранения неоднозначности терминологического плана и детализации основных понятий, имеющих приоритетное значение для работы с данными ОРД и их использования в ходе следствия и привлечения к ответственности лиц, совершающих коррупционные должностные преступления; а также взаимодействие органов и диссеминация положительного опыта применения оперативно-розыскных данных в ходе следствия по коррупционным делам. Данные вопросы требуют отдельного научного изучения и обоснования. В то же время автор исходит из убеждения, что на современном этапе развития системы российского правосудия расследование коррупционных преступлений должностных лиц с участием лишь следственных органов без теоретически и методически обоснованного и практически подтвердившего свою эффективность, неоднократно апробированного в различных условиях алгоритма взаимодействия с другими участниками судопроизводства, тщательно фиксирующими все детали и мероприятия в ходе осуществляемой деятельности с ее дальнейшей передачей на другие уровни, мало реально и, более того, непродуктивно. Подобного рода взаимодействие, в особенности в информационном плане, по мнению автора, должно исходить с более низких уровней и далее транслироваться на вышестоящие. Таким образом, назрела необходимость научной разработки общей, многоуровневой, комплексной системы получения, подготовки и обмена данными, а также их использования в целях плодотворного и гармоничного, нацеленного на долгосрочные цели взаимодействия по пресечению коррупции должностных лиц, – системы, которая в качественном измерении окажет положительное влияние как на процессы и мероприятия, так и результаты предварительного расследования, так и ОРД по рассматриваемой категории уголовных дел, что, в конечном счете, должно привести к снижению роста преступности в данном направлении. Эта задача носит, безусловно, долговременный характер и не может решаться одномоментно в директивном плане, требуя системного подхода, объединения усилий представителей научного сообщества, специалистов-практиков, общественного обсуждения и анализа перспективного отечественного и зарубежного опыта в данном направлении, в том числе в проблематическом контексте.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 04.11.2019) [Электронный ресурс]// СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 24.11.2019)
2. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 02.08.2019) [Электронный ресурс]// СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 24.11.2019)
3. Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 г. № 286-О [Электронный ресурс]// СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=383201> (дата обращения: 21.11.2019)
4. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд (утв. Приказом ФСНП РФ № 175, ФСБ РФ № 226, МВД РФ № 336, ФСО РФ № 201, ФПС РФ № 286, СВР РФ № 56 от 13.05.1998 г.) [Электронный ресурс]// СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20182/ (дата обращения: 21.11.2019)
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда от 26.07.2011 г. по делу № 22-5385/2011 [Электронный ресурс]// Официальный сайт Челябинского областного суда. URL: <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=bsr&mid=143> (дата обращения: 21.11.2019).
6. *Ануфриева Е.А.* Особенности криминалистической методики раскрытия и расследования коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД: Дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. 220 с.
7. *Ануфриева Е.А., Куценко М.В.* Проблемы проведения тактической операции «задержание с поличным» по делам о коррупционных преступлениях // Российский следователь. 2016. № 23. С. 10-14.
8. *Волконская Е.К.* Криминологическая оценка современной ситуации, связанной с коррупционной преступностью в России// Lex Russica. 2018. № 4. С. 121-135. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.121-135
9. *Гармаев Ю.П., Степаненко Р.А.* Противодействие коррупционным преступлениям, связанным с мнимым посредничеством во взяточничестве: Метод. пособие. Новосибирск: НЮИ (ф) ТГУ, 2015. 17 с.
10. *Городилов А.А., Куликов А.В., Таранин Б.А.* Документирование взяточничества и коммерческого подкупа. Калининград: КалЮИ МВД России, 2007. 144 с.
11. *Григорьева М.А., Ларинков А.А.* Проблемы уголовного преследования за совершение преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. 2017. № 1. С. 11-15
12. *Иванов П.И.* Актуальные проблемы использования результатов ОРД при расследовании преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. 2012. № 1. С.25-27
13. *Ларинков А.А.* Взаимодействие органов предварительного расследования с органами, осуществляющими ОРД // Криминалистика. 2014. № 2. С. 49-54.
14. *Марзаев Э. В.* Оперативно-розыскные меры по борьбе с экономическими преступлениями в сфере государственных внебюджетных фондов (по материалам подразделений БЭП): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.
15. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под общ. ред. В. М. Лебедева. М.: Юрайт, 2008. 1158 с.
16. *Удовидченко М.А.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений: Криминалистический аспект: Дисс... канд. юрид. наук. М., 1999. 197 с.
17. Доклад Генерального прокурора РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 10.04.2019 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. URL: <https://efir.genproc.gov.ru/rubrics/2/video/579> (дата обращения: 29.11.2019)
18. Портал Правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 29.11.2019)

References

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ (ed. 04.11.2019) [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of appeal: 24.11.2019)
2. Federal Law dated 12.08.1995 № 144-FZ «On Operational and Search Activities» (ed. 02.08.2019) [Electronic Resource] // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (date of appeal: 24.11.2019)
3. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 20.02.2014 № 286-O [Electronic resource] // Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=383201> (date of appeal: 21.11.2019)
4. Instruction on the Procedure for Submitting the Results of Operational and Search Activities to the Body of Inquiry, Investigator, Prosecutor or Court (apprvd. by the order of FSNP RF № 175, FSB of the RF № 226, the Ministry of Internal Affairs of the RF № 336, FSO of the Russian Federation № 201, FPS RF № 286, SVR of the RF № 56 of 13.05.1998) [An electronic resource]// Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20182/ (date of appeal: 21.11.2019)

5. Cassation definition of Judicial board on criminal cases of the Chelyabinsk regional court of 26.07.2011 on case № 22-5385/2011 [An electronic resource]// The Official site of the Chelyabinsk regional court. URL: <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=bsr&mid=143> (date of appeal: 21.11.2019).
6. *Anufrieva E.A.* Peculiarities of forensic methodology of disclosure and investigation of corruption crimes committed by internal affairs officers: Thesis of cand. of jurid. sciences. Tomsk, 2012. 220 s.
7. *Anufrieva E.A., Kutsenko M.V.* Problems of conducting tactical operation «detention red-handed» in cases of corruption crimes// Russian investigator. 2016. № 23. Pp. 10-14.
8. *Volkonskaya E.K.* Criminological Assessment of the Modern Situation Related to Corruption Crime in Russia// Lex Russia. 2018. № 4. Pp. 121-135. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.121-135
9. *Garmayev Yu.P., Stepanenko R.A.* Countering corruption crimes related to perceived mediation in bribery: Method. recommendations. Novosibirsk: NYI (f) TSU, 2015. 17 p.
10. *Gorodilov A. A., Kulikov A. V., Taranin B. A.* Documenting bribery and commercial bribery. Kaliningrad: KalUI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 144 p.
11. *Gregorieva M.A., Larinkov A.A.* Problems of criminal prosecution for the commission of crimes of corruption// Russian investigator. 2017. № 1. Pp. 11 - 15
12. *Ivanov P.I.* Topical problems of using the results of the OIA in the investigation of corruption-related crimes// Russian investigator. 2012. № 1. Pp.25-27
13. *Larinkov A.A.* Interaction of preliminary investigation bodies with bodies carrying out OIA // Forensic. 2014. № 2 (15). Pp.49-54.
14. *Marzayev E. V.* Operational and investigation measures to combat economic crimes in the sphere of state extra-budgetary funds (based on the materials of BEP divisions): Thesis of cand. of jurid. sciences. Moscow, 2009. 24 p.
15. Scientific and practical commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation/ Under main ed. of V. M. Lebedev. M.: Jurite, 2008. 1158 p.
16. *Udovydchenko M.A.* Use of the results of operational and search activities in the investigation of crimes: Forensic aspect: Thesis of cand. of juridic. sciences. Moscow, 1999. 197 p.
17. Report of the Prosecutor General of Russia to the Federal Assembly of the Russian Federation dated 10 April 2019 [Electronic resource]// Website of the Prosecutor General's Office of Russia. URL: <https://efir.genproc.gov.ru/rubrics/2/video/579> (date of appeal: 29.11.2019)
18. Portal of Legal Statistics of the General Prosecutor's Office of Russia [Electronic Resource]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (date of appeal: 29.11.2019)

УДК 343.54

Лосев С.Г.,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области,
klop561@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ВО ВРЕМЯ СОВЕРШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Работа посвящена рассмотрению одной из проблем уголовно-правовой оценке причинения вреда здоровью средней тяжести в процессе совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера. Подвергается критике правовая позиция высших судебных инстанций, согласно которой причинение вреда здоровью средней тяжести в процессе совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера полностью охватывается диспозицией статьи 131 или статьи 132 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по статье 112 УК РФ. В качестве метода исследования используется исторический метод – сравнение действующих актов толкования уголовного законодательства, принятых Верховным судом СССР и Верховным судом РФ. Также применяется метод сравнения размеров наказания за совершение насильственных сексуальных преступлений и размера наказания, который был бы назначен в том случае если бы наказание за совершение данных преступлений назначались по совокупности преступлений по правилам ст. 69 УК РФ. Путем применения данного метода доказывается, что законодатель, конструируя санкции составов насильственных сексуальных преступлений, связанных с причинением ущерба здоровью потерпевшему лицу, устанавливает более строгую ответственность, чем это бы имело место при совокупности преступлений.

На основании применения данного метода обосновывается позиция, что причинение вреда здоровью средней тяжести в процессе совершения изнасилования или в процессе совершения насильственных действий сексуального характера должны квалифицироваться как самостоятельное преступление и окончательное наказание за его совершение должно назначаться по совокупности преступлений.

Ключевые слова: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, вред здоровью, вред здоровью средней тяжести, совокупность преступлений

Losev S.,

Candidate of Law, lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines,
branch of ANO VO «Institute of Business Career» in the Tyumen Region

LEGAL REGULATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CAUSING HARM TO HEALTH DURING PERFORMANCE OF VIOLENT SEXUAL CRIMES

The work is devoted to the consideration of one of the problems of the criminal legal assessment of harm to moderate health in the process of rape or sexual assault. The legal position of the highest courts is criticized, according to which moderate bodily harm in the process of committing rape or sexual assault is fully covered by the disposition of Article 131 or Article 132 of the Criminal Code of the Russian Federation and does not require additional qualifications under Article 112 of the Criminal Code of the Russian Federation.

As a research method, the historical method is used – a comparison of the existing acts of interpretation of criminal legislation adopted by the Supreme Court of the USSR and the Supreme Court of the Russian Federation. A method is also used to compare the amount of punishment for committing violent sexual crimes and the amount of punishment that would be imposed if the punishment for the commission of these crimes were imposed on the totality of crimes under the rules of Art. 69 of the Criminal Code. Using this method, it is proved that the legislator, when constructing sanctions for violent sexual offenses related to causing damage to the injured person's health, establishes a stricter liability than would be the case in the aggregate of crimes. Based on the application of this method, the position is substantiated that crimes of causing moderate harm to health in the process of committing rape or in the process of committing violent acts of a sexual nature should be qualified as an independ-

ent crime and the final punishment for causing this harm to health in the course of committing violent sexual crimes should be assigned together crimes.

Keywords: rape, violent acts of a sexual nature, harm to health, harm to moderate health, a set of crimes

Квалификация вреда здоровью, причиненного в ходе сексуального насилия является узкоспециальным вопросом. Даже достаточно подробные обзорные статьи, посвященные проблемам уголовной ответственности за изнасилование по законодательству РФ не уделяют внимание данной проблеме [2].

При этом, как представляется, вопрос о квалификации телесных повреждений, причиненных в процессе совершения изнасилования и насильственных действий сексуального характера, достаточно важен, если учесть, что квалификация деяния по совокупности преступлений влечёт назначение наказания по совокупности преступлений, что может существенно усилить ответственность виновного лица. Кроме того, очевидно, что вопрос об ответственности за причинение вреда во время совершения изнасилования в целом затрагивает проблему уголовно-правовой охраны здоровья.

Кроме того, актуальность квалификации причинения вреда здоровью в процессе применения преступного насилия обусловлена тем, что «УК России, предусматривает «насилие», например, в качестве средства преступления в 35 статьях Особенной части» [7, С. 274].

Вопрос о квалификации причинения вреда здоровью в процессе совершения изнасилования (насильственных действий сексуального характера), чётко разрешен Пленумом Верховного суда РФ.

Пункт второй ныне действующего постановления Пленума «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», характеризуя способ совершения насильственного полового сношения определяет его как опасное или неопасное для жизни или здоровья насилие, включая побои а также как совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему лицу физической боли либо с ограничением его свободы.

Далее, высшая судебная инстанция указывает, что если потерпевшему лицу во время совершения насильственных сексуальных преступлений был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, то содеянное полностью охватывается квалификацией по статьям 131 и 132 УК РФ, что означает, что виновному не стоит вменять иные статьи уголовного закона. В то же время пленум указывает на то, что умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего всё же требует дополнительной квалификации содеянного по соответствующей части статьи 111 УК РФ,

например, в том случае, если виновный умышленно причинил в процессе изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера тяжкий вред здоровью потерпевшего лица, что повлекло по неосторожности его смерть, при отсутствии других квалифицирующих признаков следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 131 или частью 1 статьи 132 УК РФ и частью 4 статьи 111 УК РФ [6].

В предшествующем постановлении от 15 июня 2004 года в п.15 указывалось, что применение насилия при изнасиловании и совершении насильственных действий сексуального характера, причинившего легкий или средней тяжести вред здоровью, полностью охватывается диспозициями статей 131 и 132 УК РФ и не требует дополнительной квалификации. Если же при совершении данных преступлений или покушении на них потерпевшему умышленно причиняется тяжкий вред здоровью, то пленум ВС РФ рекомендует квалифицировать содеянное по соответствующей части ст.111 УК РФ. Также высшая судебная указывает, что неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему лицу в процессе изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера дополнительной квалификации по другим статьям УК РФ не требует [5].

Ранее действовавшее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 года № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании», толкующее положения ст. 117 УК РСФСР, рекомендовало в случае причинения потерпевшему легких или менее тяжких телесных повреждений квалифицировать действия виновного по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР, а в случае причинения тяжких телесных повреждений – по ч. 4 ст. 117 УК РСФСР. Очевидно, что данные рекомендации Верховный Суд относил и к случаям причинения тяжкого вреда здоровью и вреда здоровью средней тяжести [4].

Самое раннее изложение данной правовой позиции высшей судебной инстанции, из числа которых удалось найти, содержалось в п. 4 постановления пленума Верховного суда СССР от 25.03.1964 года № 2 в редакции постановления пленума ВС СССР от 26.04.1984 года. Согласно данного акта толкования права, изнасилование, а равно покушение на него, если они сопровождалась причинением легких или менее тяжких телесных повреждений (аналогом данных преступлений в настоящее время является умышленное причинение легкого вреда здоровью а также

причинение вреда здоровью средней тяжести), под- лежит квалификации только по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР (либо по соответствующей статье УК республики Со- юза ССР), а если потерпевшему были причинены тяж- кие телесные повреждения (аналог современного тяжкого вреда здоровью), то по соответствующей ча- сти статьи 108 УК РСФСР или соответствующей статьи Уголовного кодекса союзной республики. Пленум ВС СССР категорически указывает, что дополнительная квалификация по другим статьям о преступлениях против личности не требуется, полагая, что приме- нение насилия и причинение вреда здоровью потер- певшего полностью охватывается диспозицией ста- тьи 117 УК РСФСР [3].

При этом следует учитывать, что структура и содержание ст. 117 УК РСФСР отличается от структу- ры и содержания статьи 131 УК РФ, в частности, статья 117 УК РСФСР содержит только 4 части в отличие от 5-ти частей статьи 131 УК РФ.

Таким образом, автор может утверждать, что мы имеем дело с устоявшейся правовой позицией высшей судебной инстанции по вопросу квалифи- кации причинения вреда здоровью во время соверше- ния насильственных посягательств на половую не- прикосновенность и половую свободу.

Однако является ли такая позиция правильной с точки зрения теории уголовного права? Как пред- ставляется – нет.

По сути, нам необходимо отграничить конку- ренцию части и целого от идеальной совокупности преступлений. В данной ситуации можем сформули- ровать правило, в соответствии с которым «сложный состав охватывает включенные в него простые лишь в той мере, в которой характер и степень опасности последних не превышает опасности деяния, предус- мотренного сложным составом, причем роль крите- риев общественной опасности выполняют размеры соответствующих санкций» [1; С.58]. То есть для раз- граничения конкуренции от идеальной совокупно- сти преступлений необходимо сопоставить санкции статьи, содержащей сложный состав преступления, включающего в себя насилие в качестве конструктив- ного признака, и санкцию статьи, где данное насилие выступает в качестве самостоятельного преступле- ния. Данное правило является самым простым и при решении вопроса охватывает ли диспозиция статьи Особенной части УК РФ диспозицию другой статьи, за- ключается в том, что надо сравнить санкции данных статей и, если размер наказания одной статьи мень- ше, то можно предположить, что состав преступления, содержащийся в данной статье охватывается призна- ками более общественно опасного состава преступле- ния. Видимо данным правилом и руководствовались пленумы ВС СССР и ВС РФ, так как в рассматриваемом нами случае подобный обобщенный подход вряд ли

даст однозначное решение, так как санкция ч. 1 ст. 112 предусматривает наибольшее наказание в виде ли- шения свободы на срок до трех лет, а санкции первых частей ст. ст. 131 и 132 предусматривают наказание на срок от 3 до 6 лет. Исходя из этого, можно сделать вы- вод о том, что изнасилование (насильственные дей- ствия сексуального характера) поглощает причине- ние вреда здоровью средней тяжести.

Однако, хотя такое правило и выглядит доста- точно простым, его применение порождает множе- ство вопросов, в частности – как состав изнасилова- ния, который имеет формальную конструкцию, может охватывать признаки материальных составов?

Также в качестве дополнительного аргумента, представляется возможным уяснить логику построе- ния квалифицированных составов преступлений ста- тей 131 и 132 УК РФ, для того, чтобы понять отноше- ние законодателя к причинению вреда жизни и здо- ровью в процессе совершения изнасилования.

При этом необходимо отметить, что констру- ируя квалифицированные составы изнасилования/ насильственных действий сексуального характера, законодатель активно использует приём построения составов с учтенной совокупностью, при котором происходит объединение в один состав преступления нескольких составов, ответственность за совершение которых предусмотрена разными статьями Особен- ной части УК РФ, если данное сочетание достаточно часто встречается на практике. Чтобы понять логику законодателя в отношении конструирования санкций за совершение насильственных сексуальных престу- плений с составами с учтенной совокупностью, не- обязательно сравнить наказание за совершение данных преступлений с гипотетической ситуацией, когда дан- ный состав отсутствует и наказание назначается по правилам статьи 69 УК РФ, как за совокупность пре- ступлений. При этом следует учесть, что конструкция статей 131 и 132 УК РФ идентичны.

Внимательно проанализировав рассматривае- мые статьи, можно выделить в них несколько таких составов:

- состав, содержащийся в п. «б» ч. 2 ст. ст. 131 и 132 УК РФ – этот состав объединяет состав ч. 1 ст. ст. 131 и 132 и состав преступления, предусмотренный ст. 119 УК РФ.

- состав, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. ст. 131 и 132 УК РФ – этот состав, который объединяет основ- ные составы преступления, предусмотренного ч. 1 ст. ст. 131 и 132 УК РФ и состав преступления, предусмо- тренный ст. 121 УК РФ

- состав преступления, предусмотренный п. «б» ч. 3 ст. ст. 131 и 132 УК РФ фактически содержит целых три состава с учтенной совокупностью, а именно: со- вокупность основных рассматриваемых составов ста- тей 131 и 132 УК РФ и основных составов статей 122

УК РФ; основных составов статей 131 и 132 УК РФ и составов преступления, предусмотренных ст. 110 УК РФ, так как к тяжким последствиям относится самоубийство потерпевшего лица.

Рассмотрим позицию законодателя по отношению к наказуемости указанных выше составов с учтенной совокупностью.

Изнасилование (насильственные действия сексуального характера), сопряженные с угрозой убийства или причинением тяжкого вреда здоровью относится к категории тяжких преступлений и карается лишением свободы от 4 до 10 лет, кроме того, данное преступление может влечь применение альтернативного наказания в виде ограничения свободы сроком до 2 лет. В соответствии с правилами статьи 69 УК РФ максимальный размер наказания за угрозу убийством в процессе совершения изнасилования, насильственных действий сексуального характера, в том случае, если бы данный состав отсутствовал в статьях 131 и 132 УК РФ, не превысил бы 9 лет лишения свободы, т.к. в соответствии с правилами назначения наказания по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 69 УК РФ размер наказания, назначаемого за совокупность преступлений не может превышать более чем в полтора раза размер наказания за наиболее тяжкое преступление. То есть состав с учтенной совокупностью, включенный в конструкцию статей 131 и 132 УК РФ карается более строго, чем если бы эти преступления карались как самостоятельные преступления, объединенные совокупностью.

Изнасилование/насильственные действия сексуального характера, повлекшее заражение потерпевшего венерическим заболеванием караются аналогично. При этом совокупность ч. 1 ст. 131/132 УК РФ и наиболее квалифицированного состава ст. 121 УК РФ также дает максимум 8 лет, а при совокупности ч. 1 ст. 121 УК РФ – не более 6,5 лет – аналогично, единый учтенный состав карается строже, чем если бы наказание назначалось по совокупности отдельных преступлений, включенных в этот состав.

Преступления, предусмотренные п. «б» ч. 3 ст. 131 /132 УК РФ относятся к категории особо тяжких и караются лишением свободы на срок от 8 до 15 лет, а также предусматривают два дополнительных наказания на выбор правоприменителя в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком **до 20 лет**, либо ограничением свободы. При этом, если бы данный состав не был включен в конструкцию статей УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за насильственные сексуальные преступления, и суд назначал бы наказания за эти преступления по правилам ст. 69 УК РФ, по совокупности ч. 1 ст. 131 УК РФ и ч.1 ст. 109 УК РФ, то окончательное наказание за содеянное не превысило бы 9-ти лет, то есть деяние не вы-

ходило бы за пределы категории тяжкого преступления, при этом никакие дополнительные наказания не были бы предусмотрены. А совокупность ч. 2 ст. 131 и ч. ст. 109 не превышает 13 лет. Назначение наказания по совокупности ч. 1 ст. 131/ 132 УК РФ и ч. 2 ст. 122 УК РФ, либо по ст. 118 УК РФ не может караться строже, чем 9 лет лишения свободы. Совокупность преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ и ч. 1 ст. 131 или ч. 1 ст. 132 УК РФ не может караться строже, чем 15 лет лишения свободы, при этом дополнительное наказание в виде запрета занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью не превышает 10 лет. Как видим, логика законодателя сохраняется – единый учтенный состав карается строже.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод – в том случае, если законодатель объединяет в единый состав преступления состав изнасилования или насильственных действий сексуального характера с иными составами насильственных преступлений против личности, в том числе причиняющих какой-либо ущерб здоровью, его позиция достаточно жесткая – максимальные размеры наказания за совершение преступления с составом с учтенной совокупностью превышают максимальный размер наказания, который было бы назначено виновному в том случае, если его действия квалифицировались бы по совокупности статьи 131 или статьи 132 УК РФ и статей Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за соответствующий вред жизни и здоровью.

Исходя из вышеизложенного, позиция Верховного Суда выглядит более чем странно – ибо преступление, предусмотренное даже ч. 1 ст. 112 относится к категории преступлений средней тяжести и указание о поглощении тяжким преступлением преступления средней тяжести выглядит откровенно противоречащим всей логике построения статей 131 и 132 УК РФ.

Основной состав причинения смерти по неосторожности относится к категории преступлений небольшой тяжести и карается лишением свободы до двух лет; основной состав заражения ВИЧ – инфекцией карается лишением свободы до 5 лет, то есть находится на верхнем пределе размера наказания преступлений средней тяжести. Основной состав доведения до самоубийства карается лишением свободы до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового. Состав же ч. 1 ст. 118 относится к категории преступлений небольшой тяжести, так же, как и заражение венерическим заболеванием, и угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Среди этих преступлений основной состав умышленного причинения вреда здоровью средней тяжести, караемый тремя годами лишения свободы отнюдь не выделяется незначительностью.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод:

Причинение вреда здоровью средней тяжести в процессе совершения изнасилования (насильственных действий сексуального характера) должно квали-

фицироваться как самостоятельное преступление и окончательно наказание за причинение данного вреда здоровью в ходе совершения насильственных сексуальных преступлений должно назначаться по совокупности преступлений.

Список литературы

1. *Горелик А.* Назначение наказания по совокупности преступлений. – Красноярск, 1975.
2. *Жовнир С.А.* Вопросы квалификации изнасилования. Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. № 17/ 2017 год, стр. 90-95.
3. Постановления Пленума Верховного суда СССР от 25 марта 1964 года №2 О судебной практике по делам об изнасиловании (с изм. и доп., внесенными Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 26.04.1984 г. №7)
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 N 4 (ред. от 21.12.1993) «О судебной практике по делам об изнасиловании»
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. N 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»
7. *Шарапов Р.Д.* Физическое насилие в головном праве. – С.Пб., 2001.

References

1. *Gorelik A.* Appointment of punishment for the totality of crimes. – Krasnoyarsk, 1975.
2. *Zhovnir S.A.* Rape qualification issues. Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. No. 17/2017, pp. 90-95.
3. Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of March 25, 1964 No. 2 On judicial practice in cases of rape (as amended and supplemented by the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of 04/26/1984 No. 7)
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.22.1992 N 4 (as amended on 12.21.1993) «On judicial practice in cases of rape»
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2004 N 11 «On judicial practice in cases of crimes stipulated by Articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation» (as amended)
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 4, 2014 No. 16 «On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the person»
7. *Sharapov R.D.* Physical abuse in the head law. – S.Pb., 2001.

УДК 342.531

Медведева Т.П.,

руководитель направления по правовому сопровождению коммерческой деятельности, департамент корпоративной работы и правового сопровождения бизнеса, АО «Почта России»,
tatianamedvedeva@mail.ru

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ ПАРЛАМЕНТА

В данной статье проанализированы содержание и структура понятия правового статуса как основополагающей характеристики любого субъекта правоотношений и на примере верхней палаты парламента. Автором обоснована необходимость широкого подхода к определению правового статуса. Рассмотрены элементы конституционно-правового статуса: правосубъектность, компетенция, гарантии, юридическая ответственность. На основе проведенного исследования автором выделены и сгруппированы составные элементы правового статуса, а также предлагается самостоятельное определение конституционно-правового статуса верхней палаты парламента.

Ключевые слова: правовой статус, конституционно-правовой статус, верхняя палата, парламент, компетенция, предметы ведения, полномочия, права и обязанности

Medvedeva T.,

Head of Legal Support for Commercial Activities, Corporate and Commercial Activities Support Department, Corporate Work and Legal Support Department, Legal Affairs Directorate, JSC «Russian post»

THE CONCEPT OF THE CONSTITUTIONAL-LEGAL STATUS OF THE UPPER CHAMBER OF THE PARLIAMENT

This article analyzes the content and structure of the concept of legal status as a fundamental characteristic of any subject of legal relations and the example of the upper house of parliament. The author substantiates the necessity for a broad approach to determining legal status. The elements of constitutional status are considered: legal personality, competence, guarantees, legal responsibility. Based on the study, the author identified and grouped the constituent elements of the legal status, as well as proposing an independent determination of the constitutional legal status of the upper house of parliament.

Keywords: legal status, constitutional legal status, upper house, parliament, competence, subject matter, powers, rights and obligations

При рассмотрении вопроса конституционно-правового статуса верхней палаты парламента необходимо изначально четкое понимание термина «правовой статус» и состава его элементов.

Понятие «правовой статус» (от лат. status – состояние, положение) наравне с понятием «правовое положение» является одним из ключевых понятий в юридической науке при характеристике субъектов правоотношений. Однако единого понимания указанного термина и элементов, его составляющих пока не сложилось. Проблема терминологии в рамках конституционного права в целом представляет собой фактор, который в значительной степени ограничивает возможность исследования конкретных субъектов права. Разрешение данной проблемы и формулирование четко определенного понятийного аппарата

способствуют глубокой проработке предмета любого исследования.

Под термином «правовой статус», как правило, понимаются установленное нормативными правовыми актами положение органа, организации, должностных лиц, личности. Правовой статус определяет место органа в системе других субъектов права, его важнейшие права и обязанности, их формы реализации.

Согласно Большому юридическому словарю под правовым статусом понимается «установленное нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей» [1, стр. 355].

По мнению Н.И. Матузова и А.В. Малько правовой статус представляет собой признанную нормативными правовыми актами совокупность прав и обязанностей субъектов, полномочий органов и

должностных лиц, благодаря которым они выполняют свои социальные роли [2, стр. 237].

Профессор С.А. Авакьян определяет правовой статус как положение органа, организации, объединения, должностного лица, личности, утвержденное соответствующим нормативным правовым актом. По мнению ученого, данный статус описывает их природу и место в системе общественных правоотношений и субъектов права. Кроме того, таким статусом предусмотрены формы и порядок реализации необходимых прав и обязанностей субъектов права, а также принимаемые ими акты и совершаемые действия [3, стр. 121].

Как видно из приведенных определений права и обязанности являются неотделимыми элементами правового статуса, составляют «стержень» понятия «статус», но при этом понятие «статус» может содержать также и вторичные элементы такие как принципы формирования и деятельности, гарантии, ответственность и т.д. Так, права и обязанности несостоятельны в полной мере без гарантий и мер ответственности, способствующих их реализации.

В юридической науке сложился узкий и широкий подход к определению структуры правового статуса. Согласно первому подходу (его представляет, например, Н.В. Витрук, В.О. Лучин) в структуру правового статуса входят лишь права и обязанности (применительно к личности), компетенция и полномочия (применительно к государственным органам и иным субъектам) [4, стр. 25] [5, стр. 119]. При этом подходе иные элементы только дополняют характеристику субъекта права и выполняют обслуживающую роль. Приверженцы широкого подхода (среди них Н.А. Богданова, Б.Н. Габричидзе) рассматривают понятие конституционно-правового статуса расширительно, включая в качестве элементов помимо прав, обязанностей (или компетенции, полномочий) также иные характеристики: место в обществе, гарантии, ответственность [6, стр. 15] [7, стр. 7].

Примером широкого подхода может служить определение А.Б. Барихина, согласно которому правовой статус – это правовое положение субъекта права, характеризующее и определяемое его организационно-правовой формой, правами и обязанностями, ответственностью, полномочиями, вытекающими из законодательных и иных нормативных правовых актов [8, стр. 204].

Следует согласиться с мнением вышеуказанных исследователей, которые не ограничивают понятие правового статуса только правами и обязанностями и не отождествляют эти понятия. Реализация прав невозможна без гарантий, которые создают условия и обеспечивают признание и беспрепятственное осуществление своих прав тем или иным субъектом права. В свою очередь, выполнение обязанностей обусловлено установлением мер ответственности. Юри-

дическая ответственность является неотъемлемым элементом правового статуса, поскольку в случае неисполнения возложенных на субъект обязанностей к нему могут быть применены те или иные меры государственного принуждения. Таким образом, широкий подход наиболее полно раскрывает сущность государственного органа.

На основании изложенного представляется целесообразным согласиться с позицией тех ученых, которые не ограничивают содержание правового статуса только правами и обязанностями (компетенцией) и не отождествляют эти понятия.

Анализируя правовой статус верхней палаты парламента, необходимо иметь в виду, что как любой государственный орган палата парламента обладает соответствующей компетенцией.

Вместе с тем в научной литературе редко проводится четкое разграничение между понятиями «компетенция», «предметы ведения» и «полномочия», что не способствует определенности понятийного аппарата.

Согласно В.М. Корельскому компетенция органа государственной власти представляет собой присутствие у него властных полномочий, обусловленных предметом ведения [9, стр. 160].

И.А. Умнова понимает под компетенцией государственного органа властные полномочия по определенным предметам ведения. Конкретное полномочие органа государственной власти означает юридически закрепленное за органом государства право и одновременно обязанность принятия правовых актов и осуществление иных властных мер, направленных на решение конкретных задач и функций данного органа [10, стр. 170].

Таким образом, по мнению отдельных исследователей, компетенция является составной частью правового статуса и состоит исключительно из двух основополагающих элементов – прав и обязанностей.

При этом стоит согласиться с И.В. Гранкиным, который отмечал, что исключение из понятия компетенции предметов ведения делает невозможным применение органом государственной власти или должностным лицом закрепленных за ними полномочий. Ученый полагает, что осуществление полномочий возможно исключительно в пределах отведенных сфер общественной жизни [11, стр. 87].

Так что же представляют собой предметы ведения и полномочия?

Предметы ведения – это определенные сферы правоотношений, на которые распространяются полномочия субъекта, то есть пределы, в которых тот или иной субъект правоотношений вправе и обязан действовать.

По мнению А.Н. Писарева, под полномочиями понимается неразрывность прав и обязанностей [12, стр. 373].

Исходя из вышеизложенного автор полагает необходимым выделить следующие элементы термина правовой статус, из совокупности которых можно будет сформулировать дефиницию указанного понятия:

1) правосубъектность – совокупность принципов деятельности и порядка формирования, на которые должен опираться субъект правоотношений для того, чтобы обладать правами и обязанностями (предстатусный элемент).

2) компетенция (непосредственно статусный элемент):

а) предметы ведения – сферы правового регулирования, в которых уполномочен действовать субъект права.

б) полномочия – ограниченная правом совокупность прав и обязанностей, необходимых для выполнения определенных задач и достижения целей деятельности конкретным субъектом права.

При этом в случае рассмотрения правового статуса в узком понимании правовой статус ограничивается данным элементом.

3) гарантии – правовые нормы, обеспечивающие осуществление субъектом своих прав посредством свободного волеизъявления и независимых деяний;

4) юридическая ответственность – система мер государственного принуждения, применяемая к субъекту права при совершении им деликтных деяний.

Гарантии и юридическая ответственность являются послестатусными элементами.

Таким образом, на основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать определение термина «правовой статус».

Правовой статус представляет собой юридически закрепленную и применяемую в установленных сферах правоотношений совокупность принципов формирования и деятельности, реализуемых прав, выполняемых обязанностей, соответственно обеспеченных гарантиями и мерами ответственности.

Исходя из логики изложения, следует перейти к раскрытию содержания и формулированию дефиниции термина «конституционно-правовой статус».

Любой правовой статус юридически определен в нормах законодательства. В зависимости от круга источников такое законодательство понимается как в узком, так и в широком смысле [13, стр. 89-96]. В первом случае конституционное законодательство сводится к совокупности собственно законов, предметом регулирования которых являются общественные отношения конституционного характера [14, стр. 144] [15, стр. 66]. Во втором случае оно включает в себя не только законы, но и иные нормативные правовые акты, которые регулируют общественные отношения, составляющие предмет конституционного права как отрасли права [16, стр. 276].

Следует иметь в виду, что поскольку палата парламента является коллегиальным органом власти, немаловажным элементом правового статуса является порядок формирования такого органа. Только при соблюдении порядка формирования государственного органа его деятельность будет отвечать принципу законности. На порядок формирования верхней палаты парламента как элемент его конституционно-правового статуса также обращает внимание А.А. Мьерхольд. [17, стр. 134].

Следовательно, применительно к термину «конституционно-правовой статус верхней палаты парламента» актуальна следующая дефиниция – это закрепленная в положениях конституционно-правовых актов, регламентирующих функционирование верхней палаты парламента, совокупность его принципов деятельности и порядка формирования, предметов ведения и полномочий, обеспеченных гарантиями и мерами ответственности и отражающая его положение как субъекта конституционно-правовых отношений.

Список литературы

1. Сухарев А.Я. Юридический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 355.
2. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: курс лекций. М.: Юристъ, 1997. С. 237.
3. Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Норма М, 2000. С. 121.
4. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. С. 25.
5. Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997. С. 119.
6. Богданова Н.А. Категория статуса в конституционном праве // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1998. № 3. С. 15.
7. Габричидзе Б.Н. Конституционный статус органов Советского государства. М., 1982. С. 7.
8. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2002. С. 204.
9. Теория государства и права / под. ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: Инфра-М, 2002. С. 160.
10. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: учебно-практическое пособие. М.: Дело, 2000. С. 170.
11. Гранкин И.В. Конституционно-правовые основы российского парламентаризма. М., 2005. С. 87.
12. Овчинников И.И., Писарев А.Н. Муниципальное право России. М.: Эксмо, 2007. С. 373.
13. Аничкин, Е.С. Конституционное законодательство Российской Федерации: Понятие, признаки, источники // Правоведение. 2006. № 4. С. 89 – 96.

14. *Доронин Е.Н.* О практике работы региональных институтов законодательства // Журнал российского права. 1999. № 7/8. С. 144.
15. *Кравец И.А.* Российская Конституция и проблемы эффективности ее реализации // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 2003. № 4. С. 66.
16. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1998. С. 276.
17. *Мирхольд А.А.* Конституционная эволюция порядка формирования и полномочий Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Lex russica. 2018. № 11. С. 134.

References

1. *Sukharev A.Ya.* Encyclopedic Law Dictionary. M.: Soviet Encyclopedia, 1984. P. 355.
2. *Matuzov N.I., Malko A.V.* Theory of state and law: lecture course. M.: Lawyer, 1997. P. 237.
3. Constitutional law. Encyclopedic Dictionary / ed. ed. S. A. Avakyan. M.: Norma M, 2000. P. 121.
4. *Vitruk N.V.* General theory of the legal status of the individual. M.: Norma, 2008. P. 25.
5. *Luchin V.O.* Constitutional norms and legal relations. M., 1997. P. 119.
6. *Bogdanova N.A.* Category status in constitutional law // Moscow University Herald. Ser. 11. The right. 1998. No. 3. P. 15.
7. *Gabrighidze B.N.* The constitutional status of the organs of the Soviet state. M., 1982. P. 7.
8. *Barikhin A.B.* Big legal encyclopedic dictionary. M.: Book world, 2002. P. 204.
9. Theory of state and law / Under. ed. V.M. Korelsky and V.D. Perevalova. M. : Infra-M, 2002. P. 160.
10. *Umnova I.A.* The constitutional foundations of modern Russian federalism: a training manual. M.: Business, 2000. P. 170.
11. *Grankin I.V.* Constitutional and legal foundations of Russian parliamentarism. M., 2005. S. 87.
12. *Ovchinnikov I.I., Pisarev A.N.* Municipal law of Russia. M.: Eksmo, 2007. P. 373.
13. *Anichkin, E.S.* Constitutional legislation of the Russian Federation: Concept, features, sources // Jurisprudence. 2006. No. 4. P. 89 – 96.
14. *Doronin E.N.* On the practice of the work of regional institutes of legislation // Journal of Russian Law. 1999. No. 7/8. P. 144.
15. *Kravets I.A.* The Russian Constitution and the problems of the effectiveness of its implementation // Constitutional law: East European Review. 2003. No. 4. S. 66.
16. Large legal dictionary / ed. AND I. Sukharev, V.D. Zorkina, V.E. Krutsky. M., 1998. P. 276.
17. *Mierhold A.A.* The constitutional evolution of the formation and powers of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation // Lex russica. 2018. No 11. P. 134.

Васяев А.П.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент»,
НОЧУ ВО «Московский экономический институт»,
allexar@yandex.ru

Соклакова И.В.,

кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой «Менеджмент»,
НОЧУ ВО «Московский экономический институт»,
irinasok2011@yandex.ru

Сурат В.И.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика»,
НОЧУ ВО «Московский экономический институт»,
surat@list.ru

СОЗДАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ АЛЬЯНСОВ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматриваются возможности использования стратегических альянсов в условиях глобализации и их применение в российской практике. В настоящее время наблюдается тенденция к разнообразию организационных форм интеграции. Заключение альянсов – это один из наиболее быстрых, дешевых и эффективных путей для реализации глобальной стратегии. В работе анализируются преимущества и недостатки стратегических альянсов, современные формы интеграции и выбор оптимальной модели интеграции для российских предприятий. Обосновано, что стратегические альянсы в текущих российских условиях наиболее широко распространены в высокотехнологических отраслях, а также в нефтегазовой и автомобильной отраслях, а также установлены целевые ориентиры при создании альянсов для хозяйствующих субъектов, ведущих более традиционные формы бизнеса. Рассматривается возможность использования стратегических альянсов в условиях санкций и ограничений. Изучается опыт зарубежных компаний Marks Spencer и Microsoft по созданию инновационного альянса. Делается вывод о том, что альянс обеспечивает доступ к дополнительным знаниям и ресурсам, к компетенциям партнеров, повышая гибкость стратегии и конкурентные преимущества за счет доступа к финансовым, человеческим, рыночным и технологическим ресурсам.

Ключевые слова: стратегический альянс, глобализация, интеграция, конкурентные преимущества, слияние и поглощение, современные формы интеграции, выбор оптимальной модели, инновационный альянс, география бизнеса, качество, оптимизация операций, гибкость, технологические решения

Vasyev A.,

PhD in Economics, Associate Professor of the Department «Management», Moscow Institute of Economics

Soklakova I.,

PhD in Economics, Associate Professor, head. Department of «Management», Moscow Institute of Economics

Surat V.,

PhD in Economics, Associate Professor of the Department «Economics», Moscow Institute of Economics

CREATION OF STRATEGIC ALLIANCES AS AN EFFECTIVE FORM OF MODERN INTEGRATION

The article discusses the possibilities of using strategic alliances in the context of globalization and their application in Russian practice. Currently, there is a tendency to a variety of organizational forms of integration. Alliances are one of the fastest, cheapest and most effective ways to implement a global strategy. The paper analyzes the advantages and disadvantages of strategic alliances, modern forms of integration and the choice of the optimal integration model for Russian enterprises. It is stated that in current conditions strategic alliances in Russia are widespread in high-tech industries, and also in oil and gas and automotive industries. The authors also clarify the goals of firms of more traditional business in creation of alliances.

The possibility of using strategic alliances under sanctions and restrictions is considered. The study examines the experience of such foreign companies as Marks Spencer and Microsoft in creating an innovative alliance. It is concluded that alliance provides access to additional knowledge and resources, to the competencies of its partners, allows for greater flexibility and competitive advantage through access to resources such as people, markets, technology and capital.

Keywords: strategic alliance, globalization, integration, competitive advantages, mergers and acquisitions, modern forms of integration, choice of optimal model, innovative alliance, business geography, quality, optimization of operations, flexibility, technological solutions

Представляется очевидным, что современное развитие мировой экономики характеризуется постоянными циклическими колебаниями, изменениями, которые вызваны глобализацией. В этих условиях способность национальных и транснациональных фирм к выживанию становится определяющей. Появляется большое количество фирм, которые выходят на мировые рынки, в результате чего увеличивается количество участников торговли в рамках единого экономического пространства, а конкурентная борьба становится все более серьезным явлением. Чтобы выжить на таких рынках, фирмы должны находить принципиально новые, нестандартные пути сотрудничества.

В конце XX века наблюдалось резкое увеличение числа стратегических альянсов в мировой экономике. Эта тенденция продолжается и в настоящее время. «Стратегические альянсы представляют собой долгосрочные взаимовыгодные и доверительные межфирменные отношения, предоставляющие партнерам возможности для достижения общих стратегических целей, повышения конкурентоспособности, без потери своей автономности в принятии важнейших стратегических решений» [4, 9]. Появление альянсов было вызвано кадровыми, технологическими, финансовыми, политическими и конкурентными изменениями, которые существенно увеличиваются за счет процесса глобализации.

Закономерным представляется вывод, что желая того или нет, фирмы вынуждены справляться с различного рода вызовами и проблемами, которые преподносит как внутренняя, так и внешняя среда организации. Вот почему, многие фирмы используют стратегические альянсы как одно из средств повышения и сохранения своей конкурентоспособности.

Вступая в альянс, компании, как правило, всегда руководствуются четкими целями, обуславливающими подобные действия. Однако это не означает, что подобный вид сотрудничества протекает в полном балансе и согласованности партнеров, взаимодействие которых закономерно имеет свои пределы. Несмотря на то, что они выстраивают долгосрочные отношения сотрудничества между собой, компании все равно продолжают конкурировать друг с другом в других сферах. Так, IBM и Toshiba на протяжении длительного времени сотрудничают в области ис-

следования и производства плоских телевизионных экранов. Однако конкуренция в сфере производства и продаж ноутбуков и других мобильных устройств продолжается. [5]

В настоящее время выделяются такие формы организации стратегических альянсов, как прямое сотрудничество (не предусматривающее долевого участие сторон) и отдельный бизнес при участии партнеров альянса [5]. Для российских компаний организация альянсов как механизма обеспечения долгосрочной конкуренции является сегодня одним из наиболее острых вопросов в условиях наблюдающейся нехватки технологических, финансовых, человеческих ресурсов, низкой эффективности производства. В подобных условиях, назрела актуальная необходимость выработки и апробации принципиально новых подходов к стратегическому управлению во многих отечественных компаниях.

С учетом, что потенциальное взаимодействие может воплощаться в достаточно «жестких» формах интеграции (в данном случае речь идет о слиянии и поглощении), перед потенциальными партнерами, с методической и практической точки зрения в первую очередь встает вопрос о необходимости выбора оптимальной модели стратегического альянса. Модель организации совместного предприятия в данном случае, как свидетельствует практика, позволяет эффективно достигать локальные цели и задачи. При этом наиболее результативной формой в текущих экономических условиях эксперты признают такую форму альянса как совместный проект двух независимых организаций. [9]

В настоящее время наблюдается тенденция к разнообразию организационных форм интеграции. Опыт показывает, что стратегические альянсы, которые сейчас все больше превращаются в орудие конкурентной борьбы, играют в современной экономике именно такую роль. Ведь заключение альянсов представляет собой один из наиболее быстрых, дешевых и эффективных путей для реализации глобальной стратегии. В то же время в данном случае не разрушается организационная структура компании.

По мнению авторов настоящего исследования создание стратегических альянсов позволяет современным хозяйствующим субъектам достичь следующих преимуществ:

- облегчается доступ к каналам маркетинга и продаж партнера, а также его положению на рынке;

- осуществляется доступ к разработанным технологическим преимуществам, в том числе инновационного характера, а также продукции и интеллектуальной собственности партнера;

- обеспечивается доступ к финансовым ресурсам и возможностям партнера;

- с опорой на каналы партнера создаются возможности для повышения конкурентоспособности бренда, торговой марки, репутации компании на отраслевом рынке (национальном, международном);

- снижаются риски при осуществлении инновационных научно-технических разработок и технологий, их стоимость для разработчика и производителя;

- осуществляется доступ к менеджерскому мастерству, методическим наработкам в организационной, инновационной, кадровой и другого рода сферах и т.д.;

- стимулируются процессы производства в целом, в том числе инновационного, разработки новых продуктов, услуг и т.д. с последующим оперативным выходом на рынок;

- расширяется география бизнеса;

- сокращается себестоимость производства продукции и услуг.

Надо отметить, что последние три составляющих особенно характерны для компаний, работающих в сфере традиционного бизнеса.

Таким образом, формирование стратегического альянса позволяет организациям получить устойчивую площадку для своего стратегического развития и расширения, с экономией временных, человеческих, финансовых ресурсов и более высокой продуктивностью в отсутствие необходимости создания компетенций с нуля, концентрируясь на непосредственных и перспективных задачах. Однако в данном случае, безусловно, важнейшую роль приобретает вес и репутация партнера. Крайне значимо, чтобы он представлял бренд крупного и уже достаточно известного, характеризующегося положительной репутацией игрока на рынке.

Практика свидетельствует, что преимущества стратегических альянсов для партнеров возрастают при экономической нестабильности. В подтверждение данного тезиса приведем пример из отечественной практики. Так, в частности, российское издательство «Фабрика Журналов» сумело воспользоваться преимуществом создания стратегического альянса в полной мере и извлекло выгоду как для себя, так и для стратегического партнера. Издательство использовало инновационный подход к созданию корпоративной прессы и партнерству с клиентом. В результате партнерства на свет появился первый в мире журнал, который не только обошелся заказчику проекта

почти даром, но и создал дополнительную потребительскую ценность для конечного пользователя.[4]

Компании, которым характерен быстрый рост, в условиях стратегических альянсов могут результативно опираться на накопленный ими методический и организационный, а также кадровый потенциал, создавая расширенные предприятия, включающие при этом несколько альянсов. Таким образом, осуществляется доступ к компетенциям и корпоративным возможностям, культуре и наработке партнеров, их методическим основам деятельности.

Однако приведенные тезисы отнюдь не свидетельствуют, что стратегический альянс является абсолютной панацеей для современных хозяйствующих субъектов, особенно организаций с низкой конкурентоспособностью на рынке и другого рода проблемами. Статистические данные свидетельствуют, что реального успеха на рынке в рамках стабильного взаимного функционирования удается добиться не более, чем 45-59% из числа действующих сегодня альянсов [9].

Наиболее распространенные причины неудач интеграционных объединений при этом связаны с игнорированием первоначальных целей стратегического партнерства и их нереалистичностью; возникающими значительными операционными рисками; географическим фактором; неспособностью партнеров (как на уровне топ-менеджмента, так и других уровней управления и организационной структуры компании) к принятию новой корпоративной культуры, методов управления и т.д.

Вместе с тем в современной экономической практике присутствует и большое количество успешных примеров создания стратегических альянсов. В особенности это касается альянсов в высокотехнологичных отраслях, а также в нефтегазовой и автомобильной отраслях, где они характеризуются сегодня наибольшей распространенностью. Например, нефтегазовой компанией может быть заключен альянс с научно-исследовательскими организациями, институтами, лабораториями для повышения инновационного потенциала и разработки более современного экологически чистого вида топлива.[8] Компания по продаже одежды может прибегнуть к партнерским отношениям на основе стратегического альянса с целью повышения качества и его поддержания на постоянном уровне, выпуска новых коллекций для расширения аудитории (например, линейки «больших размеров», «для молодежи» и т.д.). Компания по изготовлению веб-сайтов может организовать стратегический альянс с аналитической, рекламной компанией для объединения маркетинговых усилий и расширения спектра предлагаемых услуг.

Так, примерами крайне удачных стратегических альянсов, реализуемых в сегодняшних условиях,

можно назвать взаимовыгодное партнерство российской компании «Лукойл» и американской фирмы «Корноко Филипс», а также вхождение «АвтоВАЗа» в глобальный альянс «Ниссан – Рено».

Если вести речь об инновационных сферах, то можно привести пример создания альянса между госкорпорацией «Росатом» и немецким холдингом «Сименс», которые подписали меморандум о создании совместного предприятия по разработке существующих и новых проектов российского ядерного реактора типа ВВЭР.[4] Однако в то же время данный пример является очень показательным с позиции непредвиденных рисков, которые могут поставить под угрозу эффективное функционирование альянса. Казалось бы, инновационный потенциал и перспективы альянса были очень высоки, но в Германии был принят законодательный акт о прекращении работы атомных электростанций до 2021 г., что поставило точку в потенциально плодотворном сотрудничестве.

Повышенный интерес отечественного бизнеса к транснациональным партнерствам, несмотря на существующие санкции и ограничения США и стран ЕС в отношении России, сегодня прогнозируется экспертами с большой долей уверенности на годы вперед [2]. Ведь стратегические альянсы могут объективно облегчить возникающие на пути к глобализации риски и барьеры – в том числе рыночного, организационного, административного характера.[2]

В этой связи следует остановиться на все более часто используемых в современной практике глобальных стратегических альянсах как форме взаимодействия партнеров. Он представляет особую актуальность в случае необходимости выхода на новый рынок или перехода к связанному бизнесу, в особенности в условиях санкций, когда например, как в данный момент в России, действует запрет на импорт с целью защиты отечественной промышленности и рынка. В большинстве случаев такого рода альянсы создаются между двумя или несколькими партнерами, базирующимися в разных странах. Партнеры участвуют в собственности вновь создаваемого предприятия и увеличивают конкурентные преимущества на своих комбинированных территориях и рынках. [6] Характерным примером в данном случае является глобальный альянс компаний Nokia и Microsoft, например, в рамках которого партнерами в качестве стратегических целей запланировано объединение собственных активов и стимулирование развития инновационных мобильных продуктов в максимальном масштабе. Накопленные данными гигантами опыт и сильные стороны, несмотря на прежнюю конкуренцию, теперь позволяют обеспечить взаимное выживание в новой стремительно изменяющейся глобальной технологической экосистеме и на рынке мобильных технологий.[9]

Еще одним примером удачного глобального альянса является партнерство компаний Du Pont и Sony по разработке технологий в области оптической памяти. Глобальный альянс Motorola – Toshiba успешно производит сегодня передовые микропроцессоры, а General Motors и Hitachi – электронные компоненты для автомобилей. Альянс Apple и IBM позволил соединить передовые возможности компьютерного гиганта в области аналитики и корпоративных вычислений с удобным и широко распространенным интерфейсом современных Iphone и Ipad. В рамках стратегического альянса компаний Google и Luxottica на свет появились инновационные «умные очки» Google.[3]

Такой инновационный глобальный альянс, как партнерство компаний Marks Spencer и Microsoft позволил двум партнерам извлечь максимум выгоды из развития возможностей искусственного интеллекта и его применении с целью повышения качества обслуживания розничных клиентов и оптимизации осуществляемых бизнес-операций.[1]

По результатам успешного функционирования данного альянса компания Microsoft начала представлять новые технологические решения для розничных продавцов во всем мире. По данным экспертов Reuters, корпорация недавно провела переговоры с компанией Walmart о возможном сотрудничестве в аналогичной области и экспериментальную проверку потенциальных возможностей – в частности, осуществлялись эксперименты с использованием видеочка, которые закрепляли на тележках покупателей для отслеживания наиболее часто покупаемых товаров с дальнейшей передачей данной информации для ее обработки в качестве бизнес-аналитики и извлечения из нее конкурентных преимуществ.[7]

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что стратегические альянсы в условиях глобализации, региональной интеграции, повышения экономических рисков, санкционной политики, нестабильной экономической среды выступают одним из эффективных инструментов, позволяющих распределить и снизить потенциальные риски, а также использовать с целью повышения устойчивости и конкурентоспособности преимущества партнера. Стратегический альянс является более гибкой формой взаимодействия, чем то же совместное предприятие или слияние, поскольку партнер не теряет свою корпоративную культуру и организационную структуру, традиции управления и бизнес-практики, отсутствует необходимость объединения абсолютно всех ресурсов предприятий – они могут быть взаимодополнены лишь в определенных сферах. В результате каждый участник стратегического альянса сохраняет свою автономность и относительную самостоятельность, приобретая дополнительные преимущества.

Однако при этом не следует забывать о непредвиденных рисках внутреннего и особенно внешнего порядка, исследование и анализ которых должно быть неотъемлемым и одним из первоначальных шагов в рамках реализации идеи о создании стратегического альянса между теми или иными партнерами.

Список литературы

1. Борщева А.В., Санталова М.С., Соклакова И.В., Сурат И.Л. Инновационный менеджмент в российском бизнесе. – М.: Дашков и К°, 2019. – 198 с.
2. Васяев А.П. Причины мирового финансового кризиса и особенности принимаемых антикризисных мер в России// Тенденции и перспективы развития социотехнической среды: мат-лы IV международ. науч.-практ. конф. М: МЭИ, 2018. С. 190-194.
3. Геташвили И.Т., Латышева А.И., Иванова Е.В., Разумов А.И. Гармонизация технологий и гуманизма// Концепт: электрон. научно-метод. журнал. 2012. № 10. С. 064-073.
4. Дмитриева Д.М. Антимонопольная политика в области стратегических альянсов: опыт США, ЕС и России. – М.: Синергия, 2013. – 113 с.
5. Дженстер П., Хасси Д. Анализ сильных и слабых сторон компании. Определение стратегических возможностей. – М.: Вильямс, 2016. – 368 с.
6. Коротков Э.М., Антонов С.А., Беляев А.А. и др. Корпоративная социальная ответственность. – М.: Юрайт, 2018. – 300 с.
7. Попова Н. Зачем Marks & Spencer сотрудничает с Microsoft? [Электронный источник]. URL: <https://fashionunited.ru/novostee/reetyeil/zachem-marks-spencer-sotrudnichaet-s-microsoft/2018062722298> (дата обращения: 14.11.2019).
8. Соклакова И.В., Сурат И.Л., Борщова А.В., Горлов В.В., Горлова И.С., Рогуленко Т.М. Управление возобновляемыми источниками энергии в Российской Федерации// Международный журнал машиностроения и технологии. – 2018. – Т. 9. – № 12. – С. 36-44.
9. Хэмел Г. Стратегические альянсы. – М.: Альпина паблишер, 2017. – 212 с.

References

1. Borshcheva A.V., Santalova M. S., Soklakova I. V., Surat I. L. Innovative management in Russian business. – M.: Dashkov and Co., 2019. – 198 p.
2. Basaev A.P. Causes of the global financial crisis and the peculiarities of the adopted anti-crisis measures in Russia// Trends and prospects of the socio-technical environment: Proceedings of the IV international scientific and practical conference. – Moscow: MEI, 2018. – Pp. 190-194.
3. Getashvili I.T., Latysheva A.I., Ivanova E.V., Razumov A.I. Harmonization of technologies and humanism// Concept: scientific and methodical electronic journal. – 2012. – N. 10. – Pp. 064-073.
4. Dmitrieva D.M. Antitrust policy in the field of strategic alliances: the experience of the US, EU and Russia. – Moscow: Synergy, 2013. – 113 p.
5. Jenster P., Hussey D. Analysis of the strengths and weaknesses of the company. Identify strategic opportunities. – Moscow: Williams, 2016. – 368 p.
6. Korotkov E. M., Antonov S.A., Belyaev A.A. and others. Corporate social responsibility. Moscow: Yurait, 2018. – 300 p.
7. Popova N. Why Marks & Spencer cooperates with Microsoft? [Electronic source]. URL: <https://fashionunited.ru/novostee/reetyeil/zachem-marks-spencer-sotrudnichaet-s-microsoft/2018062722298> (accessed 14.11.2019).
8. Soklakova I.V., Surat I.L., Borshova A.V., Gorlov V.V., Gorlova I.S., Rogulenko T.M. The management of renewables in the russian federation// International Journal of Mechanical Engineering and Technology. – 2018. – Vol. 9. – N 12. – Pp. 36-44.
9. Hamel G. Strategic alliances. – Moscow: Alpina publisher, 2017. – 212 p.

УДК 33.330.1

Дмитриев М.Э.,

доктор экономических наук, главный научный сотрудник центра публичной политики и государственного управления института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
mikhaildm@mail.ru

Зимоха А.Ю.,

кандидат географических наук, руководитель группы проектов
Хозяйственное партнерство «Новый экономический рост»,
AlexZ6@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ПЕРЕДОВЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕСУРСОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА И НАСЕЛЕНИЯ

Современная медицина находится на пороге революционных изменений, которые могут произойти благодаря развитию клеточной терапии и использованию генетической информации человека, что в конечном итоге создаст принципиально новые возможности коррекции процессов, происходящих в организме.

Развитие технологического потенциала наряду со старением населения создает новый вызов – рост медицинских расходов. Сохраняет остроту проблема поиска баланса между повышением качества диагностики и лечения, которое часто влечет за собой рост медицинских издержек, и обеспечением доступности медицинских услуг широким слоям населения, а не только элитарным группам с особыми возможностями и высоким уровнем дохода, что, в свою очередь, может требовать, напротив, тиражирования менее эффективных, но более дешевых методов терапии. Все это предопределяет необходимость создания механизмов по оптимизации использования ресурсов государственного бюджета и населения в рамках новой модели здравоохранения.

Потенциал спроса на медицинские услуги в России существует, однако расширение платежеспособного спроса может быть ограничено неготовностью существующей системы здравоохранения и социального обслуживания населения к адекватному наращиванию предложения услуг. При внедрении новых технологий и методов лечения необходимо развитие критериев экономической эффективности. На текущий момент в Российской Федерации проблема недофинансирования здравоохранения в некоторой степени может быть решена за счет привлечения дополнительных ресурсов домохозяйств с помощью механизма обратной ипотеки и расширения участия граждан в системе добровольного медицинского страхования.

Ключевые слова: медицина, медицинские услуги, технологии, ресурс, оптимизация, экономическая эффективность, страхование, обратная ипотека

Dmitriev M.,

doctor of Economics, chief researcher, The center for public policy and governance, Institute of social Sciences of the Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation

Zimokha A.,

candidate of geographical Sciences, head of the group of projects of the Economic partnership «New economic growth»

INCREASING THE AVAILABILITY OF ADVANCED MEDICAL TECHNOLOGIES USING THE RESOURCES OF THE STATE BUDGET AND THE POPULATION

Modern medicine is on the verge of revolutionary changes that can occur due to the development of cell therapy and the use of human genetic information, which will eventually create fundamentally new opportunities for correcting the processes occurring in the body.

The development of technological potential along with the aging of the population creates a new challenge—the growth of medical costs. The problem of finding a balance between improving the quality of diagnosis and treatment, which often leads

to higher medical costs, and ensuring the availability of medical services to the General population, and not only to elite groups with special opportunities and high incomes, which, in turn, may require, on the contrary, the replication of less effective but cheaper therapies. All this predetermines the need to create mechanisms to optimize the use of resources of the state budget and the population in the framework of the new model of health care.

The potential demand for medical services in Russia exists, but the expansion of effective demand may be limited by the unavailability of the existing health and social services system to adequately increase the supply of services. When introducing new technologies and methods of treatment, it is necessary to develop criteria for economic efficiency. At the moment, in the Russian Federation, the problem of underfunding of health care to some extent can be solved by attracting additional resources of households through the mechanism of reverse mortgages and increasing the participation of citizens in the VHI system.

Keywords: medicine, medical services, technologies, resource, optimization, economic efficiency, insurance, reverse mortgage

Практическое использование передовых медицинских технологий, с помощью которых существенно расширяются возможности диагностики, профилактики и лечения многих заболеваний (в том числе ранее неизлечимых), зачастую тормозится в силу их дороговизны и доступности лишь элитарным общественным группам, в то время как широкие слои населения рискуют остаться в стороне от новых возможностей медицины. Согласно международным расчетам, расходы на здравоохранение как в развитых, так и в развивающихся странах растут опережающими темпами по сравнению с динамикой внутреннего валового продукта (далее ВВП). Вследствие этого возникает задача поиска решений, направленных на привлечение дополнительных ресурсов в медицину, в том числе за счет оптимизации использования бюджетных ресурсов и ресурсов домохозяйств.

В научно-исследовательской работе на тему «Развитие государственно-частного страхования дорогостоящего ухода и лечения пожилых граждан с учетом поведенческих эффектов и количественной оценки рисков», которая была проведена Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, дается оценка возможностей оптимизации финансирования российской системы здравоохранения с учетом международного опыта (в частности, сингапурской модели финансирования), а также за счет внедрения механизма обратной ипотеки и развития добровольного медицинского страхования. В данной статье приводятся основные результаты исследования [1].

Современная медицина находится на пороге революционных изменений, которые могут произойти благодаря развитию клеточной терапии и использованию генетической информации человека, что в конечном итоге создаст принципиально новые возможности коррекции процессов, происходящих в организме.

Близок к решению вопрос продуцирования человеческих тканей и органов на основе клеточного материала, уже сейчас учеными из разных стран созданы аналоги крови, сердца, печени, сосудов и т.д. Проведены первые операции по имплантации

человеку искусственной сетчатки, выращенной с помощью клеточного программирования. Имеется успешный опыт изменения генетических цепочек в медицинских целях, включая терапию не излечимых другими способами заболеваний (в том числе ВИЧ, некоторые виды онкологии). Тесты на животных свидетельствуют о возможности увеличения продолжительности жизни примерно на 30% с помощью генетического вмешательства [2]. По наиболее оптимистичным прогнозам, развитые страны могут перейти к масштабированию и тиражированию технологий, которые пока еще эксклюзивны и доступны для ограниченного круга пациентов, в течение 5-10 лет.

Развитие технологического потенциала наряду со старением населения создает новый вызов – рост медицинских расходов. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (далее ВОЗ), особенно быстрыми темпами расходы на здравоохранение растут в странах с низким и средним уровнем дохода – 6% в год, в то время как в странах с высоким уровнем дохода темпы роста более умеренные – 4% в год [5]. Исходя из этого, можно предположить, что доля медицинских расходов в российском ВВП, как и в других странах, где она сейчас находится на пониженном уровне, будет возрастать опережающими темпами. Сохраняет остроту проблема поиска баланса между повышением качества диагностики и лечения, которое часто влечет за собой рост медицинских издержек, и обеспечением доступности медицинских услуг широким слоям населения, а не только элитарным группам с особыми возможностями и высоким уровнем дохода, что, в свою очередь, может требовать, напротив, тиражирования менее эффективных, но более дешевых методов терапии. Все это предопределяет необходимость создания механизмов по оптимизации использования ресурсов государственного бюджета и населения в рамках новой модели здравоохранения. Данная задача с различной степенью успешности решается в развитых странах – как за счет повышения эффективности расходования средств, так и за счет расширения инструментария вовлечения в здравоохранение ресурсов населения.

С институциональной точки зрения одной из наиболее эффективных является сингапурская система здравоохранения. При относительно низкой доли медицинских расходов в ВВП и доли государственных расходов в системе здравоохранения, Сингапур имеет высокие показатели здоровья нации.

Экономическая эффективность сингапурской системы основывается на следующих принципах, воплощаемых на практике:

1) Практически все медицинские услуги для населения Сингапура в государственной системе клиник являются платными, что дестимулирует избыточное потребление услуг населением, но доступность услуг обеспечивается с помощью сочетания обязательного и добровольного медицинского страхования, а также разветвленной и многоуровневой системы субсидирования. Оплата счетов производится из нескольких источников, но часть суммы практически всегда оплачивается пациентом;

2) Большинство медицинских учреждений находятся в собственности государства, которое осуществляет контроль ценообразования, расходов на персонал и оборудование. За завышение стоимости медицинских услуг предусмотрены серьезные взыскания. Поэтому случаи завышения цен и оказания ненужных медицинских услуг сводятся к минимуму;

3) Фонд обязательного медицинского страхования (далее ОМС) Сингапура (Medisave) по сути выполняет роль целевой сберегательной кассы, из которой производятся отчисления средств на медицинские расходы. Существует возможность наследования накопленных средств по закону и завещанию, а также изъятия средств в том случае, если участник программы перестает быть гражданином Сингапура. Кроме того, установлены лимиты накоплений, после которых гражданин Сингапура не обязан отчислять средства на ОМС. Все эти меры повышают степень доверия к системе, и уверенность в том, что нецелевого расходования средств не произойдет. Сингапурской фонд ОМС можно рассматриваться как стабилизирующий финансовый институт, гарантирующий наличие средств на частичную оплату медицинских расходов будущих

поколений, что повышает долгосрочную финансовую устойчивость системы здравоохранения. Сейчас размер фонда более, чем в 10 раз превышает государственный бюджет здравоохранения Сингапура.

4) Правительство Сингапура активно стимулирует граждан участвовать в государственной программе добровольного медицинского страхования (далее ДМС), включая применение автоподписки (с возможностью отказа от участия).

Данные институциональные меры заслуживают тщательного изучения с точки зрения перспектив их внедрения в российских условиях.

В ряде государств (особенно в англо-саксонских странах) одним из инструментов финансирования дорогостоящих медицинских расходов пожилых людей является обратная ипотека, разновидность ипотечного займа под залог имеющегося жилья с целью улучшения материального положения заемщика. Обратную ипотеку можно рассматривать как бессрочный кредит для заемщика. При этом жилая недвижимость передается банку в залог без потери пожилым человеком права владения и проживания. После кончины заемщика банк реализует залог по своему усмотрению.

В России 90% пожилых людей имеют в собственности жилье, и для многих из них оно может оказаться единственным источником покрытия расходов на дорогостоящее лечение. Проведенное социологическое исследование [1] с участием респондентов в возрасте 55 лет и старше (для женщин) и 60 лет и старше (для мужчин) свидетельствует о том, что уже в настоящее время более половины опрошенных (54,4%), имеющих в собственности жилье, готовы использовать обратную ипотеку для себя и своих близких родственников как источник получения средств на финансирование лечения [1]. Одновременно значительная часть респондентов относятся к обратной ипотеке с недоверием, прежде всего, опасаясь потерять право собственности вопреки обещаниям. В целом это обусловлено низким общим уровнем доверия к государству и финансовым организациям в России.

Таблица 1.

Некоторые сравнительные показатели здравоохранения Сингапура и стран ОЭСР с высоким уровнем дохода [4]

	Страны ОЭСР с высоким уровнем дохода	Сингапур
Доля расходов на здравоохранение в ВВП, %	12,6	4,6
Доля государственных расходов в общих расходах на здравоохранение, %	61,4	39,8
Средняя продолжительность жизни, лет	80,7	82,3
Детская и младенческая смертность (до 5 лет) на 1000 жителей	5,1	2,8

Достаточно скептическое отношение к обратной ипотеке сохраняется и в банковской сфере в связи с очевидными рисками нового продукта и отсутствием уверенности в его массовой востребованности. Отмечаются также законодательные ограничения.

Поэтому для внедрения обратной ипотеки в России необходим комплекс продуманных и взаимосвязанных между собой мер, в том числе:

- снятие существующих правовых ограничений (в настоящее время отдельные, но обязательные условия такого кредитного договора будут противоречить существующим требованиям законодательства);
- создание института, который будет играть роль гаранта для кредитной организации по кредитам обратной ипотеки, если заемщик проживет дольше положенного в договоре срока либо на случай наступления неблагоприятной ситуации на рынке недвижимости (падение цен);
- создание системы гарантий для заемщиков, повышающих привлекательность продукта для населения;
- проведение разъяснительной кампании, направленной на повышение доверия к механизму средств целевых аудиторий.

В результате социологического обследования было установлено, что порядка 73% пожилых россиян будут готовы рассмотреть обратную ипотеку как инструмент финансирования крупных медицинских расходов в том случае, если будут внедрена прозрачная и убедительная система гарантий для заемщиков. На этом основании авторами исследования были рассчитаны максимальные финансовые ресурсы, доступные для системы обратной ипотеки.

Достаточно условно среднегодовой потенциал привлечения ресурсов обратной ипотеки на финансирование дорогостоящего лечения и ухода можно оценить примерно в 3,5% ВВП исходя из условного предположения о 25-летнем цикле оборота жилищных активов в рамках обратной ипотеки. За вычетом процентных платежей, комиссий и иных расходов на финансовое посредничество в рамках контрактов обратной ипотеки доступный объем ресурсов составит порядка 2,4% ВВП.

Также ресурсы населения могут вовлекаться с помощью стимулирования участия в существующей модели ДМС. Выглядят перспективными следующие меры:

- автоматическое включение в систему по умолчанию и возможности выхода из системы по заявлению застрахованного;
- перечисление в систему ДМС в пользу застрахованного лица суммы НДФЛ и страховых взносов, начисленных на взносы застрахованного в ДМС, что дает увеличение суммы взносов почти в полтора раза по сравнению с отчислениями из налогооблагаемой зарплаты;

- штрафные санкции в случае выхода из системы (неполный возврат индивидуальной накопительной части уплаченных взносов как минимум в размере налоговых льгот и начисленных на них процентов);

- автоматическая эскалация взносов (низкая ставка взносов при вступлении и ее автоматическое постепенное повышение до максимального уровня по мере роста номинальной заработной платы застрахованного);

- допуск для участников новой системы ДМС переход из ОМС в новую систему ДМС со среднедушевым нормативом ОМС, предусматривая возможность использования этих средств не только для оплаты медицинских услуг, но и услуг по долгосрочному уходу;

- полная или частичная уплата минимальных взносов в пользу застрахованного из бюджета в периоды снижения доходов застрахованного ниже установленного минимума.

Возможность повышения отчислений в рамках ДМС подтверждает проведенное социологическое исследование с участием респондентов в возрасте до 45 лет, которое выявило готовность тратить на ДМС суммарно в среднем 6% от личных доходов.

На основании существующего распределения доходов по возрастным группам, прогнозных данных Минэкономразвития о распределении численности работающего населения по возрасту и ожидаемых темпов роста заработной платы было проведено моделирование объема финансовых ресурсов, которые создаются в результате распространения дополнительных взносов в медицинское страхование: в 2021 году – 0,63% ВВП, в 2026 году – 1,40%, в 2031 году – 1,58%, в 2036 и 2038 гг. – по 1,98% ВВП соответственно [1]. При расчете использовался принцип эскалации, согласно которому дополнительные взносы на медицинское страхование вводятся в 2021 году по ставке 0,5% для работников в возрасте 25-50 лет, которая с 2022 года начинает увеличиваться на 0,5% в год и постепенно достигает 6%, т.е. целевого показателя, полученного по результатам соцопроса.

Как было показано выше, потенциал спроса на медицинские услуги в России существует, однако расширение платежеспособного спроса может быть ограничено неготовностью существующей системы здравоохранения и социального обслуживания населения к адекватному наращиванию предложения услуг. В этом случае средства могут расходоваться неэффективно: например, спровоцировать удорожание стандартных услуг или услуг недостаточно высокого качества вместо высокотехнологичной медицинской помощи, и, как следствие, снизить степень удовлетворенности системой здравоохранения. Поэтому стимулирование предложения высокотехнологичных медицинских услуг является отдельной важной задачей.

**Параметры системы обратной ипотеки в случае обнаружения тяжелого заболевания
в 2020 – 2038 гг. [1]**

	2021 г.	2026 г.	2031 г.	2038 г.
Средний размер домохозяйства, чел.	2,4	2,4	2,4	2,4
Доля лиц в возрасте старше трудоспособного, готовых на обратную ипотеку	56,3%	61,1%	66,0%	73,7%
Численность лиц в возрасте старше трудоспособного, готовых на обратную ипотеку, млн. чел.	21,87	24,84	27,62	32,37
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя всего, кв. м.	26,5	29,0	31,5	35,5
Средняя стоимость квартиры лиц в возрасте старше трудоспособного, готовых на обратную ипотеку, млн. руб. в ценах 2018 г.	3,41	3,73	4,05	4,57
Финансовые ресурсы обратной ипотеки, трлн. руб. в ценах 2018 г.	78,34	96,46	116,28	147,92

Меры со стороны предложения должны включать усилия по повышению восприимчивости системы к новым технологиям. Требуется повышение прозрачности процедур допуска новых технологий. В частности, нужно снижать лицензионные барьеры (например, в онкологии вместо отдельной лицензии на радиотерапию давать лицензию на всю онкологию как единую услугу), уменьшать сроки регистрации новых медицинских изделий (сейчас они составляют 1,5-3 года).

При внедрении новых технологий и методов лечения необходимо развитие критериев экономической эффективности. В России оценка эффективности происходит исходя из неявного предположения о бесконечной стоимости человеческой жизни, что ведет к допуску неоправданно дорогостоящих и низкоэффективных препаратов и медицинских изделий в ущерб лекарствам и технологиям, приносящим наибольшую отдачу в расчете на рубль затрат.

Необходимо поощрять предложение новых технологий через инвестиции частных центров. Применение концессионной модели в медицине является общемировым трендом. Примеры концессий многочисленны как в развитых странах Европы и США, так и в некоторых развивающихся странах, например, на Ближнем Востоке.

Отдельной проблемой является качество медицинского образования и распространения навыков, необходимых для практического использования передовых технологий медицинским персоналом.

Проведенное авторами статьи исследование показало, что на текущий момент в Российской Фе-

дерации проблема недофинансирования здравоохранения в некоторой степени может быть решена за счет привлечения дополнительных ресурсов домохозяйств с помощью механизма обратной ипотеки и расширения участия граждан в системе ДМС.

Согласно данным социологического исследования, более половины россиян теоретически готовы использовать обратную ипотеку для покрытия чрезвычайных расходов на собственное лечение или лечение родственников. При условии проведения разъяснительной кампании и формирования системы гарантий для заемщиков обратную ипотеку для чрезвычайных медицинских расходов могут использовать 73% россиян.

Также исследование свидетельствует о том, что россияне готовы потенциально тратить на ДМС до 6% личных расходов, что к 2036 году может составить 1,98% ВВП страны.

Параллельно с вовлечением ресурсов домохозяйств необходимо стимулировать предложение высокотехнологических медицинских услуг. При отсутствии предложения дополнительные ресурсы могут быть потрачены неэффективно, например, привести к удорожанию уже существующих медицинских услуг.

В целом возможности наращивания платежеспособного спроса и создания адекватного предложения существуют, но для этого практика работы системы здравоохранения (включая ее регуляторные основы) должна быть ориентирована не только на минимизацию рисков, но и на достижение лучших результатов.

Список литературы

1. *Дмитриев М.Э.* с соавторами. Развитие государственно-частного страхования дорогостоящего ухода и лечения пожилых граждан с учетом поведенческих эффектов и количественной оценки рисков. РАНХиГС, 2019
2. In Vivo Amelioration of Age-Associated Hallmarks by Partial Reprogramming. Cell. Article, Volume 167, Issue 7, P1719-1733.E12, December 15, 2016
3. *Ramesh M., Bali A.S.*, The healthcare system in Singapore, Global is Asian, 2017
4. Данные официального сайта Всемирного банка за 2016 год <http://databank.worldbank.org/>

5. Несмотря на рост расходов стран на здравоохранение, доля наличных платежей населения остается слишком высокой. Всемирная организация здравоохранения. 20 февраля 2019 года. Выпуск новостей. Женева. <https://www.who.int/ru/news-room/detail/20-02-2019-countries-are-spending-more-on-health-but-people-are-still-paying-too-much-out-of-their-own-pockets>

References

1. *Dmitriev M.E.* with co-authors. Development of public-private insurance for expensive care and treatment of senior citizens, taking into account behavioral effects and quantitative risk assessment. RANEPА, 2019
2. In Vivo Amelioration of Age-Associated Hallmarks by Partial Reprogramming. Cell. Article, Volume 167, Issue 7, P1719-1733.E12, December 15, 2016
3. *Ramesh M., Bali A.S.*, The healthcare system in Singapore, Global is Asian, 2017
4. World Bank official website data for 2016 <http://databank.worldbank.org/>
5. Despite the increase in countries' spending on health, the share of cash payments by the population remains too high. World Health Organization. February 20, 2019. News release. Geneva. <https://www.who.int/en/news-room/detail/20-02-2019-countries-are-spending-more-on-health-but-people-are-still-paying-too-much-out-of-their-own-pockets>

УДК 33

Кондратов С.Ю.,

кандидат фармацевтических наук, доцент, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал
ФГБОУ ВО «Волгоградского государственного медицинского университета» Министерства здравоохранения РФ,
kondratov64@yandex.ru

Кимадзе М.И.,

кандидат фармацевтических наук, доцент, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал
ФГБОУ ВО «Волгоградского государственного медицинского университета» Министерства здравоохранения РФ,
DPO-2018@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию возможности интеграции ключевых показателей эффективности в фармацевтической организации. Авторами рассмотрены теоретические аспекты ключевых показателей эффективности во взаимосвязи с системой управления трудовыми ресурсами. Представлены доказательства актуальности внедрения ключевых показателей эффективности в деятельность предприятия. Приведен пример уже существующего более 10 лет, успешно реализованного опыта интеграции ключевых показателей эффективности в практику фармацевтической организации. Авторами приведены результаты аналогичного опыта одной из московских онлайн аптек, обоснована социальная и экономическая эффективность интеграции ключевых показателей эффективности, как инструмента повышения мотивации персонала фармацевтического онлайн ритейлера. Также, сделан вывод о том, что в результате интеграции KPI сами сотрудники начинают четко понимать цели компании и пути их достижения. Каждый из них знает свои задачи на определенный период рабочего времени, может отслеживать процент достижения целей и оперативно корректировать свой курс. Оплата труда непосредственным образом связана с результатом работы, что позволяет оптимизировать фонд оплаты труда в целом, и фонд премирования, в частности. Уровень управления позволяет руководству фармацевтической организации управлять ей дистанционно; кроме того, появляется возможность большей концентрации на стратегической работе по развитию компании.

Ключевые слова: ключевые показатели эффективности, фармацевтическая организация, онлайн бизнеса, аптека, управление трудовыми ресурсами, мотивация, материальное стимулирование

Kondratov S.Yu.,

Candidate of Pharmaceutical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute –
Branch of the FSBEI HE VolgGMU of the Ministry of Health of Russia

Kimadze M.I.,

Candidate of Pharmaceutical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute –
Branch of the FSBEI HE VolgGMU of the Ministry of Health of Russia

POSSIBILITY OF INTEGRATION OF KEY INDICATORS OF EF-SELECTIVITY IN PHARMACEUTICAL ORGANIZATION

The article is devoted to the study of the possibility of integration of efficiency indicators in a pharmaceutical organization. Theoretical aspects of the mechanism of key performance indicators in relation to the system of labor resources management are considered. Proof of relevance of implementation of key performance indicators in the enterprise is presented. An example of already existing more than 10 years, successfully realized experience of integration of efficiency indicators into the practice of a pharmaceutical organization is given. The author presents the results of such experience in one of Moscow online pharmacies, the social and economic efficiency of integration of key performance indicators as a tool to increase the training of staff of a pharmaceutical online retailer is justified. Also, you have made it clear that as a result of KPI integration, employees themselves begin to clearly understand the company's goals and ways to achieve them. Each of them knew his/her tasks for a certain period of working time, could monitor the target achievement strategy and quickly adjust its course. Payment was

directly related to the result of the work, which made it possible to optimize the remuneration fund in general and the bonus fund in particular. The management level allows the management of a pharmaceutical organization to manage it remotely; In addition, it is possible to concentrate more on strategic work on the development of the company.

Keywords: key performance indicators, pharmaceutical organization, online business, pharmacy, labor management, training, material incentives

Одной из основных тенденций современного менеджмента является рассмотрение трудовых ресурсов в качестве ведущего фактора продуктивной деятельности компании. Следовательно, обеспечение их максимального генерирования и эффективного использования является собой стратегический важный аспект деятельности предприятия любой сферы деятельности. Если рассматривать данный процесс с позиции его постоянного усиления и совершенствования, то следует говорить о том, что императивная роль в нем принадлежит механизму управлению трудовыми ресурсами и базисным его функциям: планирование, организация, мотивация, координация и контроль. Данный тезис подтверждается Мазуренко И.А., который определил механизм управления трудовыми ресурсами как «систему взаимосвязанных организационно-экономических и социальных мер по созданию условий для нормального функционирования, развития и эффективного использования кадрового потенциала организации» [7]. По мнению автора, ценность эффективного механизма заключается в его универсальной способности адаптации к организационным изменениям, новым задачам в условиях их осуществления. Таким образом, грамотно разработанный механизм управления трудовыми ресурсами, а также правильно подобранный кадровый состав могут стать ключевым стратегическим преимуществом предприятия, ресурсом повышения его конкурентоспособности, условием сохранения и процветания бизнеса, а также важным преимуществом в условиях серьезной глобальной конкуренции.

Одновременно с этим, стоит согласиться с позицией известного российского ученого А.Я. Кибанова о том, что управление трудовыми ресурсами – это, в первую очередь, «формирование и направление мотивационных установок работников в соответствии с задачами, стоящими перед организацией» [4, с. 62]. Данный тезис приобретает особую актуальность, если речь идет об организациях, функционирующий, условно говоря в режиме онлайн. Так, например, фармацевтический бизнес с каждым годом переходит на «облачный» режим работы, или автономно (Аптека.ру), или в партнерстве с онлайн ритейлерами (в 2016 году онлайн магазин Ozon заключил партнерское соглашение с ПАО «Аптечная сеть 36,6»). По мнению Н.А. Жданкина и В.М. Суанова, основная проблема формулирования мотивационной стратегии в

е-коммерции – это неумение использования мотивирующих факторов сотрудников, или, что нередко, нежелание руководителя осуществлять функции исследования мотивации своих подчиненных, т.к. это требует определенных временных и финансовых затрат, а также соответствующих компетенций для оценки результатов работы ИТ-сотрудников [3, с. 312]. В отношении издержек, следует уточнить, что, по мнению исследователей, занимающихся изучением бизнес-процессов в электронной коммерции, в онлайн организациях механизм финансового менеджмента отличается от оффлайн компаний [1, 10]. С этим можно согласиться лишь частично, т.к., как совершенно верно сказал Р. Кийосаки, «в основу управления финансами, как личными, так и корпоративными, всегда кладется финансовое мышление». Иными словами, стремление к постоянной экономии, даже в условиях наличия такой возможности, не гарантирует результата в виде прибыли. В целом, мы склонны полагать, что результатом вынужденного или осознанного отказа от мотивации, как функции менеджмента, может стать стагнация как количественного, так и качественного эффекта от всей предпринимательской деятельности. При этом не столь важно, идет ли речь об оффлайн или онлайн ритейлере.

Одним из актуальных способов выхода из подобной ситуации является автоматизация соответствующих бизнес-процессов. Пионером в данном направлении стала оффлайн компания «Аптека 242» (аптечная сеть «Сибирский лекарь»), которая посредством интеграции автоматизированной системы управления (далее – АСУ) смогла разработать успешно действующую по настоящее время компенсационную политику, определить собственные стандарты оценки профессиональной компетенции специалистов, и усовершенствовать механизмы оплаты труда сотрудников по показанным ими результатам. Достижению данной цели способствовало обращение руководства к инновационному на тот момент комплексу KPI-инструментария [11].

Ключевые показатели эффективности (KPI), в широком смысле – это инструмент измерения достижимости поставленных целей; в более узком – это система, которая используется для достижения императивных целей любого бизнеса, помогая руководству «более эффективно управлять имеющимися ресурсами (организационными, финансовыми, человечески-

ми, производственными и пр.) в ключевых областях деятельности на основе информации о стратегической и оперативной деятельности организации, отклонениях плана от факта» [10, с. 4]. Целью применения KPI является упрощение процедуры анализа и повышение эффективности принятия управленческих решений для достижения главных задач развития компании, создание благоприятной обстановки и творческой атмосферы, способствующей активизации всех участников бизнес-процессов [5, с. 13].

Мы согласны с мнением И.В. Комеевой о том, что для получения реальной пользы (социальной и экономической) от внедрения KPI в организации, необходимо принимать во внимание приоритетные принципы формирования данной системы (самостоятельно или с помощью программы) – это единство стратегии, процессов и организационной структуры, управляемость и контролируемость, партнерство, сосредоточение усилий на главных направлениях, интеграция процессов оценки показателей, отчетности и повышения эффективности, периодичность и согласование производственных показателей со стратегией. В целом, в отношении комплексной оптимизации деятельности предприятия, а также системы управления и трудовыми ресурсами, посредством внедрения KPI, эффективность доказывалась широким спектром исследований, в т.ч. экспериментальных (И. Ансоффа, К. Боумана, М.Г. Брауна, В.П. Варфоломеев, О.Г. Виханского, В.С. Ефремовой, Р. Каплана, Г.Б. Клейнера, С.В. Кондратова, М. Мескона, Д. Нортон, С.Н. Ильяшенко, М. Портера, А. Томпсона, Р. Фахрутдинова, Е.В. Шатровой и пр.), а также успешным опытом, в частности, в фармацевтических организациях [6, 9]. Однако, следует отметить, что теоретико-методологический базис в отношении интеграции KPI в деятельность фармацевтических организаций

(ритейлеров) в нашей стране практически не освещен. В этой связи, далее в статье предлагается рассмотреть реальный опыт интеграции KPI в деятельность одной из онлайн аптек города Москвы. Полученные нами результаты можно считать вкладом в эмпирический массив данных, подтверждающих возможность интеграции системы KPI в фармацевтические организации.

Итак, ООО «Здесь Аптека» является официально зарегистрированным юридическим лицом. В Обществе, в соответствии с учредительными документами создан уставный капитал, размер которого на момент создания составил 10 тыс. руб. Организационно-управленческая система ООО «Здесь Аптека» имеет достаточно простую форму организации фармацевтического предприятия, основанную на выделении структурных подразделений с четко определенными функциями и взаимосвязями. Списочная численность работников рассматриваемой организации по состоянию на конец 2018 года составила 111 сотрудников. Штатную численность работников организации представим в таблице 1.

Далее представлен расчет кадровых показателей для определения проблемных направлений (табл. 2, 3). Таблица 3 представляет результаты расчета среднесписочной численности сотрудников организации, которая в 2018 году составила 96 человек.

Из таблицы 3 видно, что в 2018 году число вышедших сотрудников составило 41 человек, принятых – 46 человек. Имеет место рост отдела контроля качества обслуживания в 2018 году – на 5 сотрудников. Для оценки кадрового потенциала определяем следующие показатели:

1. Коэффициент стабильности кадров. Содержание показателя состоит в определении доли работников, стабильно работающих в организации в течение продолжительного времени.

Таблица 1.

Штатная численность персонала ООО «Здесь Аптека», 2018 год

Наименование должности с указанием отдела	Количество работников, чел.
Руководитель организации (генеральный директор)	1
ИТ-отдел	
Руководитель отдела	1
Специалист	20
HR-отдел	
Руководитель отдела	1
Специалист	12
Отдел контроля	
Руководитель отдела	1
Специалист	20
Производственный отдел	
Супервайзер	5
Оператор	50

Таблица 2.

Расчет среднесписочной численности работников ООО «Здесь Аптека», 2018 год

Наименование должности	Численность работников												Среднесписочная численность работников	
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь		
Руководитель организации (генеральный директор)	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1,0
ИТ-отдел														
Руководитель отдела	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1,0
Специалист	20	17	17	18	17	17	16	15	20	20	20	20	20	18,1
HR-отдел														
Руководитель отдела	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1,0
Специалист	12	10	8	8	8	10	10	9	9	10	11	12	12	9,8
Отдел контроля														
Руководитель отдела	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1,0
Специалист	15	15	12	11	14	13	13	14	12	14	17	20	20	14,2
Производственный отдел														
Супервайзер	5	5	5	5	4	4	5	5	5	5	5	5	5	4,8
Оператор	50	45	45	38	40	45	50	40	46	45	48	50	50	45,2
ИТОГО	106	96	91	84	87	93	98	87	96	98	105	111	111	96,0

Таблица 3.

Расчет численности выбывших и принятых работников ООО «Здесь Аптека»

Наименование должности	Численность работников			
	2017	Выбыло	Принято	2018
Руководитель организации (генеральный директор)	1	0	0	1
ИТ-отдел				
Руководитель отдела	1	0	0	1
Специалист	20	6	6	20
HR-отдел				
Руководитель отдела	1	0	0	1
Специалист	12	4	4	12
Отдел контроля				
Руководитель отдела	1	0	0	1
Специалист	15	7	12	20
Производственный отдел				
Супервайзер	5	1	1	5
Оператор	50	23	23	50
ИТОГО	106	41	46	111

$$K_{ст.к.} = \frac{Ч_n}{Ч_{ср}} \quad (1) \quad Ч_{ср} - \text{среднесписочная численность сотрудников.}$$

где $Ч_n$ – численность сотрудников, полностью проработавших в анализируемом отчетном периоде;

$$K_{ст.к.} = \frac{(106 - 41)}{96} = 0,677 \cdot$$

Стабильность кадрового состава в 2018 году составляет 67,7%.

2. Коэффициент текучести кадров. Определяет оборачиваемость кадров.

$$K_{\text{тек.к.}} = \frac{Ч_y}{Ч_{\text{сп}}}, \quad (2)$$

где $Ч_y$ – численность уволенных сотрудников за анализируемый период.

$$K_{\text{тек.к.}} = \frac{41}{96} = 0,427.$$

Значение коэффициента текучести кадров в 2018 году составило 42,7%.

3. Коэффициент приема кадров. Коэффициент отражает информацию о том, сколько сотрудников было принято в анализируемый период.

$$K_{\text{пр.к.}} = \frac{Ч_{\text{пр}}}{Ч_{\text{сп}}}, \quad (3)$$

где $Ч_{\text{пр}}$ – численность принятых сотрудников за анализируемый период.

$$K_{\text{пр.к.}} = \frac{46}{96} = 0,479.$$

Коэффициент приема кадров показывает, что доля принятых сотрудников в 2018 году составила 47,9%, что является достаточно высоким значением.

4. Коэффициент выбытия кадров. Сущность показателя состоит в определении доли выбывших сотрудников.

$$K_{\text{пр.к.}} = \frac{Ч_e}{Ч_n}, \quad (4)$$

где $Ч_e$ – численность выбывших сотрудников;

$Ч_n$ – численность сотрудников на начало рассматриваемого периода.

$$K_{\text{пр.к.}} = \frac{41}{106} = 0,387.$$

Доля выбывших сотрудников в анализируемом периоде составила 38,7%.

Для обоснования необходимости улучшения системы управления трудовыми ресурсами на предприятии, в октябре 2019 года нами было проведено анкетирование сотрудников ООО «Здесь Аптека». Для этого, была разработана анкета на основании заранее выбранных категорий условий труда, соответствующих базовым методам управления трудовыми ресурсами: экономических, организационных и социально-психологических [2, с. 69] (см. табл. 4). М.И. Маскаев пишет, что в рамках каждого названного метода применяется определенный набор инструментов [8]:

1. В системе экономических методов – это разработка мероприятий по оценке трудового потенциала, улучшение материально-технической базы

организации и совершенствование организации рабочего места каждого сотрудника, оптимизация материального стимулирования работников предприятия

2. В системе организационно-административных методов – это формирование эффективной организационно-управленческой структуры, ориентированной на изменения во внешней и внутренней среде, подбор сотрудников с достаточным профессиональным опытом работы, использование аутсорсинга и аутстаффинга, создание и организация условий для саморазвития конкурентоспособности работников на основе системы повышения квалификации, обучения и развития

3. В системе социально-психологических методов – это формирование корпоративной (организационной) культуры, ориентированной на инновационное развитие предприятия, формирование положительного имиджа предприятия в регионе, использование оптимального стиля управления, оптимизация социально-психологического климата в коллективе, повышение удовлетворенности сотрудников условиями работы в организации.

По результатам анкетирования, были составлены две таблицы, – «Уровень важности категорий условия труда» и «Уровень удовлетворённости категориями условий труда». Данные представлены в таблицах 5 и 6.

Полученные средние значения были сведены в одну таблицу с целью проведения сравнительного анализа «желаемого» и «действительного» (см. табл. 6.). Сравнив полученные средние значения, были отмечены те факторы, которые по степени важности набрали менее 6 баллов (в данной таблице таких категорий две – это № 3 и № 15), для персонала ООО «Здесь Аптека» в данное время не важны, а также факторы, которыми сотрудники предприятия не удовлетворены (это категории №1, №6, №11 и №15). Все полученные результаты (средние значения) можно условно распределить по 4 зонам (см. табл. 7):

– зона переплаты. В зону переплаты входят категории со средним баллом по важности ниже среднего по общему показателю удовлетворенности;

– зона лояльности. К данной зоне следует отнести категории, в которых средний балл по важности и удовлетворительности практически идентичен;

– зона безразличия. В данную зону относятся те категории, в которых имеет место низкий средний балл и по удовлетворительности, и по важности;

– зона дискомфорта. В данную зону включают категории, где средний балл по важности на три и более балла выше, чем средний балл по удовлетворенности.

Конечный результат исследования по удовлетворенности условиями труда сотрудников ООО «Здесь Аптека» – это все категории, попавшие в «Зону дискомфорта». Таким образом, можно сделать вывод

Таблица 4.

Выбранные категории условий труда для проведения исследования в целях обоснования необходимости совершенствования управления трудовыми ресурсами ООО «Здесь Аптека»

Блок	№ п/п*	Категория условий труда
Система материального поощрения	1	Справедливая и понятная система материального стимулирования (мотивации)
	2	Достойная стабильная оплата труда
	3	Наличие ряда материальных льгот
Администрирование и политика компании	4	Понимание перспектив развития компании и подразделения
	5	Налаженное взаимодействие с сотрудниками других отделов компании
	6	Эффективная организация труда сотрудников, в частности новых (адаптационные программы)
Управленческое взаимодействие	7	Четкая постановка задач со стороны руководителя
	8	Регулярная обратная связь со стороны руководителя о выполнении задач
	9	Открытое обсуждение с руководством проблем и сложностей
Система нематериального поощрения	10	Признание значимости и важности работы коллегами и руководством
	11	Возможность узнавать что-то новое, получать дополнительные знания, развивать умения и навыки
	12	Заинтересованное отношение руководителя к идеям и предложениям, знаки уважения и одобрения со стороны руководителя
Коллектив, общение с коллегами	13	Хороший, дружный коллектив
	14	Хорошие отношения с непосредственным руководителем
	15	Общность интересов, мировоззрения с коллегами и руководителем
Стабильность, безопасность труда	16	Уверенность в завтрашнем дне
	17	Стабильность (отсутствие частых перемен, связанных с работой)
	18	Четкое и своевременное выполнение обязательств компании перед сотрудниками

Таблица 5.

Уровень важности категорий условий труда сотрудников ООО «Здесь Аптека»

№ п/п	Категория условий труда	Количество анкет										Средн.
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	Справедливая и понятная система материального стимулирования (мотивации)	9	9	10	10	9	10	9	8	7	8	9
2	Достойная стабильная оплата труда	9	9	9	9	8	8	10	10	6	7	9
3	Наличие ряда материальных льгот и компенсаций	4	4	4	5	7	8	8	2	2	7	5
4	Понимание перспектив развития компании и подразделения	8	8	8	9	9	10	10	10	8	7	9
5	Налаженное взаимодействие с сотрудниками других отделов компании	9	9	10	10	9	10	9	8	7	8	9
6	Эффективная организация труда сотрудников, в частности новых (адаптационные программы)	9	9	9	9	9	8	8	10	10	10	9
7	Четкая постановка задач со стороны руководителя	8	8	8	8	9	9	8	9	10	10	9
8	Регулярная обратная связь со стороны руководителя о выполнении задач	9	9	8	8	7	10	10	10	9	9	9
9	Открытое обсуждение с руководством проблем и сложностей	7	7	7	7	6	6	8	8	10	10	8
10	Признание значимости и важности Вашей работы коллегами и руководством	7	7	6	8	8	6	7	9	7	10	8
11	Возможность узнавать что-то новое, получать дополнительные знания, развивать умения и навыки	6	6	6	6	7	7	7	8	7	7	7
12	Заинтересованное отношение руководителя к идеям и предложениям, знаки уважения и одобрения со стороны руководителя	7	8	8	9	7	8	8	10	10	7	8

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

13	Хороший, дружный коллектив	6	6	7	7	4	5	6	6	6	5	6
14	Хорошие отношения с непосредственным руководителем	5	5	5	4	4	7	7	8	6	6	6
15	Общность интересов, мировоззрения с коллегами и руководителем	5	5	4	3	3	6	5	5	6	3	5
16	Уверенность в завтрашнем дне	8	8	9	9	9	8	8	9	10	10	9
17	Стабильность (отсутствие частых перемен, связанных с работой)	7	7	7	8	9	8	8	7	6	7	7
18	Четкое и своевременное выполнение обязательств компании перед сотрудниками по обеспечению безопасных условий труда	10	10	10	9	9	8	10	9	8	8	9

Таблица 6.

Уровень удовлетворенности условиями труда сотрудников ООО «Здесь Аптека»

№ п/п	Категория условий труда	Количество анкет										Средн.
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	Справедливая и понятная система материального стимулирования	4	4	4	5	5	5	8	8	7	4	5
2	Достойная стабильная оплата труда	8	8	8	9	8	8	9	9	8	7	8
3	Наличие ряда материальных льгот и компенсаций	6	6	6	7	8	8	8	5	5	8	7
4	Понимание перспектив развития компании и подразделения	5	5	6	7	5	7	5	6	5	5	6
5	Налаженное взаимодействие с сотрудниками других отделов компании	7	7	7	8	7	8	8	6	6	7	7
6	Эффективная организация труда сотрудников, в частности новых (адаптационные программы)	5	5	6	5	6	5	5	6	6	6	5
7	Четкая постановка задач со стороны руководителя	7	7	6	6	6	7	7	6	6	6	6
8	Регулярная обратная связь со стороны руководителя о выполнении задач	8	8	8	8	9	9	7	9	10	10	9
9	Открытое обсуждение с руководством проблем и сложностей	9	9	9	10	9	8	8	7	8	8	9
10	Признание значимости и важности Вашей работы коллегами и руководством	9	9	8	8	9	9	10	10	7	7	9
11	Возможность узнавать что-то новое, получать дополнительные знания, развивать умения и навыки	4	5	6	6	5	5	5	7	5	5	5
12	Заинтересованное отношение руководителя к идеям и предложениям, знаки уважения и одобрения со стороны руководителя	7	8	8	9	7	8	8	10	10	7	8
13	Хороший, дружный коллектив	9	9	9	8	10	10	10	9	9	10	9
14	Хорошие отношения с непосредственным руководителем	7	7	7	6	6	9	8	9	7	7	7
15	Общность интересов, мировоззрения с коллегами и руководителем	8	8	8	3	3	6	5	9	6	3	6
16	Уверенность в завтрашнем дне	7	7	7	8	8	8	6	6	6	6	7
17	Стабильность (отсутствие частых перемен, связанных с работой)	6	6	6	7	7	8	6	7	6	7	7
18	Четкое и своевременное выполнение обязательств компании перед сотрудниками по обеспечению безопасных условий труда	8	8	8	8	9	8	7	9	8	8	8

Таблица 7.

Сравнительная оценка уровня важности и удовлетворенности условиями труда сотрудников ООО «Здесь Аптека»

№ п/п	Категория условий труда	Важность	Удовлетворенность
1	Справедливая и понятная система материального стимулирования (мотивации)	9	5
2	Достойная стабильная оплата труда	9	8
3	Наличие ряда материальных льгот и компенсаций	5	7
4	Понимание перспектив развития компании и подразделения	9	6
5	Налаженное взаимодействие с сотрудниками других отделов компании	9	7
6	Эффективная организация труда сотрудников, в частности новых (адаптационные программы)	9	5

7	Четкая постановка задач со стороны руководителя	9	6
8	Регулярная обратная связь со стороны руководителя о выполнении задач	9	9
9	Открытое обсуждение с руководством проблем и сложностей	8	9
10	Признание значимости и важности Вашей работы коллегами и руководством	8	9
11	Возможность узнавать что-то новое, получать дополнительные знания, развивать умения и навыки	7	5
12	Заинтересованное отношение руководителя к идеям и предложениям, знаки уважения и одобрения со стороны руководителя	8	8
13	Хороший, дружный коллектив	6	9
14	Хорошие отношения с непосредственным руководителем	6	7
15	Общность интересов, мировоззрения с коллегами и руководителем	5	6
16	Уверенность в завтрашнем дне	9	7
17	Стабильность (отсутствие частых перемен, связанных с работой)	7	7
18	Четкое и своевременное выполнение обязательств компании перед сотрудниками по обеспечению безопасных условий труда	9	8

о том, что сотрудники не удовлетворены следующими аспектами: 1) Справедливая и понятная система материального стимулирования (мотивации); 2) Эффективная организация труда сотрудников, в частности новых (адаптационные программы); 3) Возможность узнавать что-то новое, получать дополнительные знания, развивать умения и навыки, 4) Общность интересов, мировоззрения с коллегами и руководителем. Именно в данных направлениях должна разрабатываться программа совершенствования управления трудовыми ресурсами ООО «Здесь Аптека». Касаясь системы материального стимулирования (мотивации), она на данный момент является императивом, так как имеет место повышенная текучесть кадров, особенно в производственном отделе. В целях нормирования показателя удовлетворенности по фактору «справедливая и понятная система материальной мотивации» нами было предложено введение KPI. Для этого, была загружена бесплатная (с тестовым режимом) программа с актуальным для фармацевтической организации функционалом – АСУ KPI-Drive.

Программа подходит для любых отраслей и может быть внедрена на любом этапе развития организации. Технология позволяет полностью «автоматизировать управление персоналом предприятия вплоть до удаленного управления. С помощью модулей «Показатели» (ключевые показатели эффективности), «Задачи» (поручения), «Оценки» (оценка стандартов выполнения) и «Оплата» (расчет премии или зарплаты), предусмотренных в программе KPI-Drive, руководитель может контролировать эффективность работы персонала, премировать сотрудников и оплачивать их работу по реальному результату. Для работы с системой не требуется устанавливать никакого специального программного обеспечения. Все операции проходят в режиме онлайн и управляются через Интернет при помощи обычного браузера или мобильного приложения для телефонов и планшетов» [13].

Помимо названного функционала, программа имеет настраиваемую синхронизацию и совместимость со всеми популярными браузерами, а при установке на персональный компьютер или коммуникатор удобна для использования как на iOS, так и на Android.

Неоспоримо, что внедрение системы KPI неразрывно связано со стратегическим планированием фармацевтического бизнеса. Так, само использование системы KPI предусматривает оценку выполнения поставленных стратегических целей. Преимущество данной системы заключается во внедрении определенных стандартов в деятельность всех подразделений и сотрудников предприятия и обеспечении высокого уровня мотивации как отдельного специалиста, так и всего отдела, включая его руководителя. Единственным недостатком KPI при неэффективном их подборе и расчете авторам видится нацеленность на выполнение фактических требований показателя и достижение фиктивных результатов вместо практического ведения полезной деятельности. Избежать этого можно грамотной разработкой самих показателей, использованием общепринятых принципов создания KPI и тщательными консультациями непосредственно с сотрудниками и их руководителями [15].

В начале декабря 2019 года авторами была проведена беседа с руководителем отдела кадров ООО «Здесь Аптека» о результатах интеграции АСУ в практику фармацевтической организации. Мы выяснили, что, заинтересовавшись инновацией, уже в конце октября руководством была разработана система критериев, при выполнении которых предусматриваются денежные премии. Например, каждый супервайзер имеет свою команду операторов, таким образом, координация и качество работы команды, ее мотивации к труду является основной задачей для данной должности. Ранее в компании не обращалось должного внимания на вопросы премирования. Сейчас помимо регулярных квартальных премий сотрудники стали

получать надбавку в День фармацевта (15 октября). Безусловно, в организации существует социальный пакет. Для супервайзеров были разработаны следующие критерии оценки: 1) Выполнение сверх плана в месяц на 5-7% – премия 3% от оклада; 2) Выполнение сверх плана в месяц на 8-10% – премия 5% от оклада; 3) Выполнение сверх плана в месяц на 11-15% – премия 10% от оклада. Экономическая эффективность такой системы легко доказуема. Так, величина оклада супервайзера составляет 45000 рублей, величина плана в месяц – 5375 звонков, каждый звонок впоследствии приносит 1500 рублей прибыли. Производим расчет дополнительно созданного товарооборота, и величины фонда стимулирования (см. табл. 8).

И, далее, предполагая максимальное выполнение условий премирования всеми работниками (5 сотрудников), рассчитаем эффект мероприятия (см. табл. 9).

Как видно, мероприятие позволило привлечь дополнительный объем выручки в размере 14,77%

(6045 тыс. руб.) в год, а при затратах на стимулирование в размере 351540 рублей в год¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что интеграция KPI в практику фармацевтической организации имеет не только социальный эффект (осуществляется повышение уровня материальной мотивации персонала), но и экономический. Кроме того, сами сотрудники начинают четко понимать цели компании и пути их достижения. Каждый из них знает свои задачи на определенный период рабочего времени, может отслеживать процент достижения целей и оперативно корректировать свой курс. Оплата труда непосредственным образом связана с результатом работы, что дает оптимизировать фонд оплаты труда в целом, и фонд премирования, в частности. Уровень управления позволяет руководству фармацевтической организации управлять ей дистанционно; кроме того, появляется возможность большей концентрации на стратегической работе по развитию компании.

Таблица 8.

Расчет дополнительного товарооборота

Основание	Превышение плана, звонков	Выручка, руб.	Размер денежного поощрения, %	Размер денежного поощрения, руб.
Выполнение сверх плана в месяц на 5-7%	376	564000	3	1350
Выполнение сверх плана в месяц на 8-10%	538	807000	5	2250
Выполнение сверх плана в месяц на 11-15%	806	1209000	10	4500

Таблица 9.

Расчет экономической эффективности интеграции системы KPI

Наименование показателя	Отчетный год	Прогнозируемый год	Абсолютное изменение, тыс. руб.	Относительное изменение, %
Выручка	40931	46976	6045	114,77

Список литературы

1. Давыдов, В.М. Электронная коммерция: учеб. пособие / В. М. Давыдов, А. В. Рудецкая. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2020. – 149 с.
2. Егоршин А.П. Основы управления персоналом. Учебное пособие / А.П. Егоршин. М.: ИНФРА-М, 2018. – 352 с.
3. Жданкин Н.А., Суанов В.М. Интегрированный показатель мотивации персонала как ключевой индикатор реализации инновационной стратегии // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. – Том 9. – № 1А. – С. 308-319.
4. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации: актуальные технологии найма, адаптации и аттестации: Учебное пособие / А.Я. Кибанов, И.Б. Дуракова. – М.: КноРус, 2013. – 368 с.
5. Корнийко Ю.В. Формирование инструментов и методов креативного менеджмента на промышленных предприятиях: научный доклад об основных результатах дисс. ... к.э.н.: ГАОУ ВО г. Москва «Московский городской педагогический университет». М. 2019. – 31 с.
6. Локтионова М. Построение эффективной системы оплаты труда в современных условиях. Как обеспечить рентабельность системы оплаты труда, которая мотивирует сотрудника на достижение ожидаемого результата: [Презентация к докладу] // Материалы круглого стола Агентства медицинского маркетинга, М., 2015. – 30 с.

¹ Объем стимулирующей части заработной платы работников равно $4500 \times 5 \times 12 = 270000$ рублей в год, дополнительный объем взносов: $270000 \times 30,2 \div 100 = 81540$ рублей. Итого: $270000 + 81540 = 351540$ рублей.

7. Мазуренко И.А. Механизм управления персоналом в условиях организационных изменений: автореф. дис. канд. эк. наук: 08.00.05 / Мазуренко Игорь Александрович. Воронеж, 2009. – 18 с.
8. Маскаев, М.И. Система и механизмы управления трудовым потенциалом современной организации: дис. канд. эк. наук: 08.00.05 / Маскаев Мансур Ибрагимович. Пенза, 2014. – 184 с.
9. Мотивация на достижение целей: презентация Заместителя Генерального директора по интеграции систем менеджмента ПАО «Группа компаний «Интермедсервис» Ж.М. Микаева. – М., 2018. – 28 с.
10. Новикова К.В. Интернет-маркетинг и электронная коммерция: учеб. – метод. пособие / К. В. Новикова, А. С. Старатович, Э. А. Медведева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. – 78 с.
11. Официальный сайт разработчика KPI-Drive. – ULR: <https://kpi-drive.ru/> (дата доступа 18.12.2019)
12. Сафина Д.М. Управление ключевыми показателями эффективности: учебное пособие / Д.М. Сафина. – Казань: Казан. ун-т, 2018. – 123 с.
13. KPI: ключевые показатели эффективности // Портал «Мое право». – ULR: <https://pravo.moe/kpi-klyuchevye-pokazateli-effektivnosti/> (дата доступа 18.12.2019)
14. KPI-Drive: система управления персоналом и оплатой труда // Онлайн-газета «Аптека». 2015. №4 (975). – ULR: <https://www.apteka.ua/article/321719> (дата доступа 20.12.2019)

References

1. Davydov, V.M. E-commerce: study manual/V. M. Davy-dov, A. V. Rudetskaya. – Khabarovsk: Tihookean. State. un-ta, 2020. – 149 p.
2. Yegorshin A.P. Basics of Human Resources Management. Tutorial/A.P. Yegorshin. M.: INFRA-M, 2018. – 352 с.
3. Zhdankin N.A., Suanov V.M. Integrated indicator of personnel motivation as a key indicator of innovation strategy implementation//Economics: yesterday, today, tomorrow. 2019. – Volume 9. – № 1A. – S. 308-319.
4. Kibanov A.J. Personnel management of the organization: current techno-logic of recruitment, adaptation and certification: Training manual/A.J. Kibanov, I.B. Durakova. – M.: KnorRus, 2013. – 368 с.
5. Kornenko Yu.V. Formation of tools and methods of creative management at industrial enterprises: scientific report on basic results of... Moscow City Pedagogical University. M. 2019. – 31 p.
6. Loktionova M. Building an effective system of remuneration in these conditions. How to ensure the profitability of the remuneration system, which motivates the employee to achieve the expected result: [Presentation to the report]// Materials of the round table of the Medical Marketing Agency, M., 2015. – 30 p.
7. Mazurenko I.A. Mechanism of personnel management in conditions of organizational changes: autoref. yew. edging. эк. Sciences: 08.00.05/Mazurenko Igor Alexandrovitch. Voronezh, 2009. – 18 p.
8. Maskayev, M.I. System and mechanisms of labor potential management of modern organization: dis. edging. эк. Sciences: 08.00.05/Maskaev Mans-ur Ibrahim. Penza, 2014. – 184 p.
9. Motivation to achieve the goals: presentation of the Deputy Director General for Integration of Management Systems of PJSC “Group of Companies” Intermedservice “Zh.M. Mikayeva. – M., 2018. – 28 p.
10. Novikova K.V. Internet marketing and e-commerce: study. Manual/K. V. Novikova, A. S. Molotovich, E. A. Medvedev; Perm. state. national. исслeд. Un-t. – Perm, 2013. – 78 p.
11. Official website of the developer KPI-Drive. – ULR: <https://kpi-drive.ru/> (access date 18.12.2019)
12. Safina D.M. Management of key performance indicators: manual / D.M. Safina. – Kazan: Cauldron. Un-t, 2018. – 123 p.
13. KPI: key performance indicators//My Right Portal. – ULR: <https://pravo.moe/kpi-klyuchevye-pokazateli-effektivnosti/>(access date 18.12.2019)
14. KPI-Drive: Personnel and Pay Management System//Online newspaper “Pharmacy.” 2015. No. 4 (975). – ULR: <https://www.apteka.ua/article/321719> (date of access 20.12.2019)

УДК 338.621

Кривошеева А.О.,

студент международного финансового факультета,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Alena.krivosheeva.99@mail.ru

Орусова О.В.,

кандидат экономических наук, доцент международного финансового факультета,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Orusova0106@mail.ru

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются теоретические аспекты влияния развития цифровой экономики на процессы глобализации. Анализируются зарубежные и отечественные подходы к понятию категории «цифровая экономика». Представлено авторское определение цифровой экономики. Выявлены элементы, составляющие основу цифровой экономики. Отмечаются положительные стороны цифровой экономики. Приводятся статистические данные влияния цифровой экономики на ВВП как зарубежных стран, так и Российской Федерации. Обосновывается тенденция цифровой глобализации экономических процессов. Приводятся примеры развития технологий и инноваций. Обозначены стратегии развития экономики России на 2019-2035 годы. Авторами выделены аспекты функционирования отечественной цифровой экономики в рамках процесса глобализации. Сделан вывод об активном развитии цифровой экономики на современном этапе, которая оказывает существенное влияние на процессы глобализации.

Ключевые слова: глобализация, цифровая экономика, информация, влияние, рынок, стратегия развития экономики России, глобализация экономических процессов, технологии, информационные модели, информатизация

Krivosheeva A.,

Student, International Finance Department, Financial University under the Government of the Russian Federation

Orusova O.,

PhD in Economics, Associate Professor, International Finance Department,
Financial University under the Government of the Russian Federation

THE IMPACT OF THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY ON GLOBALIZATION

The article discusses the theoretical aspects of the impact of the development of the digital economy on globalization processes. Foreign and domestic approaches to the concept of the category of "digital economy" are analyzed. The author's definition of the digital economy is presented. The elements that form the basis of the digital economy are identified. The positive aspects of the digital economy are highlighted. Statistical data on the impact of the digital economy on the GDP of both foreign countries and the Russian Federation are provided. The tendency of digital globalization of economic processes is grounded. Examples of technology and innovation development are given.

The development strategies of the Russian economy for 2019-2035 are outlined. The author identifies aspects of the functioning of the domestic digital economy as part of the globalization process. The conclusion is drawn about the active development of the digital economy at the present stage, which has a significant impact on the processes of globalization.

Keywords: globalization, digital economy, information, influence, market, Russian economy development strategy, globalization of economic processes, technologies, information models, informatization

Процесс глобализации экономики ускорился в последние десятилетия, когда различные рынки, в частности, рынки капитала, технологии и товаров, а в известной степени и рынок труда, становились все более взаимосвязанными и интегрированными в многослойную сеть [1].

Важнейшей особенностью глобализации и порождающим ее механизмом считается появление и распространение интернета, который привел к формированию единого глобального информационного пространства. Этот новый третий этап глобализации можно назвать «интернетглобализацией» или «цифровой глобализацией».

Сегодня мировое сообщество приступило к очередному этапу глобализации – цифровой трансформации общества. Процессы производства, распределения, обмена и потребления информации становятся главными по сравнению с другими видами экономической деятельности, усиливая виртуализацию экономики, порождая новую форму организации экономических отношений – цифровую экономику, что обуславливает актуальность рассматриваемой авторами темы.

Отметим, что в международном сообществе на сегодняшний день отсутствует единообразное понятие категории цифровая экономика. Зачастую определение цифровой экономики связывают с перечислением направлений ее влияния на экономику и социальную сферу [2, 3]. Некоторые определения рассматриваемой категории представлены на рисунке 1.

Отметим, что унифицированное определение цифровой экономики отсутствует и в России. Одно из понятий цифровой экономики приведено в документе «Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017-2030 годы». В частности, под цифровой экономикой понимается хозяйственная деятельность, в которой основным фак-

тором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование этих результатов анализа которые по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют значительно повысить эффективность разных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг [4].

Таким образом, справедливо полагать, что на сегодняшний день само понятие «цифровая экономика» все же окончательно еще не утвердилось. В это понятие можно включить все, что угодно, в том числе такие направления, как высокотехнологичное производство, программное обеспечение, компьютерные технологии, а также многие другие современные вещи, в числе которых предоставление электронных услуг и различные интернет-сервисы вместе с интернет мессенджерами [5].

Анализ вышеприведенных позиций рассматриваемой категории позволил нам выработать следующее авторское определение цифровой экономики. *Это экономико-социальная деятельность по разработке, внедрению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг.*

При этом под цифровыми технологиями целесообразно рассматривать технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде.

Основу цифровой экономики составляют элементы, обозначенные на рисунке 2.

Как показывает опыт развитых стран, появление принципиально новых технологий любой направленности вне зависимости от их сферы внедрения дает положительные эффекты и в целом благоприятно воздействует на судьбу экономического развития. Положительные стороны цифровой экономики представлены на рисунке 3.

Цифровая экономика -глобальная сеть экономических и социальных видов деятельности, которые поддерживаются благодаря таким платформам, как Интернет, а также мобильные и сенсорные сети [Australian Government, 2016].

- Цифровая экономика -Новый уклад экономики, основанной на знаниях и цифровых технологиях, в рамках которой формируются новые цифровые навыки и возможности у общества, бизнеса и государства [Всемирный банк, 2016а].

Цифровая экономика -сложная структура, состоящая из нескольких уровней/слоев, связанных между собой практически бесконечным и постоянно растущим количеством узлов [European Parliament, 2015].

- Цифровая экономика представляет собой рынки на основе цифровых технологий, которые облегчают торговлю товарами и услугами с помощью электронной коммерции в Интернете [Fayuz, 2018].

Цифровая экономика - это экономика, способная предоставить высококачественную ИКТ-инфраструктуру и мобилизовать возможности ИКТ на благо потребителей, бизнеса и государства [The Economist, 2014].

Рис. 1. Определения категории «цифровая экономика» за рубежом

Рис. 2. Основа цифровой экономики

Положительные стороны цифровой экономики:						
возможность управлять работой дистанционно;	доступный и свободный рынок;	упрощение платежей;	любая отрасль экономики доступна в данной сфере;	уровень производительности выше имеющегося;	сокращение себестоимости;	может быть полностью исключён бумажный документооборот и введён электронный.

Рис. 3. Положительные стороны цифровой экономики

Таким образом, основываясь на международном опыте в эпоху активного и успешного развития цифровой экономики во всем мире, следует полагать, что нашему государству необходимо активно внедрять ее, для того, чтобы остаться конкурентоспособными на рынке мировой экономики. В связи с чем, Правительство РФ утвердило программу по развитию цифровой экономики с её планом реализации до 2024 года. Цифровая экономика внедряется во все сферы жизни: в сельское хозяйство, образование, медицину, государственное управление [4]

Отметим, в настоящее время Россия не относится к лидерам развития цифровой экономики по ряду показателей, таких как цифровизация, продолжительность задержки в освоение новых технологий, которыми пользуются лидирующие страны. Так, в России цифровая экономика составляет всего 3,9% от валового внутреннего продукта (далее ВВП), этот показатель в развитых странах составляет 8-12%. Однако даже на данном этапе развития заметен прогресс цифровой экономики.

Объём цифровой экономики является основным показателем развития. Для сравнения, за 5 последних лет ВВП России увеличился на 7%, и на 59% (на 1,2 трлн руб. в ценах 2015 года) за это же время увеличился объём цифровой экономики. Из вышесказанного видим, что за период с 2011 года по 2015 год общее увеличение ВВП за счёт цифровой экономики составило 24% [6].

Признанием значимости роли цифровой экономики является ежегодное увеличение ее доли в ВВП государств почти на 20%, в развитых странах эта цифра в среднем составляет 7%. По прогнозам 20-35% от всего увеличения ВВП до 2025 года будет зависеть от внедрения цифровых технологий [7].

Изложенное позволяет авторам сделать вывод, что данное развитие приведёт к повышению конкурентоспособности, увеличению квалифицированных кадров, повышению производительности труда и, как следствие, к снижению цен. Что, в свою очередь, благоприятно скажется на всех сферах жизнедеятельности государства.

В связи с чем, по нашему мнению, для роста ВВП в России необходимо активно наращивать темпы роста цифровой экономики в период с 2020 по 2025 годы. Цель конечно сложная, но достижимая. Это потребует сохранения темпов роста экономики на уровне 12%. Указанное значение будет соответствовать росту экономики с 3,9% до 8-10% ВВП, в зависимости от рыночных цен на нефть и других макроэкономических показателей.

Интересным представляются стратегии развития экономики России на 2019-2035 годы, разработанные Савиной Т.Н. и представленные в таблице 1 [8].

По данным Всемирного экономического форума, цифровая экономика пронизывает все сферы общества, включая характер взаимодействия людей между собой, экономику, навыки, необходимые для получения работы и даже процесс принятия политических решений (электронное правительство). Значимым следствием процесса внедрения технологий цифровой экономики стало увеличение нематериальных информационных потоков между странами, регионами, корпорациями, физическими лицами [9].

Глобализация мировой экономики привела к формированию единого рыночного и информационного пространства и либерализации мировой торговли товаров и услуг, что обусловило доступ потребителей к широкому ассортименту товаров и актуальной и достоверной информации о продуктах и их рыночных характеристиках.

Кроме того, глобализация и рост волатильности мировых рынков, а также увеличение конкуренции приводят к желанию компаний создать устойчивые бизнес-модели менее подверженные негативным эффектам от глобализации. Устойчивость бизнес-моделей определяется эффективным использованием ресурсов: природных, материальных, финансовых и интеллектуальных. Результатом трансформации является переход к сетевому взаимодействию и образованию экосистем поставщиков, партнеров, потребителей и конкурентов вокруг компаний.

Обратим внимание, что одним из важнейших факторов, влияющих на современное потребитель-

ское поведение, является быстрое развитие технологий. Так называемая usability – удобство и интуитивная простота в использовании технологий – становится важнейшим потребительским требованием [6].

Текущие технологии содержат большой потенциал для развития бизнеса. В дальнейшем технологии станут более доступны, в том числе потребителям. Технологии воспринимают как объект повышения эффективности, но они также позволяют создавать потребительский опыт, новые источники дохода.

Примеры развития технологий и инноваций:

– интернет вещей: техника перестала быть просто предметами. Сегодня холодильник, чайник и пылесос могут быть источниками информации.

– сегодня без облачных технологий не видит себя ни один высокотехнологичный бизнес. Проблемы с перегрузкой серверов, опасностью кибератак и огромных финансовых вложений остались в прошлом.

– оплатить свои покупки можно телефоном. Технологии «Apple Pay», «Android Pay» и «LG Pay» облегчили жизнь потребителей и сделали транзакции на основе магнитной коммутационной технологии доступными каждому [6].

Между тем, цифровые технологии несут в себе как материальные блага, так и риски, среди которых можно назвать технологический, социальный, политический риски, риск роста преступности в ее новых проявлениях, риск социальной, экологической и личностной деградации.

Следствием цифровой глобализации является международная экономическая интеграция, благодаря которой стремительно растут нетрадиционные трансграничные потоки товаров, кредитов и инвестиций, активизируется глобальный обмен информацией, идеями и технологиями. Это приводит к тому, что национальные экономики становятся частью единой мировой цифровой экономической системы [10].

Таким образом, цифровая глобализация экономических процессов становится основополагающей тенденцией и принципом развития современной экономики, которое ориентирует современный менед-

Таблица 1.

Стратегии развития экономики России на 2019-2035 годы

Стратегия развития	Ответственные за разработку и реализацию	Рост ВВП, %		
		2018	2027	2035
Гуманитарный рывок вместо мобилизационного	Центр стратегического развития, А. Кудрин	3,2	4,2	3,7
Стратегия роста	Институт экономики роста им. П.А. Столыпина, Столыпинский клуб, Б. Титов	2,8	3,5	4,5
Стратегия Правительства России (догоняющая стратегия)	Минэкономразвития России, М. Орешкин	–	3,5	–
Среднемировые показатели	Президент РФ	3–3,5% в год		
Стратегия экономического паритета	Г. Греф	6–8% в год		

жмент на учет правил ведения бизнеса, способствует росту производительности труда и качества продукции, нивелирует отрицательные фазы экономического цикла и в целом обеспечивает устойчивый рост экономики в условиях глобализации.

Анализ, проведенный в настоящей статье, позволяет нам прийти к выводу о том, что на современном этапе активно развивается цифровая экономика, которая оказывает существенное влияние на процессы глобализации. В связи с чем, можно выделить следующие важные аспекты функционирования отечественной цифровой экономики в рамках процесса глобализации, представленные на рисунке 4.

В заключении отметим, что в последние годы произошло стремительное развитие цифровой инфраструктуры. Использование цифровых платформ и цифровых решений предоставляет компаниям и гражданам новые возможности по поиску лучших поставщиков, клиентов и талантливых сотрудников по всему миру. Население посредством цифровых технологий получает доступ к глобальным рынкам. Развитие цифровой экономики в условиях всемирной глобализации способствует созданию совершенно нового мира, в котором будут главенствовать иные, отличные от сегодняшних система ценностей, управленческие парадигмы, социальные нормы и экономические законы.

1. Обеспечение информационной и экономической безопасности государства в целом, а также бизнеса и отдельного человека в частности; защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни российских граждан в цифровом пространстве

- 2. Российская цифровая экономика должна отвечать критериям социальной ориентированности, стремиться всемерно содействовать созданию новых возможностей для улучшения жизни всех социальных групп населения

Развитие цифровой экономики России должно обеспечить реализацию потенциала нового экономического уклада для национального благосостояния при полноценном участии государства в выстраивании новой глобальной экономической экосистемы

Рис. 4. Главные аспекты функционирования цифровой экономики в России

Список литературы:

1. Варнавский В.Г. Цифровые технологии и рост мировой экономики // Друкеровский вестник. 2015. № 3 (7). С. 73-80.
2. Джулий Л.В., Емчук Л.В. Информационные системы и их роль в деятельности современных предприятий // В книге: Perspective economic and management issues Collection of scientific articles. Scientific journal «Economics and finance», «East West» Association For Advanced Studies and Higher Education. 2015. С. 130-134.
3. Martin-Shields C.P., Bodanac N. Peacekeeping's Digital Economy: The Role of Communication Technologies in Post-Conflict Economic Growth. International Peacekeeping, 2017, 26 p.
4. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"»
5. Стефанова Н.А., Седова А.П. Модель цифровой экономики // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 91-93.
6. Авдеева И.Л. Анализ перспектив развития цифровой экономики в России и за рубежом // В книге: Цифровая экономика и «Индустрия 4.0»: проблемы и перспективы труды научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 19-25.
7. Семенов Ю.А. IT-экономика в 2019 году и через 10 лет // Экономические стратегии. № 1 (143), 2017. Стр. 126-135
8. Савина Т.Н. Цифровая экономика как новая парадигма развития: вызовы, возможности и перспективы // Финансы и кредит. – 2018. -№24 –С. 579-590.
9. Варнавский В.Г. Цифровые технологии и рост мировой экономики // Друкеровский вестник. 2015. № 3 (7). С. 73-80.
10. Гуляев П.В. Проблемы эффективного использования информационного ресурса в экономике // Региональная экономика: теория и практика. 2019. № 32. С. 10-14.

References

1. Varnavsky V.G. Digital technologies and global economic growth // Drucker Bulletin. 2015. No 3 (7). S. 73-80.
2. Julius L.V., Emchuk L.V. Information systems and their role in the activities of modern enterprises // In the book: Perspective economic and management issues Collection of scientific articles. Scientific journal «Economics and finance», «East West» Association For Advanced Studies and Higher Education. 2015.S. 130-134.
3. Martin-Shields C.P., Bodanac N. Peacekeeping's Digital Economy: The Role of Communication Technologies in Post-Conflict Economic Growth. International Peacekeeping, 2017, 26 p.
4. The order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No 1632-r «On approval of the program "Digital economy of the Russian Federation"»

5. *Stefanova N.A., Sedova A.P.* Digital Economy Model // Karelian Scientific Journal. 2017.Vol. 6. No. 1 (18). S. 91-93.
6. *Avdeeva I.L.* Analysis of the prospects for the development of the digital economy in Russia and abroad // In the book: Digital Economy and Industry 4.0: Problems and Prospects Proceedings of a Scientific and Practical Conference with International Participation. 2017.S. 19-25.
7. *Semenov Yu.A.* IT economy in 2019 and after 10 years // Economic strategies. No. 1 (143), 2017. Page 126-135
8. *Savina T.N.* Digital economy as a new development paradigm: challenges, opportunities and prospects // Finance and Credit. - 2018. -№24 –С. 579-590.
9. *Varnavsky V.G.* Digital technologies and global economic growth // Drucker Bulletin. 2015. No 3 (7). S. 73-80.
10. *Gulyaev P.V.* Problems of the effective use of an information resource in the economy // Regional Economics: theory and practice. 2019.No 32. S. 10-14.

Кулиев Рауф Алим оглы,
соискатель, ФГБУН Институт экономики Российской академии наук,
swonson@bk.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА: СОДЕРЖАНИЕ И ПРИОРИТЕТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В статье раскрывается содержание пространственного развития страны, анализируются основные тенденции пространственного развития: рост значения городских крупных агломераций в территориально-организационном развитии, концентрация промышленных центров в небольшом числе регионов, несбалансированность пространственного развития городских агломераций, рост производства сельскохозяйственной продукции в центральных и южных регионах и производства сельхозтехники, создание научного потенциала в агломерациях путём объединения научных и образовательных учреждений и т.д.

Сделан вывод, что пространственная и территориально-организационная структура должна стать базисным элементом социально-экономических отношений.

Ключевые слова: территориальная структура, территориальные образования, пространственное развитие, агломерации, транспортная среда, социальная инфраструктура, инновационное развитие, научно-технический и образовательный потенциал

Kuliev Rauf Alim oglu,
Applicant, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences

SPATIAL AND TERRITORIAL ORGANIZATIONAL STRUCTURE: CONTENTS AND PRIORITY TRENDS

The article reveals the content of the country's spatial development, analyzes the main trends in spatial development: the growing importance of large urban agglomerations in territorial and organizational development, the concentration of industrial centers in a small number of regions, the imbalance in the spatial development of urban agglomerations, the growth of agricultural production in the central and southern regions and production agricultural machinery, the creation of scientific potential in agglomerations by combining scientific and educational institutions etc.

It is concluded that the spatial and territorial-organizational structure should become a basic element of socio-economic relations.

Keywords: territorial structure, territorial entities, spatial development, agglomerations, transport environment, social infrastructure, innovative development, scientific, technical and educational potential

Вопросы территориальной структуры страны, её содержание и этапы формирования включают «установление закономерностей взаимодействия между некоторой фиксированной пространственной структурой, её естественно-природными особенностями и спецификой протекания исторических процессов» [1].

Ретроспективный обзор источников, раскрывающих этапы, критерии и особенности территориальной структуры страны показывает, что принципы и само территориально-административное деление России изменялись неоднократно. Так, с 1646 по 1914 год территория расширилась с 14, 1 до 21,8 млн. кв. км., т.е. в 1,55 раза, а население увеличилось с 7 млн. чел. до 178,4 млн. чел. [2]. В первый период после Ок-

тябрьской революции 1917 года стихийно образовывались советские и несоветские территориальные образования, прежде всего на Украине, на Кубани, в Закавказье и на Дальнем Востоке [3]. Однако, в 30-х годах XX века с целью совершенствования системы государственного управления была проведена реформа, в результате которой все крупные территории были разукрупнены на более мелкие. В частности, результатом стало то, что в мае 1940 года насчитывалось 63 территориальных образования, тогда как в мае 1930 года их было 34 [4]. Перемены в территориально-организационной структуре страны происходят с той или иной периодичностью (в частности, это нашло своё отражение при присоединении городов федерального значения (Севастополь и Байконур

(по соглашению от 23 декабря 1995 г. (ст.1, п.1); статус Байконура имеет особый режим, который определён до 2050 года) [5] и Республики Крым [6]. Расширены границы Москвы с присоединением к ней дополнительных территорий [7].

Вместе с тем, территориальная организация каждой страны формируется, исходя из их территориальных размеров, месторасположения, уровня социально-экономического развития (экономически развитые или развивающиеся), географических (континентальные, приморские, островные) и исторических особенностей государства (например, капиталистическое или социалистические), характерологических черт этносов, населяющих ту или иную страну (язык, жизненный уклад, обычаи и пр.) и преобладание форм их расселения (сельское или городское), особенностей и структуры общественного производства (производительные силы, кооперация и разделение труда), функций хозяйственного механизма (отношений собственности, стимулов к труду, правовых отношений и т.п.), социально-экономических производственных и организационных отношений, внешних и трансграничных угроз, способов устранения возможных внутренних противоречий и конфликтов (осознанных и неосознанных), стратегии развития страны (ключевые положения стратегии долгосрочного развития изложены, в частности, в Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ) и т.д. [8]. Отмеченные обстоятельства порождают непереносимость выбора релевантных методов государственного управления, функций хозяйственного механизма, социально-экономических производственных и организационных отношений, жизненного уклада, обычаев и пр., функций хозяйственного механизма (отношений собственности, стимулов к труду, правовых отношений и т.п.), принципов размещения производственных отраслей (приближенность к сырьевым источникам, равномерность распределения производства по всей территории, рациональное разделение труда и т.п.), эффективных критериев развития социально-производственного механизма, способов обустройства территории и хозяйственного районирования.

Те страны, которые собственную территорию оценивают адекватно и разумно относятся к территориальному потенциалу [9], развиваются гораздо эффективнее, в этих странах преобладает управление развитием территории, а не управление функционированием. В этих странах пространство организовано на стыке культурных ценностей и социальных интересов, когда девелоперы стремятся сформировать такое территориальное устройство, где жизнь населения организуется таким образом, что определяет не только организацию общественного пространства (например, парк Зарядье в Москве), но и территориальную организацию в целом.

Следует отметить, что территория с точки зрения целевых ориентиров в большинстве своём, ценится и наличием пространственных ресурсов, и, соответственно, возможностью эффективного качественного и количественного их использования [10], то есть увеличением размера территории, возможностью разнообразить хозяйственные формы [11]. При этом важнейшим условием является необходимость выработки отечественных подходов к оценке и использованию пространственного развития.

Раскрытие содержания пространственного развития требует обратиться к Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, разработанной в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172 – ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в которой определено, что «пространственное развитие» означает «изменение территориальной организации системы расселения и экономики Российской Федерации для целей устойчивого развития» [12].

В современных условиях к основным тенденциям пространственного развития можно отнести, *во-первых*, рост значения городских крупных агломераций в территориально-организационном развитии. На наш взгляд, наиболее полное определение агломерации даёт Б.Скупов, который видит агломерацию как «компактную и относительно развитую совокупность дополняющих друг друга городских и сельских поселений, группирующихся вокруг одного или нескольких мощных городов-ядер и объединённых многообразными и интенсивными связями в сложное и динамичное единство» [13]. Импульсом к развитию большинства городских агломераций и росту их значения является широкий внутренний рынок, ёмкий инновационный потенциал, достаточная предпринимательская активность, развёрнутая социальная инфраструктура доброкачественная городская среда. Сочленение названных факторов содействует более динамичному развитию наукоёмких отраслей, сферы услуг, росту производительности труда, чем на других территориях. В России сформировались около сорока городских крупных агломераций.

Во-вторых, концентрация промышленных центров в небольшом числе регионов. Крупнейшие центры концентрации экономического роста – это Московская и Санкт-Петербургская агломерации. Статистика показывает, что крупные экономические центры обеспечивают около 40% роста общего валового регионального продукта субъектов федерации» [14].

В-третьих, тенденцией становится несбалансированность пространственного развития городских агломераций, что стало результатом планирования без учёта предыдущего опыта с использованием ошибочных целей. Результат: пространственная структу-

ра носит избыточную, в том числе точечную застройку жильём пригородных территорий; отсутствует необходимый уровень качества транспортной среды и социальной инфраструктуры, например, здравоохранения или обеспечения досуга; места приложения труда располагаются в историческом центре городов, тогда как в пригородах отмечается их дефицит. В то же время усиливаются и такие отрицательные эффекты агломерирования как перенаселённость, рост расходов на транспорт, техногенных и экологических нагрузок и т.п.

В-четвёртых, ещё долго не будут преодолены ограничения развития малых и средних городов и сельских территорий, в частности, узкоспециализированная структура их экономики, недостаточный инвестиционный – основные причины оттока трудовых ресурсов.

В-пятых, катастрофическую картину представляют собой современные демографические тенденции. Большинство субъектов РФ в современной истории страны показывает естественную убыль населения, которая с 1992 года составила в целом около 13 млн. человек и ожидать прироста населения в среднесрочном периоде не приходится. Со всей уверенностью можно говорить о провале проекта «Демография» [15]. Так, в 2019 году прирост населения наблюдался в Москве (+5,1%, Магаданской области (+ 4,2 %, в Республике Карачаево-Черкессия (+2%). При этом спад на 15,8 % был в Амурской области – области, граничащей с КНР [16]. Представляется, что в ближайшей перспективе демографическая ситуация будет характеризоваться снижением рождаемости, высоким уровнем смертности, особенно мужчин в трудоспособном возрасте, старением трудовых ресурсов, что, несомненно, станет причиной роста межтерриториальных и межрегиональных различий в половозрастной структуре и численности как трудовых ресурсов, так и населения в целом.

К положительным тенденциям пространственной и территориально-организационной структуры можно отнести проводимую в производственных секторах реорганизацию, определяемую воздействием различных причин их размещения, среди которых можно выделить сдвиг комплексного освоения месторождений углеводородов в малоосвоенные восточные районы страны, где на месторождениях высока доля запасов нефти и газа. В Восточной Сибири разведанные запасы газа превышают 10 трлн. м. куб., а нефти – более 2 млрд. тонн. В среднесрочном периоде рост добычи углеводородов на Дальнем Востоке составит около 30% [17]. Развитию освоения месторождений даст толчок проект «Сила Сибири».

К позитивной тенденции относится и рост производства сельскохозяйственной продукции в центральных и южных регионах; это относится, в

частности, к Ростовской области, где производство зерновых увеличилось вдвое, в 2018 году было произведено продукции на 255 млрд. рублей [18], чему способствуют сравнительно ёмкие потребительские рынки, главным образом на юге и в центре европейской части страны.

Ускоренно развивали производство сельхозтехники предприятия сельскохозяйственного машиностроения, которые поставляли тракторы, комбайны и иную технику самой разнообразной модификации, комплектующие детали. В структуре машиностроительной продукции сельскохозяйственное машиностроение составляет около 4 %.

Так, предприятие «Росспецмаш» в 2018 г. включало около 150 предприятий. Объём отечественной сельхозтехники на внутреннем рынке в 2017 г. составил около 180 млрд. рублей [19].

Анализ показывает, что предприятия, производящие технику для сельского хозяйства, локализованы во многих российских субъектах, в то время как примерно 80 процентов продукции сельскохозяйственного машиностроения производится в Центральном, Волго-Вятском, Поволжском и Уральском федеральных округах. Это в том числе и лидер тракторного машиностроения предприятия «Ростсельмаш», и «Тракторные заводы», и «Петра» и Камский Тракторный завод, которые производят широкий ассортимент продукции [20]. Производственная активность их работы растёт, сокращается количество убыточных предприятий. Вместе с тем, удержать положительную динамику в отрасли и усилить модернизацию предприятий сельхозмашиностроения возможно путём технологического и инновационного обновления. Для этого инвестиции в инновационное развитие должны себя оправдывать, а рост затрат на производство инновационной продукции должен опережать рост объёма готовых инноваций, чему может способствовать программа субсидирования сельскохозяйственных товаропроизводителей, предусматривающая льготы для семидесяти предприятий, которые, используя их, выпустили дополнительно сельхозтехники на сумму почти 82 млрд. рублей [21]. Траекторию конкурентоспособности повысит поддержка машиностроения государством.

Учитывая, что основу научно-технического и образовательного потенциала региона формирует вузовская наука, где сконцентрирована основная часть высоко квалифицированных кадров, как ещё одну позитивную тенденцию территориально-организационной структуры можно выделить создание научного потенциала в агломерациях путём объединения научных и образовательных учреждений, которые тем самым укрепляют свой научно-технический и образовательный потенциал и таким образом реализуется инновационная составляющая.

Важно при этом отметить, что инновационная составляющая включает показатели, характеризующие не только инновационное развитие, но и в целом научно-трудовые ресурсы, в частности, число образовательных организаций высшего образования и научные организации, выпускающие дипломированных специалистов, бакалавров и магистров, численность которых в нашей стране в последний период постоянно снижается: в 2013/14 уч. году – 969, в 2014/15 уч. году – 950, в 2015/16 уч. году – 896, в 2016/17 уч. году – 818, в 2017/18 уч. году – 766, численность студентов в высших учебных заведениях, которых в соотношении на десять тысяч человек населения становится также всё меньше (в тыс. чел.): в 2013/14 уч. году – 5647, в 2014/15 уч. году – 5209, в 2015/16 уч. году – 4766, в 2016/17 уч. году – 4399, в 2017/18 уч. году – 4246. Соответственно, сократилась и численность профессорско-преподавательского состава (в тыс. чел.): в 2013/14 уч. году – 319,3, в 2014/15 уч. году – 299,7, в 2015/16 уч. году – 279,7, в 2016/17 уч. году – 261,0, в 2017/18 уч. году – 245,1 [22]. В 2017 году численность докторов и кандидатов наук, работающих в сфере инновационных исследований и разработок согласно данным, опубликованным Институтом статистиче-

ских исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, составляла 682, 5 тыс. человек, что на 7,3 % меньше по сравнению с 2009 г. и на 3,6 % по сравнению с 2016 годом [23]. Снижение численности остепенённых специалистов может привести к свёртыванию инновационной активности.

С другой стороны, уровень инновационного развития крупных городских агломераций определяется и насыщенностью промышленными предприятиями и организациями, внедряющими технологические новшества, их процентным отношением к общему числу предприятий промышленности и к объёму предлагаемых ими товаров и услуг. Поэтому важно согласовывать цели и задачи инновационной политики, создавать схемы работы, имеющие отдельное значение [24], что, прежде всего, касается деятельности различных уровней территориального управления и управленческих подходов к изменению в системах расселения.

Анализ показывает, что пространственная и территориально-организационная структура должна стать базисным элементом социально-экономических отношений, складывающихся на федеральном уровне с учётом их прагматизации в центре и на местах.

Список литературы

1. *Блесков, Д.А.* Становление хозяйственного строя России: влияние пространственных и естественно-природных факторов (вторая половина XVIII- первая половина XIX вв. // Дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2003. – С. 3.
2. *Миронов, Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XIX вв.) – Т.1. – СПб. 1999. – С.20; *Луковская, Д.И.* Территориальное устройство Российского государства: история и современность. – СПб.: Президентская б-ка, 2016.
3. См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Отдел первый. – М., 1917. – № 11, ст.163; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Отдел первый. – М., 1919. – № 3, ст.31; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Отдел первый. – М., 1920. – № 7, ст.44; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Отдел первый. – М., 1920. – № 95, ст. 514; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Отдел первый. – М., 1920. – № 96, ст. 515.
4. *Глезер, О., Поляна, П.* (ред.). Россия и её регионы в XX веке. Территория- расселение- миграция. – М.: ОГИ, 2005. – С.37.
5. www.garant.ru
6. Федеральный конституционный закон от 21.03. 2014 № 6 – ФКЗ (ред. от 25.12.2018) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // [www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_160618](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618)
7. См.: постановление Мосгордумы «Об утверждении Соглашения об изменении границы между субъектами Российской Федерации городом Москвой и Московской областью» от 6 июля 2011 года; Федеральный закон № 43-ФЗ от 5 апреля 2013 г. «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту РФ – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // СЗ РФ. 2013. № 14. Статья 1651; постановление Правительства Москвы от 12.07. 2012 г. № 327-ПП (в ред. от 24.05. 2016 г. «Об утверждении Положения о Департаменте развития новых территорий города Москвы».
8. Послание Президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию РФ (20 февраля 2019 г.) // [www.kremlin.ru/ events/president/news/59863](http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863)
9. *Никифоров, Л.В.* (отв. ред.). Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России. – М.: Институт экономики РАН, 2011. – С.9-10.
10. *Умнов, В.А.* Пространственные ресурсы, их значение и оценка // Экономика природопользования // Горный информационно-аналитический бюллетень. – С. 98-102.
11. *Блесков, Д.А.* Становление хозяйственного строя России: влияние пространственных и естественно-природных факторов (вторая половина XVIII- первая половина XIX вв. // Дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2003. – С. 17.

12. Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, разработанной в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172 – ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
13. Скупов, Б. Развитие городских агломераций – наше будущее? // www.ardexpert.ru/article/11073
14. См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2018; Россия в цифрах. – М.: Росстат, 2018; Российский статистический ежегодник. – М.: Росстат, 2018.
15. Катасонов, В. Демографическая катастрофа в России // www.tv/articles/o-demograficheskom-optimizme-i-kladbishhenskoj-statistike_188298
16. Старостина, Ю. Рождаемость пошла на убыль // www.rbk.ru / 2019/08/20
17. Конторович, А.Э. и др. Перспективы поставок природного газа из России в страны Азиатско-Тихоокеанского региона // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2008. – № 1. – С. 5-8; Титов, Д. Добыча нефти и газа на востоке России растёт опережающими темпами // Экономика и жизнь. -2017. – № 44 (9710).
18. <https://ru.rt.com/e100>
19. Состояние и перспективы развития отечественного сельскохозяйственного машиностроения // Благовещенск. – 2018.
20. www.tehnorussia.su // Новые тракторы российского производства
21. См.: постановление Правительства РФ № 1312 от 30.12.2013 г.; постановление Правительства РФ № 1432 от 27.12.2012 г.; постановление Правительства РФ № 3 от 03.01.2014 г.; См.: Стратегия развития сельскохозяйственного машиностроения России до 2030 года. – С. 10. // strategy_tll_2030.pdf
22. Суринов, А.Е. (пред. редколлегии). Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб./ Росстат – М., 2018. – С.141.
23. <https://news.rambler.ru/scitech/42904155-v-rossii-snizhaetsya-chislo-nauchnyh-kadrov/?updated>
24. Рагулина, Ю.В. и др. Отдельные направления эволюции инновационных процессов промышленности макрорегионов // Глобальный научный потенциал. – 2014. – № 9 (42). – С.70.

References

1. Bleskov, D.A. The formation of the economic system of Russia: the influence of spatial and natural factors (second half of the eighteenth and first half of the nineteenth centuries // Diss. ... Ph.D. in Economics. – М., 2003. – P. 3.
2. Mironov, B.N. The social history of Russia during the period of the empire (18th-early 19th centuries) – Vol. 1. – SPb. 1999. – P.20; Lukovskaya, D.I. The territorial structure of the Russian state: history and modernity. – SPb.: Presidential b-ka, 2016.
3. See: Collection of legalizations and orders of the workers' and peasants' government. Division one. – М., 1917. – No. 11, Article 163; A collection of legalizations and orders of the workers' and peasants' government. Division one. – М., 1919. – No. 3, Article 31; A collection of legalizations and orders of the workers' and peasants' government. Division one. – М., 1920. – No. 7, Article 44; A collection of legalizations and orders of the workers' and peasants' government. Division one. – М., 1920. – No. 95, Art. 514; A collection of legalizations and orders of the workers' and peasants' government. Division one. – М., 1920. – No. 96, Art. 515.
4. Glezer, O., Polyana, P. (eds.). Russia and its regions in the twentieth century. Territory-resettlement-migration. – М.: OGI, 2005. – P.37.
5. www.garant.ru
6. Federal constitutional law of 21.03. 2014 No. 6 – FKZ (as amended on December 25, 2018) "On the Admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and the Formation of New Subjects – the Republic of Crimea and the City of Federal Significance of Sevastopol" in the Russian Federation // www.consultant.ru / document / cons_doc_LAW_160618
7. See: Resolution of the Moscow City Duma "On approval of the Agreement on changing the border between the subjects of the Russian Federation by the city of Moscow and the Moscow region" of July 6, 2011; Federal Law No. 43-ФЗ dated April 5, 2013 "On the Peculiarities of Regulation of Certain Legal Relationships in Connection with the Accession of Territories to the Subject of the Russian Federation – the City of Federal Significance Moscow and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SZ RF. 2013. No. 14. Article 1651; Decree of the Government of Moscow of 12.07. 2012 No. 327-PP (as amended on May 24, 2016, "On Approving the Regulation on the Department for the Development of New Territories of the City of Moscow".
8. Message from President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation (February 20, 2019) // www.kremlin.ru/events/president/news/59863
9. Nikiforov, L.V. (ed.). Spatial potential in the strategy of socio-economic development of Russia. – М.: Institute of Economics, RAS, 2011. – P.9-10.
10. Umnov, V.A. Spatial resources, their significance and assessment // Environmental Economics // Mountain Information and Analytical Bulletin. – S. 98-102.
11. Bleskov, D.A. The formation of the economic system of Russia: the influence of spatial and natural factors (second half of the eighteenth and first half of the nineteenth centuries // Diss. ... candidate of economic sciences. – М., 2003. – P. 17.

12. Spatial development strategies of the Russian Federation for the period up to 2025, developed in accordance with the Federal Law of June 28, 2014 No. 172-ФЗ "On strategic planning in the Russian Federation"
13. *Skupov, B.* Development of urban agglomerations – our future? // [www.ardexpert.com / article / 11073](http://www.ardexpert.com/article/11073)
14. See: Regions of Russia. Socio-economic indicators. – М.: Federal State Statistics Service, 2018; Russia in numbers. – М.: Rosstat, 2018; Russian statistical yearbook. – М.: Rosstat, 2018.
15. *Katsonov, V.* Demographic catastrophe in Russia // www.tv/articles/o-demograficheskom-optimizme-i-kladbishhenskoj-statistike_188298
16. *Starostina, Yu.* Fertility declined // [www.rbk.ru / 2019/08/20](http://www.rbk.ru/2019/08/20)
17. *Kontorovich, A.E.* et al. Prospects for the supply of natural gas from Russia to the countries of the Asia-Pacific region // Mineral resources of Russia. Economics and Management. – 2008. – No. 1. – S. 5-8; Titov, D. Oil and gas production in eastern Russia is growing at a faster pace // Economics and Life. 2017. – No. 44 (9710).
18. <https://ru.rt.com/e100>
19. Status and development prospects of domestic agricultural engineering // Blagoveshchensk. – 2018.
20. www.tehnorussia.su // New Russian-made tractors
21. See: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1312 of December 30, 2013; Decree of the Government of the Russian Federation No. 1432 of December 27, 2012; Decree of the Government of the Russian Federation No. 3 dated January 3, 2014; See: Development Strategy for Agricultural Engineering in Russia until 2030. – S. 10. // [strategy_tll_2030.pdf](#)
22. *Surinov, A.E.* (previous editorial board). Russia in numbers. 2018: short stat. Sat / Rosstat – М., 2018. -- P.141.
23. <https://news.rambler.ru/scitech/42904155-v-rossii-snizhaetsya-chislo-nauchnyh-kadrov/?updated>
24. *Ragulina, Yu.V. et al.* Certain Directions of the Evolution of Innovation Processes in the Industry of Macroregions // Global Scientific Potential. – 2014. – No. 9 (42). – S. 70.

УДК 338.27

Лебедев Н.А.,

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт экономики
Российской академии наук,
ieras@inecon.org

Зубкова С.В.,

кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации,
svzubkova@fa.ru

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: КИБЕРУПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

Цель работы заключается в обосновании перспективных ориентиров обновления отечественной экономики на базе киберуправления в контексте формирования новой парадигмы развития.

Исследование производилось с помощью метода регрессионного анализа. Авторы находят регрессионную зависимость показателей конкурентоспособности государственного (1st pillar: Political and regulatory environment) и корпоративного (2nd pillar: Business and innovation environment) управления от показателей использования новейших информационно-коммуникационных технологий в бизнесе (7th pillar: Business usage), государстве (8th pillar: Government usage) и экономике в целом (9th pillar: Economic impacts). В качестве источника информационно-эмпирических материалов выступаем The Global Information Technology Report 2016, подготовленный World Economic Forum. В качестве объектов для проведения исследования выбраны 20 стран, входящих в топ-10 первой (1-10, развитые страны) и второй (31-40, развивающиеся страны) половины World Digital Competitiveness Ranking за 2018 г., составленного IMD (в рейтинге приняло участие 63 страны).

Показано, что возможности киберуправления на базе кибер-физических систем в контексте формирования новой модели развития достаточно широки. Перспективными направлениями автоматизированного государственного управления являются технологическое обновление, мониторинг и контроль, статистический учёт, выявление правонарушений, информационно-консультационная поддержка и оказание государственных услуг. Перспективными направлениями автоматизированного корпоративного управления выступает изменение парадигмы функционирования бюджетных, налоговых и в целом финансовых инструментов, управление производством, управление персоналом и маркетинговое управление для усиления институциональных возможностей и стимулирования экономического роста. Разработанная структурно-логическая схема киберуправления на базе киберфизических систем продемонстрировала, что кибер-физические системы микро- и макроуровня могут быть созданы на базе сквозных (активно разрабатываемых в настоящее время) цифровых технологий индустрии 4.0: Интернета вещей, искусственного интеллекта и повсеместных вычислений. Благодаря этому могут быть обеспечены ожидаемые преимущества и соблюдены заявленные принципы новой модели развития: прозрачность, доступность и полный охват государственного управления, а также эффективность, гибкость и интеграция корпоративного управления.

Ключевые слова: киберфизические системы, киберуправление, киберэкономика, технологии, новая модель развития, Интернет вещей, повсеместные вычисления, искусственный интеллект, автоматизация

Lebedev N.,

doctor of Economics, Professor, leading researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Zubkova S.,

candidate of economic Sciences, associate Professor, Financial University under the government
of the Russian Federation

PROSPECTIVE GUIDELINES FOR THE RENEWAL OF THE RUSSIAN ECONOMY: CYBER GOVERNANCE IN THE CONTEXT OF A NEW DEVELOPMENT PARADIGM

The aim of the work is to substantiate the perspective guidelines for the renewal of the domestic economy on the basis of cyber management in the context of the formation of a new paradigm of development.

The study was carried out using the regression analysis method. The authors find a regression dependence of indicators of competitiveness of state (1st pillar: Political and regulatory environment) and corporate (2nd pillar: Business and innovation environment) management on indicators of use of the latest information and communication technologies in business (7th pillar: Business usage), the state (8th pillar: Government usage) and the economy as a whole (9th pillar: Economic impacts). The Global Information Technology Report 2016, prepared by the World Economic Forum, serves as a source of information and empirical materials. 20 countries included in the top 10 of the first (1-10, developed countries) and second (31-40, developing countries) half of the world Digital Competitiveness Ranking for 2018, compiled by IMD (63 countries participated in the ranking), were selected as objects for the study.

It is shown that the possibilities of cyber-management on the basis of cyber-physical systems in the context of the formation of a new model of development are quite wide. Promising areas of automated public administration are technological updating, monitoring and control, statistical accounting, detection of offenses, information and consulting support and provision of public services. Promising areas of automated corporate governance are changing the paradigm of the functioning of budget, tax and financial instruments in General, production management, personnel management and marketing management to strengthen institutional opportunities and stimulate economic growth.

The developed structural and logical scheme of cyber-management on the basis of cyber-physical systems demonstrated that cyber-physical systems of micro-and macro-level can be created on the basis of end-to-end (actively developed at present) digital technologies of industry 4.0: the Internet of things, artificial intelligence and ubiquitous computing. This can provide the expected benefits and comply with the stated principles of the new development model: transparency, accessibility and full coverage of public administration, as well as efficiency, flexibility and integration of corporate governance.

Keywords: cyber-physical systems, cyber-management, cyber-Economics, technologies, new model of development, Internet of things, ubiquitous computing, artificial intelligence, automation

1. Введение

В современной мирохозяйственной системе продолжается формирование новой модели развития социально-экономических систем, соответствующей принципам устойчивости обеспечивающим интегрирование экономических акторов в период экономической модернизации, то есть драйверов экономического роста как в аспекте стабильности экономического роста, так и в аспекте повышенного внимания к вопросам защиты окружающей среды, а также социальной справедливости и общественного благополучия. Новая модель развития социально-экономических систем ставит новые приоритеты перед субъектами управления данными системами.

Приоритетами государственного управления являются, во-первых, прозрачность государственного регулирования экономики. Решения в области государственного управления социально-экономическими системами должны опираться на общепринятую логику и отвечать интересам большинства заинтересованных лиц, а также иметь полномасштабную информационную поддержку и приниматься на условиях высокой степени их вовлечения. Во-вторых, массовая доступность государственных услуг. Это предполагает минимальные финансовые и временные издержки на их получение, а также удобство для всех заинтересованных лиц. В-третьих, полный охват

хозяйствующих субъектов государственным управлением. Для этого необходимо систематическое взаимодействие хозяйствующих субъектов с государственными регуляторами.

Приоритетами корпоративного управления являются, во-первых, высокая эффективность предпринимательской деятельности в целом и отдельных бизнес-процессов, в частности. Это предполагает оптимизацию использования ресурсов. Во-вторых, высокая гибкость и адаптивность к динамично изменяющейся глобальной рыночной среде. Современные предпринимательские структуры должны быть максимально открытыми и способными быстро трансформироваться по мере необходимости. В-третьих, высокая интеграция бизнес-процессов и бизнес-систем. Внутренние и внешние коммуникации современных предпринимательских структур должны осуществляться непрерывно.

Между тем, несмотря на всеобщее признание необходимости перехода к новой модели развития социально-экономических систем, серьёзным барьером на пути её практической реализации является «человеческий фактор» (источник нерационального поведения хозяйствующих субъектов в ущерб собственной и общественной выгоде), обуславливающий сохранение значительной доли теневого сектора экономики, который не только не поддаётся управлению, но также снижает управляемость системами

в целом (из-за риска увеличения масштаба теневого сектора экономики, из-за перераспределения налоговой в другой нагрузки на официальных хозяйствующих субъектов и др.).

Поэтому актуальной задачей становится ограничение влияния «человеческого фактора» на процесс управления современными социально-экономическими системами. В данном исследовании выдвигается рабочая гипотеза о том, что решить поставленную проблему позволит переход к киберэкономике, открывающий возможность более широкой автоматизации (и, следовательно, рационализации) управления современными социально-экономическими системами. Цель данной работы заключается в обосновании перспектив киберуправления на базе киберфизических систем в контексте формирования новой модели (парадигмы) развития.

2. Источники и методы

Сущность и механизмы функционирования кибер-физических систем изучены в исследованиях и публикациях, среди которых труды Delicato et al. (2019), Leng et al. (2019), Li et al. (2019), Nikolakis et al. (2019), Skowroński, (2019) [1]. На основании их контент-анализа кибер-физические системы определены в данной работе как совокупность интегрированных физических объектов (технических устройств) или биологических объектов (к примеру, растений, людей или животных) с электронными базами данных под управлением искусственного интеллекта на базе средств электронной коммуникации, наиболее распространенным из которых является Интернет вещей.

Возможности практического применения кибер-физических систем в условиях индустрии 4.0

обсуждаются в таких источниках, как Bogoviz, (2019), Popkova (2019), Popkova et al. (2019), Popkova and Sergi (2019) [2].

В то же время целостное научное представление об устройстве киберуправления на базе киберфизических систем в контексте формирования новой модели развития в настоящее время отсутствует. Его формирование обуславливает необходимость проведения дальнейших исследований.

Проверка рабочей гипотезы в данной работе производится с помощью метода регрессионного анализа [3]. Авторы находят регрессионную зависимость показателей конкурентоспособности государственного (1st pillar: Political and regulatory environment) и корпоративного (2nd pillar: Business and innovation environment) управления от показателей использования новейших информационно-коммуникационных технологий в бизнесе (7th pillar: Business usage), государстве (8th pillar: Government usage) и экономике в целом (9th pillar: Economic impacts). В качестве источника информационно-эмпирических материалов выступает The Global Information Technology Report 2016, подготовленный World Economic Forum [4].

В качестве объектов для проведения исследования выбраны 20 стран, входящих в топ-10 первой (1-10, развитые страны) и второй (31-40, развивающиеся страны) половины World Digital Competitiveness Ranking за 2018 г., составленного IMD (в рейтинге приняло участие 63 страны) [5]. Это обеспечивает репрезентативность выборки (охват и развитых, и развивающихся стран из разных регионов мира). Исходные данные для проведения анализа приведены в табл. 1, а его результаты – в табл. 2,3.

Таблица 1.

Показатели использования информационно-коммуникационных технологий и глобальной конкурентоспособности управления в выборке развитых и развивающихся стран с наибольшей цифровой конкурентоспособностью в 2018 г.

Категория	Страна	1st pillar: Political and regulatory environment	2nd pillar: Business and innovation environment	7th pillar: Business usage	8th pillar: Government usage	9th pillar: Economic impacts
		y_1	y_2	x_1	x_2	x_3
Digital competitiveness ranks 1-10	США	5,2	5,5	5,9	5,4	5,8
	Сингапур	5,9	6,0	5,4	6,3	5,9
	Швеция	5,5	5,2	6,0	5,0	6,1
	Дания	5,3	5,3	5,7	4,7	5,1
	Швейцария	3,2	3,4	3,2	2,7	2,3
	Норвегия	5,7	5,4	5,5	5,2	5,4
	Финляндия	5,8	5,4	5,8	5,0	6,1
	Канада	5,4	5,5	4,9	5,1	5,2
	Нидерланды	5,6	5,4	5,8	5,4	5,8
	Великобритания	5,7	5,5	5,2	5,4	5,3

Digital competitiveness ranks 31–40	Испания	4,0	4,8	3,9	4,7	4,0
	Португалия	4,4	5,1	4,2	4,8	4,1
	Чехия	4,3	4,6	4,3	3,4	4,1
	Словения	3,8	4,9	4,3	3,6	4,1
	Латвия	4,2	5,0	4,1	4,3	4,0
	Польша	3,9	4,6	3,6	3,6	3,6
	Чили	4,3	5,2	3,9	4,6	3,5
	Казахстан	4,0	4,5	3,6	4,8	3,8
	Таиланд	3,7	4,6	3,9	3,8	3,2
	Россия	3,6	4,5	3,6	4,4	3,7

Источник: составлено на основе материалов IMD (2019).

Таблица 2.

Регрессионная зависимость конкурентоспособности государственного управления от использования информационно-коммуникационных технологий

<i>Регрессионная статистика</i>	
Множественный R	0,9578
R-квадрат	0,9173
Нормированный R-квадрат	0,9018
Стандартная ошибка	0,2759
Наблюдения	20

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	3	13,5193	4,5064	59,1878	7,00396E-09
Остаток	16	1,2182	0,0761		
Итого	19	14,7375			

	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>	<i>Нижние 95%</i>	<i>Верхние 95%</i>
Y-пересечение	0,3510	0,4872	0,7204	0,4817	-0,6819	1,3838
x ₁	0,4239	0,2495	1,6992	0,0109	-0,1050	0,9528
x ₂	0,2728	0,1385	1,9698	0,0066	-0,0208	0,5663
x ₃	0,2414	0,2559	0,9432	0,0360	-0,3011	0,7839

Источник: рассчитано и составлено авторами

На основе данных табл. 2 авторы составили модель множественной линейной регрессии: $y_1 = 0,35 + 0,42 \cdot x_1 + 0,28 \cdot x_2 + 0,24 \cdot x_3$. Согласно данной модели конкурентоспособность государственного управления при росте использования информационно-коммуникационных технологий в бизнесе на 1 балл возрастает на 0,42 балла, при росте использования информационно-коммуникационных технологий в государстве – возрастает на 0,28 баллов и при росте использования информационно-коммуникационных

технологий в экономике – на 0,24 балла. Значимость F и все p-значения не превышают 0,05, следовательно, регрессионные зависимости верны на уровне значимости $\alpha = 0,05$. Множественный R=0,9578, следовательно, изменение зависимой переменной на 95,78% объясняется изменением независимых переменных.

На основе данных табл. 3 авторами работы составлена модель множественной линейной регрессии: $y_1 = 2,27 + 0,10 \cdot x_1 + 0,38 \cdot x_2 + 0,11 \cdot x_3$. Согласно данной модели конкурентоспособность корпоратив-

**Регрессионная зависимость конкурентоспособности корпоративного управления
от использования информационно-коммуникационных технологий**

<i>Регрессионная статистика</i>	
Множественный R	0,9093
R-квадрат	0,8268
Нормированный R-квадрат	0,7944
Стандартная ошибка	0,2547
Наблюдения	20

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	3	4,9544	1,6515	25,4647	2,48333E-06
Остаток	16	1,0376	0,0649		
Итого	19	5,9920			

	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>	<i>Нижние 95%</i>	<i>Верхние 95%</i>
Y-пересечение	2,2668	0,4496	5,0412	0,0001	1,3135	3,2200
x ₁	0,1051	0,2302	0,4563	0,0065	-0,3830	0,5932
x ₂	0,3832	0,1278	2,9981	0,0085	0,1122	0,6541
x ₃	0,1096	0,2362	0,4640	0,0065	-0,3911	0,6103

Источник: рассчитано и составлено авторами

ного управления при росте использования информационно-коммуникационных технологий в бизнесе на 1 балл возрастает на 0,10 балла, при росте использования информационно-коммуникационных технологий в государстве – возрастает на 0,38 баллов и при росте использования информационно-коммуникационных технологий в экономике – на 0,11 балла. Значимость F и все p-значения не превышают 0,05, следовательно, регрессионные зависимости верны на уровне значимости $\alpha=0,05$. Множественный $R=0,9093$, следовательно, изменение зависимой переменной на 90,93% объясняется изменением независимых переменных.

3. Результаты

Выявленное устойчивое выраженное положительное влияние использования новейших информационно-коммуникационных технологий на конкурентоспособность управления в экономике послужило основанием для разработки в данном исследовании структурно-логической схемы киберуправления на базе кибер-физических систем (рис. 1).

Рис. 1 показывает, что корпоративное управление в условиях киберэкономики (на микроуровне социально-экономической системы) может быть практически полностью автоматизировано. Всё производственное оборудование может быть подключено к Интернету вещей, что обеспечит автоматизированное управление производством, позволяющее оптимизировать расход ресурсов и выявлять поломки оборудования. Работники смогут быть оснащены повсеместными вычислениями, что обеспечит интеллектуальную поддержку управления персоналом, позволяющую выявлять признаки снижения работоспособности (к примеру, усталость, ухудшение состояния здоровья). Это может быть особенно востребовано при командной работе и на вредных и опасных производствах.

Маркетинговое управление коммуникациями и отношениями с потребителями, поставщиками, контрагентами и конкурентами также может быть автоматизировано на базе повсеместных вычислений и Интернета вещей. Хозяйственный учёт может быть автоматизирован на базе искусственного интеллекта.

Рис 1. Структурно-логическая схема киберуправления на базе киберфизических систем (составлено авторами)

та. Государственное управление (на макроуровне социально-экономической системы) также может быть в значительной степени автоматизировано. Искусственный интеллект, Интернет вещей и повсеместные вычисления позволяют формировать киберфизические системы национального масштаба и осуществлять автоматизированный государственный мониторинг и контроль экономики, статистический учёт, выявление правонарушений, оказывать информационно-консультационную поддержку и государственные услуги.

4. Выводы

Таким образом, рабочая гипотеза получила подтверждение в ходе проведения исследования, и обосновано, что возможности киберуправления на базе киберфизических систем в контексте формирования новой модели развития достаточно широки. Перспективными направлениями автоматизированного государственного управления являются мони-

торинг и контроль, статистический учёт, выявление правонарушений, информационно-консультационная поддержка и оказание государственных услуг и т.п. Перспективными направлениями автоматизированного корпоративного управления выступают хозяйственный учёт и отчётность, управление производством, управление персоналом и маркетинговое управление.

Киберфизические системы микро- и макроуровня могут быть созданы на базе сквозных (активно разрабатываемых в настоящее время) цифровых технологий индустрии 4.0: Интернета вещей, искусственного интеллекта и повсеместных вычислений, что продемонстрировала разработанная структурно-логическая схема киберуправления на базе киберфизических систем. Благодаря этому могут быть обеспечены ожидаемые преимущества и соблюдены заявленные принципы новой модели развития: прозрачность, доступность и полный охват государственного управления, а также эффективность, гибкость и интеграция корпоративного управления.

Список литературы

1. Деликато, Ф.С., Чжоу, Х., Ван, К. И.-К., Гуо, С. (2019). Специальный выпуск: достижения и тенденции в области когнитивных киберфизических систем. 2019. С. 1-4; Ленг, Ж. Чжан, Х., Ян Д., (...), Чен, Х. Чжан, Д. Цифровая двух-канальная производственная киберфизическая система для параллельного управления интеллектуальным цехом. Журнал окружающего интеллекта и гуманизированных вычислений, 10 (3). 2019. С. 1155-1166; Сковронский, Р. Открытые блокчейн-вспомогательные мультиагентные симбиотические киберфизические системы. Компьютерные системы будущего поколения, 94. 2019. С. 430-443.
2. Боговиз, А.В. Индустрия 4.0 как новый вектор роста и развития экономики знаний. Исследования в области систем, принятия решений и управления, 169. М., 2019. С. 85-91; Попкова, Е.Г. Предпосылки становления и развития Индустрии 4.0 в условиях экономики знаний. Исследования в области систем, принятия решений и управления, 169. 2019. С. 65-72; Попкова, Е. Г. и Серги, Б.С. Повлияет ли Индустрия 4.0 и другие инновации на развитие России? Исследование будущего российской экономики и рынков 34-42, Emerald Publishing. 2019; Попкова, Е.Г., Рагулина, Ю.В., Боговиз, А.В. Принципиальные отличия перехода к Индустрии 4.0 от предыдущих промышленных революций. Исследования в области систем, принятия решений и управления, 169. 2019. С. 21-29.
3. Кольцов, С.Н. Регрессионный анализ // www.docplauyer.ru/29963508-Regressionnyy-analiz-kolcov-s-n.html
4. Мировой экономический форум. Доклад о глобальных информационных технологиях за 2016 год. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-information-technology-report-2016> (дата обращения: 15.03.2019).
5. ИМД. Мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности 2018. URL: https://www1.imd.org/globalassets/wcc/docs/imd_world_digital_competitiveness_ranking_2018.pdf?MRK_CMPG_SOURCE=wcc – (дата обращения: 15.03.2019).

References

1. Delicato, F. S., Zhou, H., Wang, K. I.-K., Guo, S. (2019). Special issue: advances and trends in cognitive cyberphysical systems. 2019. Pp. 1-4; LEng, J. Zhang, H., Yang D., (...), Chen, H. Zhang, D. Digital two-channel production cyberphysical system for parallel control of intelligent shop floor. Journal of ambient intelligence and humanized computing, 10 (3). 2019. Pp. 1155-1166; Skovronsky, R. Open blockchain-auxiliary multi-agent symbiotic cyberphysical systems. Computer systems of the future generation, 94. 2019. Pp. 430-443.
2. Bogovic, A.V. industry 4.0 as a new vector of growth and development of the knowledge economy. Research in systems, decision-making and management, 169. M., 2019. Pp. 85-91; Popkova, E.G. Prerequisites for the formation and development of Industry 4.0 in the knowledge economy. Research in systems, decision-making and management, 169. 2019. Pp. 65-72; Popkova, E.G. and Sergi, B.S. will industry 4.0 and other innovations Affect the development of Russia? A study of the future of the Russian economy and markets 34-42, Emerald Publishing. 2019; Popkova, E.G., Ragulina, Y.V., Bogoviz, A.V. The fundamental differences between the transition to Industry 4.0 and the previous industrial revolutions. Research in systems, decision-making and management, 169. 2019. Pp. 21-29.
3. Koltsov, S.N. Regression analysis // www.docplauyer.ru/29963508-Regressionnyy-analiz-kolcov-s-n.html
4. World Economic Forum. The Global Information Technology Report 2016. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-information-technology-report-2016> (data accessed: 15.03.2019).
5. IMD. World Digital Competitiveness Ranking 2018. URL: https://www1.imd.org/globalassets/wcc/docs/imd_world_digital_competitiveness_ranking_2018.pdf?MRK_CMPG_SOURCE=wcc - (data accessed: 15.03.2019).

УДК 338.27

Лебедев Н.А.,

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт экономики
Российской академии наук,
ieras@inecon.org

Макущенко Л.В.,

доктор экономических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет,
lv_mak2000@mail.ru

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ КАК ВЕКТОР СТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В статье анализируется специфика развития потенциала городских агломераций в аспекте структурной модернизации экономики. Кратко проанализирована отечественная и зарубежная практика разработки знания, необходимого для успешного осмысления категории «агломерация» как объекта планирования градостроительного проектирования и расселения.

Выделены сущность, идеи и качественная специфика одно- и двухуровневых моделей агломераций для выбора вариативности управления ими, повышения роли агломерационных процессов в городах и прилегающих территориях. Обозначен ряд проблем развития потенциала агломераций. Отмечена необходимость учёта закономерностей их развития при принятии и осуществлении решений, касающихся города и села, системного подхода к развитию городских агломераций. Выявлено определённое несоответствие между развитием регионов и транспортной инфраструктуры в крупнейших городских агломерациях, в частности, отставание темпов роста транспортной и энергетической инфраструктуры от темпов развития самих агломераций. Недостаточно отработаны схемы управления как в целом агломерациями, так и городами-метрополиями, выступающими центрами агломераций.

Сделан вывод, что сдерживание развития агломераций может быть преодолено развитием законодательства, совершенствованием форм территориального планирования, приданием городским территориальным структурам муниципально-правового статуса для отработки новых мероприятий по практическому управлению городскими агломерациями как экономической модели структурной модернизации территории, что будет способствовать реализации модели экономического роста, заложенного в территории.

Ключевые слова: агломерации, расселение населения, пространственный потенциал, пространственная организация, урбанизированные территории, территориальные интеграционные связи, экономический рост, инфраструктура, пригороды, поселенческо – расселенческая сеть

Lebedev N.,

doctor of Economics, Professor, leading researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Makushchenko L.,

doctor of Economics, Professor of Surgut state pedagogical University

DEVELOPMENT OF URBAN AGGLOMERATIONS AS A VECTOR OF STRUCTURAL MODERNIZATION OF THE ECONOMY

The article analyzes the specifics of the development of the potential of urban agglomerations in the aspect of structural modernization of the economy. Domestic and foreign practice of knowledge development necessary for successful comprehension of the category “agglomeration” as object of planning of town-planning design and settlement is briefly analyzed.

The essence, ideas and qualitative specificity of one – and two-level models of agglomerations for a choice of variability of management of them, increase of a role of agglomeration processes in the cities and adjacent territories are allocated.

A number of problems of agglomerations potential development are outlined. The necessity of taking into account the regularities of their development in the adoption and implementation of decisions relating to the city and village, a systematic approach to the development of urban agglomerations. A certain discrepancy between the development of regions and transport infrastructure in the largest urban agglomerations has been revealed, in particular, the lagging growth rates of

transport and energy infrastructure from the development rates of the agglomerations themselves. The schemes of management of agglomerations as a whole and Metropolitan cities acting as centers of agglomerations are insufficiently worked out. It is concluded that the containment of the development of agglomerations may be overcome by the development of legislation, improvement of the forms of territorial planning, giving the city territorial structures of municipal and legal status for developing new measures for the practical management of urban agglomerations as economic models of structural modernization of the territory that will contribute to the economic growth model, embedded in the territory.

Keywords: agglomerations, population settlement, spatial potential, spatial organization, urbanized territories, territorial integration relations, economic growth, infrastructure, suburbs, settlement and settlement network

Городские агломерации представляют собой компактные скопления населённых пунктов, местами объединённых с сельскими подсистемами (что, по сути, разрушило сельскую поселенческую сеть), урбанизированные в многокомпонентные территории с интенсивными разносторонними связями [1], что свидетельствует о положении города и села как наиболее сложных и широких общественных структур, показывает необходимость учёта закономерностей их развития при принятии и осуществлении решений, касающихся города и села [2].

Ядром первых агломераций, формировавшихся в Европе с XVII века, стали Лондон и Париж, что по большей части определило специфику создания современных социально-пространственных агломераций, которых, например, в Канаде более 150-ти, в США около четырёхсот [3].

Применительно к расселению населения сущность категории «агломерация» была определена шотландским профессором П. Геддесу, который в 1903 г. предложил термин «конурбация» в виде новой формы централизации населения, и термин «конгломерация» в смысле «конурбации агломераций» как сближение городов, тяготеющих к самостоятельному развитию и обособлению [4]. С другой стороны, в тот же период получил распространение и подход Альфреда Вебера, в основе которого лежали идеи, связывающие усиление агломерационных тенденций с минимизацией издержек в процессе размещения промышленности и рабочей силы [5].

В отечественной практике разработка обновлённого знания, необходимого для успешного осмысления «агломерации» как объекта градостроительного проектирования и расселения продолжилась в 1918 г. профессором Б. В. Сакулиным, который предложил «Схему организации Москвы и прилегающего к ней района», где обосновал необходимость формирования городской крупной агломерации (хотя и без использования этого термина) с многочисленными пригородами, которые бы тремя кольцами опоясывали Москву и экономически влияли на столицу [6]. Новаторство этой концепции получило своё развитие у инженера С. С. Шестакова в градостроительном плане «Большая Москва». По этому проекту Москва

разделялась на пять зон по сложившейся радиально-кольцевой структуре, ограничиваясь Окружной железной дорогой [7], что стало своеобразной точкой отсчёта в территориальном планировании и координации деятельности предприятий и домохозяйств.

Нельзя не видеть, что задача стремительной урбанизации решалась в течение последних ста лет. Сравнивая данные переписи населения на начало и конец XX века, можно наглядно убедиться в соотношении сельского и городского населения: так, если в 1910 г. постоянное городское население европейской части России составляло 11,5% [8], то в 2018 г. – 74 % [9].

Самый распространённый европейский пример агломерации – конгломерат городов Эссен-Дюссельдорф в Рурском бассейне Германии (население 6,6 млн. чел., площадь 2655 кв. км., плотность населения 2500 чел./кв.км.), прошедшем в своём развитии радикальную послевоенную трансформацию, где практически подготовлен переход к шестому технологическому укладу, что позволит ещё шире использовать технологические инновации в промышленности, придать большую роль университетам в системе образования, всесторонне развивать культуру и туризм.

С точки зрения современных экологических требований, в Германии максимизированы утилизация отходов и использование возобновляемых энергетических источников, создан региональный экологический кластер, отсутствует экологически неблагоприятная среда, сформирована новая пространственная организация с благоприятной средой жизнедеятельности [10]. Самая же значительная *азиатская* агломерация сформирована в Японии – в агломерации Токио – Иокогама проживает 38,5 млн. жителей, а в Осаке-Кобе-Киото – более 17 млн. чел. [11].

Очевидно, что в России самыми крупными являются Московская (население 16,55 млн. чел., площадь 5698 кв. км., плотность населения 2900 чел./кв.км.) и Петербургская (население 5,4 млн. чел., площадь 1347 кв. км., плотность населения 4000 чел./кв.км.) агломерации, тогда как третьей можно выделить Самаро-Тольяттинскую [12].

Современные городские агломерации имеют определённые критерии. Это, прежде всего, транспортная доступность, свободное передвижение впу-

три неё разными видами транспорта. Однако, нельзя не видеть, что увеличение плотности населения обостряет транспортные проблемы, и в Москве это серьёзно ощущается. Во-вторых, суточные миграции – ежедневные поездки из пригородных районов на работу, учёбу, за покупками и т. д.

Можно выделить два вида агломераций – моноцентричные и полицентричные. Первые имеют одно ядро – крупный город, который поглощает более мелкие населенные пункты. Моноцентричной считается например, московская агломерация. Что же касается полицентрических агломераций, или конурбаций, то они включают несколько центров, связанных между собой. Среди современных агломераций около ста достаточно развиты, население каждой из них более четырёх миллионов человек [13].

Насколько тот или иной урбанизированный ареал можно отнести к агломерации, необходимо использовать определенные критерии, прежде всего плотность сплошной застройки, область искусственного освещения, который оставляет световой отпечаток, видимый с самолётов, плотность населения, ежедневные трудовые миграции из пригородных районов, общая логистика, единая инфраструктура и т.п.

Агломерации нередко превращают жилые районы в кварталы деловой активности, что в определённой степени объясняет высокая стоимость земли под жилой застройкой. Из-за высокого спроса на землю, постройки, которые считаются не относящимися, к примеру, к объектам культурного наследия, модернизируются под служебные помещения или вовсе навсегда утрачиваются. Принципиально, что многоэтажная массовая застройка характеризуется отдалённостью «спальных» районов, наличием производственного и промышленного зонирования. Этот квадрант имеет, большей частью, высокий социальный характер (поликлиники, школы, крупные торговые структуры и т. д.) и с учётом размеров агломераций они развиваются.

Обсуждение вопроса создания и развития городских агломераций как экономической модели структурной модернизации территории в последний период стало часто дискутироваться. По данной теме издаётся специальная литература, проводятся научно-практические конференции, проходят заседания региональных органов власти. После того, как Министерство регионального развития РФ определило городские агломерации частью долгосрочной стратегии, вопрос их развития как экономической модели структурной модернизации территорий стал широко обсуждаемым, активизировалась формирование проектов пространственного развития имеющихся агломераций и создания новых.

Очевидно, что процессы создания и развития отечественных городских агломераций не являются исключительными, хотя и реализуются они исходя из

российских особенностей. Но как показывает анализ, нельзя пренебрегать и имеющимся зарубежным опытом. В известном смысле, с точки зрения важности включения в сферу анализа отработки российских версий организации управления городскими агломерациями определённый интерес представляют ранее реализованные зарубежные модели управления крупными городскими агломерациями.

Для раскрытия возможностей управления российскими городскими агломерациями теоретические построения опираются на различные классификации моделей управления мегаполисами. В последнее время получило распространение обобщение типологии, в основе которой лежат различные формы (модели) управления агломерациями.

Обращают на себя внимание централизованная и децентрализованная формы управления агломерациями, когда решения принимаются соответственно либо единолично, либо коллегиально. В свою очередь, представляется возможным выделить одно- и двухуровневые модели [14].

1. Сущность *модели муниципального образования*, охватывающего общую территорию агломерации в том, что город с прилегающей к нему территорией обладает модальностью муниципального образования, в то время как состоящие в агломерации населенные пункты рассматриваются как внутренние административные единицы, не имеющие собственной правосубъектности. Не подлежит сомнению, что вариативность управления по уровню централизации может различаться, поэтому необходимо использовать механизмы, уравнивающие недостаток непосредственного участия населения в решении вопросов жизнедеятельности, что будет способствовать реализации потенциала, заложенного в территории.

2. Исходная предпосылка *договорной агломерации* в том, что согласованность действий позволяет управленческим институтам использовать механизмы согласования интересов. Как и в предыдущей модели, внутренние административные единицы не создают единой правосубъектности, один из основных признаков которой состоит в субъективном юридическом праве, поэтому договорная агломерация не может выступать стороной в отношениях с внешними субъектами.

3. Идея *модели совместной администрации* позволяет институтам агломерации функционировать в форме общей администрации города-ядра и его поселений. При этом органы управления комплектуются делегированием представителей агломерации из муниципалитетов, а бюджет формируется из средств местных бюджетов.

Считается, что эта модель управления агломерацией должна быть широко распространена, что обеспечит широкую возможность предоставления муниципальных услуг [15].

4. Качественная специфика модели региональной агломерации состоит в осуществлении управления региональными органами власти; принципиально то, что модель реализуется, когда агломерация превалирует в регионе.

5. Государственно-муниципальная модель управления агломерацией находит применение в городах федерального значения согласно их неоспоримому политическому, экономическому и стратегическому статусу (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь и Байконур (по международному соглашению от 23 декабря 1995 г. (ст.1, п.1) его статус соответствует городу федерального значения с особым режимом до 2050 года) [16].

Вместе с тем, ретроспективный обзор экономической литературы показывает, что повышение роли агломерационных процессов в городах и усиления их самостоятельности можно объяснить использованием земли как фактора производства, что делает обязательным связь производства с обширной территорией, которая выступает как объект производства [17].

Понимание этого обстоятельства подтверждает, что агломерационные процессы не могут быть ограничены городским периметром, но в значительной степени включают прилегающие территории. Касательно городов федерального значения это находит выражение в развитии разного рода форм взаимодействия с их пригородной зоной. На данном этапе развития взаимосвязей произошло, в частности, расширение границ и присоединение к Москве дополнительных территорий [18] чтобы раскрыть их потенциал. При этом, по мнению ряда исследователей, характер присоединения не отождествлялся с участием населения, игнорировал демократическое обсуждение решения вопросов, касающихся его интересов, на новых территориях недостаточно учитывались гарантии муниципальных образований и местного самоуправления [19].

Со своей стороны, субъекты местного самоуправления в отличие от городов федерального значения агломерирование развивают на основе их конституционно-правового статуса именно как муниципальных образований. В частности, Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (ст. 11, ч. 1) закреплён статус и основные признаки муниципальных образований. Но общего законодательного подхода к определению населенного пункта как и правового статуса агломераций не сформировано. Это несоответствие предлагается преодолеть введением понятия городской агломерации, что предусмотрено Концепцией Федерального закона, где обозначен набор инструментов, который, по мнению идеологов данных целевых ориентиров, будет способствовать дальнейшему развитию город-

ских агломераций и изменению сложившейся системы городского управления [20].

Однако, несмотря многочисленные законодательные инициативы [21], на практике слабо проявляется системный подход к развитию городских агломераций. Несоответствие между развитием регионов и транспортной инфраструктуры в крупнейших городских агломерациях состоит, в частности, в гистерезисе темпов роста транспортной и энергетической инфраструктуры от темпов развития самих агломераций, в непродвинутости системы современных высокоскоростных видов транспорта и т.п. [22]. Не в полной мере отработаны схемы управления как в целом агломерациями, так и городами-метрополиями, выступающими центрами агломераций.

Сдерживание развития агломераций может быть преодолено развитием законодательства, совершенствованием форм территориального планирования, глубокой регламентацией непосредственно соответствующих определений, приданием городским территориальным структурам муниципально-правового статуса. Можно допустить ряд процессов агломерирования:

первый вариант: расширение территорий городских поселений через слияние с ближайшими поселениями, т.е. по сути, воплощение унитарной модели управления агломерацией;

второй вариант: сохранение территориальных границ города и агломерированных муниципальных образований, т.е. утверждение договорной модели управления агломерацией;

третий вариант: управление агломерацией государственными властными структурами.

Анализ вариантов процессов агломерирования показывает, что первый из них потребует расширения муниципального образования, что повлечёт за собой утрату их статуса, приведёт к невозможности обеспечения широкого участия населения в решении вопросов агломерации, возникновению угрозы утраты небольшими поселениями их сходности. Снижаются гарантии местного самоуправления, ликвидирован его базовый уровень.

В этом смысле показательно объединение районных поселений в городские округа, рост их числа, особенно в Московской области. Речь идёт о преобразованиях, против которых выступает «Гражданский форум местного самоуправления», руководители которого обращают внимание на то, что Законом о местном самоуправлении не предусмотрены процедуры объединения муниципальных образований, объединения районных поселений в городские округа, не допускается создание в городских округах внутригородских муниципальных образований. Сторонники же данного процесса видят необходимость дальнейшей реализации реформы, прежде всего, в экономике

финансовых ресурсов [23]. С учётом того, что онлайн голосование показывает абсолютную непопулярность образования городских округов, а официальные СМИ предпочитают не обсуждать проблему, по существу, объективно оценить обоснованность проводимых укрупнений, затруднительно, хотя уже сегодня превалирует мнение, что «ничего хорошего от этой затеи населению ожидать не стоит» [24].

Сложившаяся ситуация показывает, что территориальные преобразования требуют совершенствования, сегодня они ограничивают учёт мнения жителей и т.д. И решить проблему предлагали ещё десять лет назад путём «расширения перечня видов и разновидностей муниципальных образований», в частности, введения принципиально нового типа городского округа – агломерированного городского округа, включающего бы самостоятельные внутригородские муниципальные образования, введения «единых муниципальных районов, автономных и внутригородских поселений, внутригородских территорий городских округов» [25].

Второй вариант сохранения территориальных границ города и агломерированных муниципальных образований, с нашей точки зрения, имеет крайне условный потенциал, в то время как третий вариант – управление агломерацией государственными властными структурами, скорее всего, позволит в границах городской агломерации получить для раз-

вития определенный толчок, несмотря на то, что непосредственно агломерация будет рассматриваться в виде административно-территориальной единицы, или в виде территории, имеющей по закону особый статус. Важно подчеркнуть, что управление подобной территорией населением, сформировавшим органы власти, осуществляться не будет.

Как показывает анализ, нельзя однозначно утверждать, какую пользу принесёт слияние городов в агломерации. С одной стороны, процесс этот выгоден с экономической точки зрения, например, в том, что предприятия объединяются не только функционально, но и территориально, формируется соответствующая инфраструктура, объединяются административные ресурсы и т.п.

С другой стороны, как и всяким большим образованием, агломерацией крайне трудно управлять, ряд важных вопросов, которые могли бы решаться на местах, уходят в «центр».

Впрочем, нельзя отрицать, что в этом процессе наблюдаются как достоинства, так и недостатки, и необходимо использовать механизмы преодоления недостатков в решении вопросов жизнедеятельности агломераций, зарубежный опыт, в частности, сокращать, а то и запретить неуправляемую миграцию, что будет способствовать не только реализации экономического роста, но, прежде всего, равномерному развитию страны.

Список литературы

1. Сборник материалов по проблемам развития городских агломераций в странах СНГ. – М., Минрегионразвития РФ. – 2011. – С.2; Азрилиян, А.Н. (ред.). Большой экономический словарь. Изд. 3-е. – М.: Институт новой экономики, 1998. – С.9.
2. *Никифоров, Л.В.* Социально-экономическая интеграция города и села (содержание, цели, пути, условия). – М.: Наука, 1988. – С.3.; *Лаппо Г.М.* Городские агломерации России / Г.М. Лаппо и др. // Демоскоп Weekly. – Электрон. журн. – 2010. – № 407- 408. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php>.
3. Развитие городских агломераций: аналитический обзор. – Выпуск 2. – М.: Минэкономразвития, 2011. – С.11.
4. *Лаппо, Г.М.* Городские агломерации СССР-России: особенности динамики в XX веке. Российское экспертное обозрение. – СПб. – 2007. – № 4-5. – С. 6-9.
5. *Вебер, А.* Теория размещения промышленности. Л.,-М., 1926. С. 5.; *Кукина, И.В.* Тенденции развития агломераций. Зарубежный опыт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014.
6. <http://arx.novosibdom.ru/node/2381>
7. *Шестаков, С.С.* Большая Москва. – М.: Издание М.К.Х., 1925.
8. *Миронов, Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX вв.). – Т.1. СПб., 1999. – С.315.
9. [wiki2.org/ru/ Население_России](http://wiki2.org/ru/Население_России)
10. *Лаппо, Г.М., Любовный, В.Я.* Городские агломерации в СССР и за рубежом. М.: Знание, 1977; *Любовный, В.Я.* Рурская агломерация: проблемы, пути и методы развития // Проблемы регулирования развития городов и городских агломераций в условиях реструктуризации угольной промышленности (зарубежный и отечественный опыт): монография. М., 2015.
11. Источник: Demografia.World Urban Areas15th Annual Edition:2019-04
12. *Любовный, В.Я.* Самаро-Тольятинская агломерация: история формирования и перспективы развития. – М.: Экон-Информ, 2011.
13. См.: список самых населённых городских агломераций.
14. *Зотов, В.Б.* Организация управления в крупнейших городах: современное состояние и проблемы. – Изд.2-е. – М., 2010; *Максимова, А.И.* Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования. – М., 2009; *Стародубровская, И.* и др. Челябинская агломерация: потенциал развития. – Челябинск, 2008. – С. 34-58.

15. www.riocenter.ru/programs/doc/3928.
16. www.garant.ru
17. *Никифоров, Л.В.* Социально-экономическая интеграция города и села (содержание, цели, пути, условия). – М.: Наука, 1988. – С.12-13.
18. См.: постановление Мосгордумы «Об утверждении Соглашения об изменении границы между субъектами Российской Федерации городом Москвой и Московской областью» от 6 июля 2011 года; Федеральный закон № 43-ФЗ от 5 апреля 2013 г. «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту РФ – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // СЗ РФ. 2013. № 14. Статья 1651; постановление Правительства Москвы от 12.07.2012 г. № 327-ПП (в ред. от 24.05.2016 г. «Об утверждении Положения о Департаменте развития новых территорий города Москвы»).
19. См., например: *Забелина, М.В. и др.* Правовой аспект развития агломераций на примере «Большой Москвы» (в «локомотивах» экономического развития важно не забывать о «пассажирах») // – Адвокат. 2012. – № 11. – С. 10-19.
20. Концепция Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях развития городских агломераций» / <http://docplayer.ru/44145777>
21. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1662-р. Разд. VII, п. 2, // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489; Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Минэкономразвития России. М.: Минэкономразвития России. 2013 // marco@economy.gov.ru; Приказ Минрегиона России от 18 марта 2014 г. № 74 «О внесении изменений в приложения к Приказу Министерства регионального развития Российской Федерации от 30 сентября 2013 г. № 415 «О Межведомственной рабочей группе по социально-экономическому развитию городских агломераций»; Приказ Минрегиона РФ от 18 марта 2014 г. № 75 «О мерах по реализации отбора пилотных проектов по апробации и совершенствованию механизмов управления развитием городских агломераций в РФ» (URL: <http://www.minregion.ru/1179?locale=ru>).
22. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Минэкономразвития России. – М.: Минэкономразвития России. 2013. – С.287-288 // marco@economy.gov.ru
23. Российская газета. Столичный выпуск. № 26 (7192).
24. *Могильников, А.* Городской округ – очередная афера против населения // Независимый интернет портал Одинцово. Инфо. 6 ноября 2018 г.
25. *Максимов, А.Н.* Территориальная организация местного самоуправления в России: проблемы совершенствования правового регулирования. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 3-12.

References

1. Collection of materials on the development of urban agglomerations in the CIS countries. – М., Ministry of regional development of the Russian Federation. – 2011. – P. 2; Asilian, A. N. (ed.). Large economic dictionary. Ed. 3-E.-M.: Institute of new Economics, 1998. – P. 9.
2. *Nikiforov, L. V.* Socio-economic integration of the city and the village (content, goals, ways, conditions). – Moscow: Nauka, 1988. – P. 3.; Lappo G. M. Urban agglomerations of Russia / G. M. Lappo et al. // Demoscope Weekly. – Electron. journal. – 2010. No. 407 – 408. [Electronic resource.] – Mode of access: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php>.
3. Development of urban agglomerations: an analytical review. – Issue 2. – Moscow: Ministry Of Economic Development, 2011. – P. 11.
4. *Lappo, G.M.* Urban agglomerations of the USSR-Russia: features of dynamics in the XX century. Russian expert review. – SPb. – 2007. – №. 4 -5. P. 6-9.
5. *Weber, A.* Theory of industrial placement. L., – М., 1926. С. 5.; *Kukina, I.V.* tendencies of development of agglomerations. Foreign experience. – Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2014.
6. <http://arx.novosibdom.ru/node/2381>
7. *Shestakov, S.S.* Greater Moscow. – М.: Edition M. K. H., 1925.
8. *Mironov, B.N.* Social history of Russia during the Empire period (XVIII-early XX centuries). – Т. 1. SPb., 1999. – P. 315.
9. wiki2.org/ru/Население_России
10. *Lappo, G.M., Lyubovny, V.Ya.* Urban agglomerations in the USSR and abroad. М.: Znanie, 1977; *Lyubovny, V. Ya.* Ruhr agglomeration: problems, ways and methods of development / / Problems of regulation of development of cities and urban agglomerations in the conditions of restructuring of the coal industry (foreign and domestic experience): monograph. М., 2015.
11. Source: Demografia.World Urban Areas15th Annual Edition: 2019-04
12. *Lyubovny, V.Ya.* Samara-Togliatti agglomeration: history of formation and prospects of development. – Moscow: Ekon-Inform, 2011.
13. See: list of the most populated urban agglomerations.

14. *Zotov, V.B.* organization of management in the largest cities: current state and problems. Ed.2-E.-M., 2010; *Maksimova, A. I.* Local self-government in Russia: state, problems, ways of improvement. – M., 2009; *Starodubrovskaya, I.* and others. Chelyabinsk agglomeration: development potential. – Chelyabinsk, 2008. P. 34-58.
15. www.riocenter.ru/programs/doc/3928.
16. www.garant.ru
17. *Nikiforov, L.V.* Socio-economic integration of the city and the village (content, goals, ways, conditions). – Moscow: Nauka, 1988. – P. 12-13.
18. See: resolution of the Moscow city Duma «on approval of the Agreement on changing the border between the subjects of the Russian Federation the city of Moscow and the Moscow region» of July 6, 2011; Federal law No. 43-FZ of April 5, 2013 «on the peculiarities of regulation of certain legal relations in connection with the accession to the subject of the Russian 2013. No. 14. Article 1651; resolution Of the government of Moscow of 12.07. 2012 No. 327-PP (in the edition of 24.05. Two thousand sixteen «About the statement of Regulations on Department of development of new territories of the city of Moscow».
19. See, for example: *Zabelina, M. V.* et al. Legal aspect of agglomerations development on the example of «Big Moscow» (in «locomotives» of economic development it is important not to forget about «passengers») // – Lawyer. 2012. – No. 11. – P. 10-19.
20. The concept of the Federal law «on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation for the development of urban agglomerations» / <http://docplayer.ru/44145777>
21. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020, UTV. Order of the government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-R. Section. VII, p. 2, // Sz RF. 2008. No. 47. Article 5489; Forecast of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period up to 2030. Ministry Of Economic Development Of Russia. Moscow: Ministry Of Economic Development Of Russia. 2013 // marco@economy.gov.ru; Order of Ministry of regional development of Russia from March 18, 2014 No. 74 «On amendments to Order of Ministry of regional development of the Russian Federation from 30 September 2013 No. 415 «on the Interdepartmental working group on socio-economic development of urban agglomerations»; Order of the Ministry of regional development of the Russian Federation dated March 18, 2014 No. 75 «on measures to implement the selection of pilot projects to test and improve the management mechanisms of urban agglomerations in the Russian Federation»(URL: <http://www.minregion.ru/1179?locale=ru>).
22. Forecast of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period up to 2030. Ministry of Economic Development of Russia. – Moscow: Ministry of Economic Development of Russia. 2013. – P. 287-288 // marco@economy.gov.ru
23. Russian newspaper. Capital issue. №. 26 (7192).
24. *Mogilnikov, A.* Urban district-another Scam against the population // Independent Internet portal Odintsovo. Info. November 6, 2018
25. *Maksimov, A.N.* Territorial organization of local self-government in Russia: problems of improving legal regulation. Abstract. Diss. ... cand. the faculty of law. sciences'. – M., 2010. – P. 3-12.

УДК 332.1

Миндлин Ю.Б.,

кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени им. К.И. Скрябина,
mindliny@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАСТЕРНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена проблеме формирования кластерной системы в сфере российского образования. Цель статьи – рассмотреть проблему модернизации системы образования в России с точки зрения кластерного подхода к управлению экономической интеграцией по отраслевой специализации. В обосновании теоретических положений и выводов исследования использованы общенаучные и специальные методические подходы: системный подход, методы экспертного и логического анализа. При решении отдельных задач были использованы контент-анализ отечественной и зарубежной историографии по исследуемой проблематике, а также статистические методы анализа данных. Информационно-эмпирическая база представлена статистическими данными Европейской кластерной обсерватории, материалами Министерства труда и социальной защиты РФ. Неоднозначное отношение к проблеме создания экономических кластеров, существующих сегодня в научных кругах России, требует глубокого изучения научных подходов к этому экономическому явлению в зарубежных странах в рамках новой концепции конкурентоспособности, рассматривающей возможность создания качественно новых интегрированных структур в сфере образования, направленных на реализацию инновационно-инвестиционной составляющей экономической политики и практическую интеграцию системы образования в кластерные программы. Несмотря на то, что кластерная политика проводится в отношении ведущих отраслей российской экономики достаточно давно, в сфере образования процессы кластеризации практически не выявлены. Автор исследования приходит к выводу о том, что именно кластерный подход к экономическому управлению сферой образования позволяет повысить уровень конкурентоспособности российских учебных заведений, а также способствует формированию на их базе новых кластеров экономического развития.

Ключевые слова: модернизация системы образования, кластерный подход, кластеризация системы образования в РФ, экономика управления

Mindlin Yu.,

PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

FORMATION OF A CLUSTER EDUCATION SYSTEM IN RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article is devoted to the problem of the formation of a cluster system in the field of Russian education. The purpose of the article is to consider the problem of modernizing the education system in Russia from the point of view of a cluster approach to managing economic integration by industry specialization. In substantiating the theoretical principles and conclusions of the study, general scientific and special methodological approaches were used: a systematic approach, methods of expert and logical analysis. The author used the content analysis of domestic and foreign historiography on the studied issues as well as statistical data analysis methods. The empirical information base is represented by statistical data from the European Cluster Observatory and materials from the Ministry of Labor of the Russian Federation. The ambiguous attitude to the problem of creating economic clusters that exist today in Russian scientific community requires a deep study of scientific approaches to this economic phenomenon in foreign countries within the framework of a new concept of competitiveness, considering the possibility of creating qualitatively new integrated structures in the field of education aimed at implementing an innovative investment component economic policy and the practical integration of the education system in cluster programs. Despite the fact that cluster policy has been carried out with respect to the leading sectors of the Russian economy for a long time, in the sphere of education, the clustering processes have not been practically identified. The author of the study concludes that

it is the cluster approach to the economic management of the education sector that makes it possible to increase the level of competitiveness of Russian educational institutions, and also helps to form new clusters of economic development on their basis.

Keywords: modernization of the education system, cluster approach, clustering of the education system in the Russian Federation, management economics

Кластерный подход к управлению экономическим развитием имеет долгую историю, восходящую к «промышленному району» Альфреда Маршалла [17] и «конкурентному преимуществу» Майкла Портера [18]. Несмотря на множество синонимичных понятий, таких, как региональные системы инноваций, инновационные среды, регионы обучения и полюсы роста, многие аналитики в своих работах применяют термин «кластер» [1, с.167]. Влияние и популярность концепции кластера также отражается в ее частом появлении в практической политике экономического управления во всем мире, в частности, в Америке, Европе [15], Азии [14], Австралии [14] и др. Фактически, экономическая деятельность и производство сильно сконцентрированы в географическом пространстве [10, с.104], что подтверждается эмпирическими данными [14]. Концепция кластера также получает свою репутацию благодаря нескольким известным примерам: Силиконовая долина (США), Эмилия-Романья (Италия), Баден-Вюртемберг (Германия), Цукуба Сайенс Сити (Япония) и Чжунгуаньцунь (Китай) [11, с.3].

Несмотря на то, что определение кластера весьма различно [1, с.168], основные характеристики концепции кластера можно синтезировать следующим образом: кластеры представляют собой не только пространственные концентрации, но и локализованные сети специализированных организаций, агентов, создающих знания (университеты, исследовательские и учебные центры), организации-посредники (брокеры, консультанты, финансовые организации и банки) и государственные учреждения [14].

Отношения между организациями, будь то сотрудничество/конкуренция или общность/взаимодополняемость, способствуют их взаимосвязи и взаимозависимости, между которыми осуществляется обмен товарами, услугами и знаниями [5, с. 5]. Географически близко расположенные фирмы принадлежат к одним и тем же смежным отраслям [16, с.37] или имеют общие базовые технологии и продукты [10, с. 125]. Взаимодействие между организациями формируется культурами и политическими рамками конкретного региона, который является, по сути, институциональным контекстом процесса кластеризации [15]. Конкурентные преимущества кластеров формируются и усиливаются за счет региональных условий, которые привлекают рост промышленности и трудовые ресурсы [15].

Следует отметить, что в основном массиве научной литературы термины «кластер» и «инновационный кластер» взаимозаменяемы, поскольку развитие кластеров часто воспринимается как важный способ стимулирования инноваций [14].

Некоторые зарубежные исследователи считают, что инновационные кластеры объединяют только инновационные отрасли. В частности, А. Хамдуш [17, с. 37] в своем исследовании отмечает, что инновационные кластеры часто находятся в высокотехнологичных секторах, таких, как биотехнология, ИТЦ, нанотехнологии, новые материалы, космическая и оборонная промышленность.

Инновационный кластер стал одной из наиболее известных стратегических концепций среди политиков, специалистов по планированию, ученых и предпринимателей, занимающихся вопросами городского экономического развития, градостроительства и содействия инновациям. При этом исследователи подчеркивают, что государственные и частные действия во всем мире (обычно в рамках государственно-частного партнерства), способствующие развитию кластеров, должны быть оправданы постоянным совершенствованием знаний о динамике развития кластеров [15].

Учитывая влияние кластерного подхода на возникновение новых форм экономических отношений в сфере образования Российской Федерации, следует отметить, что преимущество кластерного подхода заключается в том, что он позволяет значительному числу образовательных организаций (в некоторых случаях это бизнес-структуры или учебные заведения, которые получают выгоду от профессиональной деятельности), объединиться в реальный экономический тренд, что придает важное значение социальным и региональным аспектам развития образовательных учреждений. Такой подход к экономическому управлению системой образования стимулирует региональное развитие, повышение занятости, рост конкурентоспособности региона, а также позитивно влияет на пополнение региональных и местных бюджетов [5, с.5].

Дифференциация и индивидуализация профессионального образования являются предпосылкой интеграционных процессов, одним из которых становится формирование и развитие образовательных кластеров [11, с.7]. По мнению отечественных исследователей, в ближайшее время основную роль в

обеспечении устойчивой конкурентоспособности национальной экономики сыграет именно кластерная политика [5, с.308-309]. В целом формирование и развитие региональных кластеров оценивается как важное конкурентное преимущество в современной экономике, обеспечивающее значительную синергию как основу регионализма в глобальной экономике [4, с.118].

В соответствии с выводами М. Портера о конкурентных преимуществах [19, с.184], кластеры отражают тенденцию к интеграции и социализации экономики. Те регионы, которые формируются и действуют в кластерах, становятся лидерами экономического развития. В свою очередь, конкурентоспособность участников кластера оказывает благотворное влияние на деятельность и статус конкурентоспособности лидирующей в нем структуры [11, с.2]. Результатом такого взаимодействия является формирование кластера, то есть сообщества фирм и организаций, тесно связанных между собой отраслевой принадлежностью, которые взаимно способствуют росту конкурентоспособности друг друга. При этом сложно отрицать, что именно отрасль знаний – образование, – является необходимым условием кластеризации любой отрасли. Без достаточных разработок в НИОКР, без высококвалифицированных кадров, то есть без «человеческого капитала», развитие любой отрасли не может быть эффективным. Образование как отрасль знаний в процессе кластеризации может играть роль катализатора интеграции именно на основе предоставления кадрового потенциала для развития отрасли при том условии, что образование направлено на формирование не только теоретических, но и практических навыков.

Возможности участия образовательных учреждений в кластерной политике показаны на рисунке 1.

Анализируя предложенную модель, мы можем сказать, что наиболее эффективная, ориентированная на инновации тенденция кластеризации в области образования рассматривается как слияние систем общего образования, науки и промышленности (ассоциации, компании, предприятия) через формирование кластеров, несомненные преимущества которых включают в себя:

1. Сокращение несоответствия, возникающего между рынком труда и рынком образовательных услуг, путем установления партнерских отношений в системе «образование-наука-производство».
2. Формирование системы непрерывного цикла «образование-наука-производство», который является непрерывным процессом, обеспечивает устойчивое взаимодействие элементов, что позволяет кластеру быстро ориентироваться в динамичном пространстве рыночных отношений.
3. Образовательные кластеры эффективно используют внутренние ресурсы, кадровый, научный и информационный потенциал, финансы, инфраструктуру для развития связи между знанием и производством.
4. Присоединение к кластеру по любым признакам формирует не стихийную концентрацию различных научных, технологических и образовательных инноваций, а определенную систему распространения новых знаний, производственных и образовательных технологий.
5. Кластеризация формирует многоуровневую систему образования, позволяющую углублять и расширять знания для будущих специалистов в сфере их профессиональной деятельности (организации, ком-

Рис. 1. Модель кластерной системы образования в РФ (составлено по данным Министерства труда РФ [10])

пании, предприятия). Участие в кластере также позволяет образовательным учреждениям применять для своих инновационных методов обучения характеристики того конкретного производства (организации и предприятия), которое позволит повысить ответственность выпускников требованиям производства.

6. Благодаря интеграции содержания обучения с практической составляющей возможна более эффективная реализация принципа преемственности в целях, методах, формах и средствах обучения, сокращение времени на подготовку новых кадров.

7. Обучаемые как субъекты процесса, ориентируясь в пространстве системы «образование-наука-производство», могут выбирать возможности для расширения своих знаний и карьерного роста, что в конечном итоге приведет к повышению производительности труда в конкретной отрасли.

8. Формирование механизмов стимулирования работодателей (отраслей, организаций, компаний, предприятий) к сотрудничеству и инвестициям в образовательные учреждения и науку.

Таким образом, механизм управления кластером как встроенный процесс инновационно-технологического развития предприятий создает условия для предсказуемости и управляемости параметров инновационности продукта и его успешного продвижения на рынок с учетом различных факторов. Процесс синхронизации регулируется механизмом запуска инновационных решений в заданном цикле при переходе задач проекта в систему документооборота деятельности организации. Без знаний невозможно развитие ни одной из отраслей, поэтому кластеризация системы образования должна стать приоритетной задачей государственной поддержки как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Наличие на рынке труда собственных национальных высококвалифицированных специалистов и замещение ими существующих и вновь создаваемых рабочих мест приводит к значительному сокращению периода разработки инноваций [5, с.5]. Такое сокращение времени обеспечивается следующими этапами синхронизации:

– Синхронизация перехода от этапа к этапу генерации адаптационного проекта осуществляется методами параллельной реализации научно-технических программ, создания телекоммуникационных сетей для объединения в сеть компаний-разработчиков в виде научных парков и технологий. Проведенные совместные НИОКР создают инновационную инфраструктуру, в том числе международную интеграцию, вертикально интегрированные кластеры. Такая интеграция позволяет решить проблему создания условий для функционирования международных инновационных кластеров как элемента в механизме инновационного предпринимательства.

– Синхронизация управленческих решений при переходе от этапа адаптации к этапу коммерциализации проектов реализуется методами так называемого «бережливого производства» и предоставления потребителю инновационной стоимости продукта с учетом таргетирования продуктов, сред, услуг на всех этапах жизненного цикла продукта.

– Синхронизация при переходе от фазы к фазе коммерциализации проекта осуществляется посредством реинжиниринга, постоянного улучшения, ориентации, рыночного спроса на инновационные, высокотехнологичные продукты, создания каналов связи производителей и потребителей, постоянного мониторинга технических параметров и характеристик инновационности продукции/услуг.

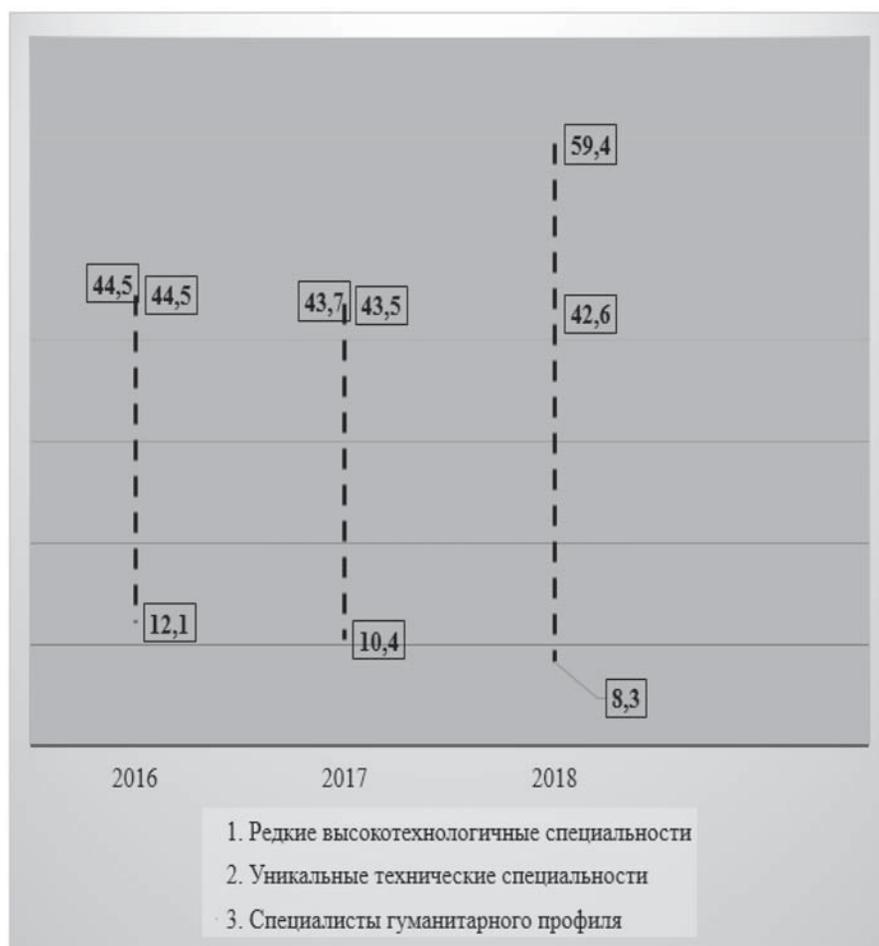
В то же время конструктивное управление потенциальным кластером требует активного вмешательства властей, заинтересованных в повышении эффективности экономики территории, кластерная консолидация которой возникает вокруг образовательных учреждений [10, с. 104].

Несмотря на целый ряд преимуществ кластерного подхода к модернизации системы образования, существует целый ряд проблем синхронизации образования и производства. По данным Министерства труда и социальной защиты населения РФ, 60% выпускников образовательных учреждений работают не по специальности [6, 7].

Проблема дисбаланса между образованием и потребностями рынка труда связана, на наш взгляд, с тем, что нарастание темпов устаревания информации предполагает полный пересмотр парадигмы простой передачи знаний: обучение должно сопровождать человека на протяжении всей жизни. При этом на уровне практики обучения, например, студентов бакалавриата и магистратуры в российских вузах применяется только один проектный метод, который напрямую связан с интегративной моделью обучения. Остальные методы интегративной модели в российских вузах не применяются из-за несоответствия академическим учебным планам [7].

В учебных планах большинства российских университетов магистерские программы ориентированы преимущественно на научно-исследовательскую и научно-педагогическую деятельность, на развитие таких качеств личности и профессиональных компетенций, которые позволят не только адаптироваться в изменившихся условиях, но и активно включиться в процесс устойчивого развития государства.

Тем не менее, эффективность данных программ до сих пор низкая, поскольку их реализация происходит с помощью классических объяснительных методов обучения. О низкой эффективности такого подхода свидетельствует рейтинг российских специалистов за рубежом [13].

Рис. 2. Рейтинг российских специалистов за рубежом

При таком достаточно выборочном рейтинге и конкурентоспособности за рубежом, внутри страны процессы кластеризации в области образования идут крайне медленно (как показывает статистика индекса кластеризации по отраслям) (рис. 3).

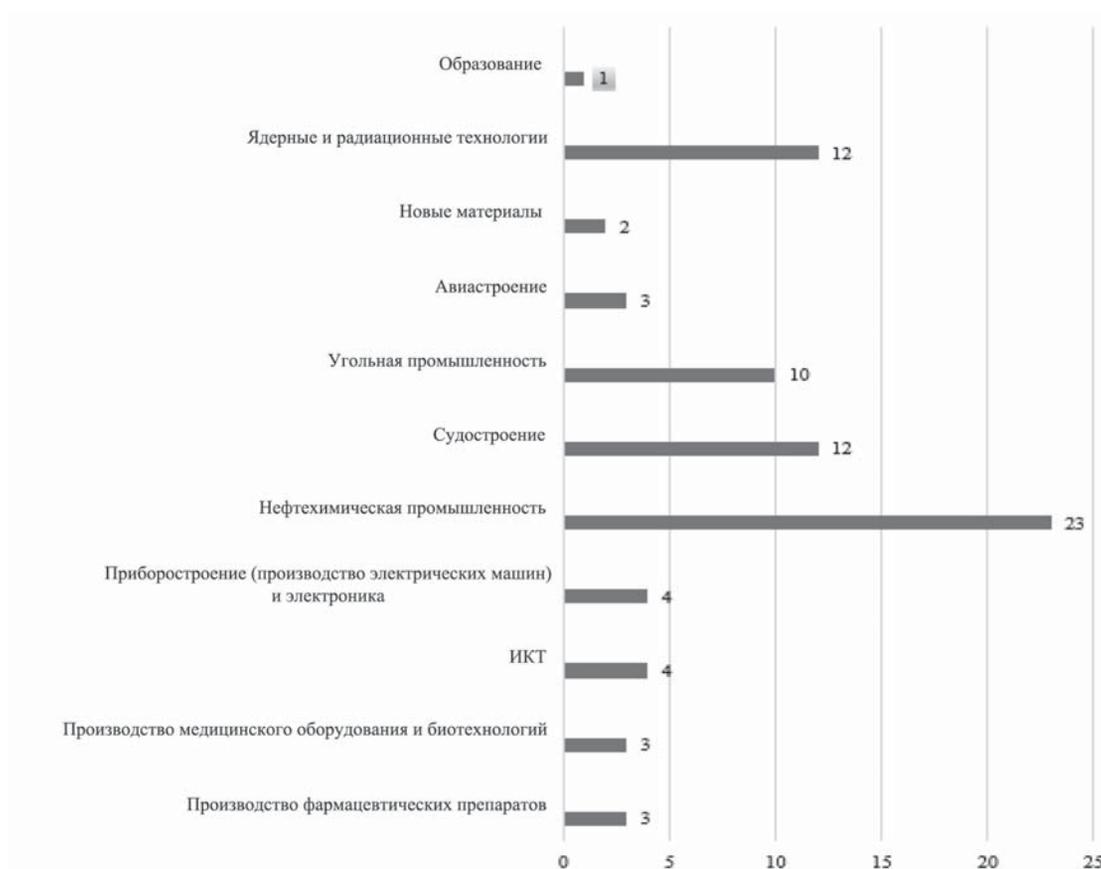
Как показал анализ статистических данных, в российской экономике самый низкий индекс кластеризации имеет именно сфера образования. Такое положение дел вызвано, на наш взгляд, следующими проблемами: несогласованностью учебных планов с реальными потребностями рынка труда, отсутствием постоянного совместного мониторинга степени востребованности тех или иных специалистов на рынке труда между учебными заведениями, работодателями и профильными министерствами; недостаточной заинтересованностью инвесторов в венчурном финансировании по причине отсутствия должного уровня государственных гарантий и страхования рисков, а также спецификой кадровой политики большинства работодателей в РФ. Кластер означает в первую очередь сотрудничество между всеми заинтересованными участниками, а не конфронтацию или конкуренцию внутри кластера. В таких условиях реализация рассмотренной выше модели кластеризации сферы образования представляется труднодостижимой. Тем

не менее, модель имеет перспективы в случае выполнения следующих условий:

1. Создание кластеров в системе образования Российской Федерации должно включать в себя ряд исследований на региональном уровне, которые в первую очередь касаются определения конкурентных преимуществ региона в той или иной сфере производства при дальнейшем включении в кластер ведущих образовательных учреждений региона.

2. В качестве критериев эффективности кластерного управления в системе образования Российской Федерации целесообразно использовать рейтинги финансового состояния образовательных учреждений, инвестиций, корпоративного развития, развития инфраструктуры, развития качества человеческих ресурсов и доступности ресурсов (наличие одной или двух ключевых организаций в кластере).

3. Использование типологии территорий и предприятий должно стать фактором информационно-методического обеспечения процесса анализа эффективности формирования кластеров в системе образования Российской Федерации, а также должно позволить выделить области, требующие приоритетной финансовой государственной и частной поддержки; определить ситуацию в резервных районах

Рис. 3. Индекс кластеризации российской экономики по отраслевой специализации (составлено по данным «Карты кластеров России» [3])

и областях, где развитие конкретной отрасли нецелесообразно; определить приоритеты конкретных компаний, сформулировать четкую государственную политику, непосредственно связанную с развитием сектора и общим социально-экономическим развитием региона, транслировать опыт развития отрасли из одной области в другую с аналогичными условиями.

На основе всего изложенного можно сделать следующий вывод: кластерный подход к модернизации системы образования в Российской Федерации создает условия для предсказуемости и управляемости параметров инновационности продукта (услуги) и их успешного продвижения на рынок. Однако при

существующем разрыве между теоретической подготовкой российских специалистов и практическими потребностями рынка труда эффективное участие образовательных учреждений в кластерных программах невозможно. Конструктивное управление потенциальными кластерными системами образования Российской Федерации требует активного вмешательства органов власти, заинтересованных в повышении эффективности экономики территории, связи между руководством образовательных учреждений и работодателями, а также совместного мониторинга потребностей рынка труда, который должен осуществляться участниками кластерных программ.

Список литературы

1. Ерохин М.А. Место кластерной теории среди современных подходов к региональному развитию. Мир экономики и управления. – 2011. – Т. 11. – № 4. – С. 165-172.
2. Зайков К.А. Статистический анализ процессов кластеризации экономики // Вестник НГУЭУ. – 2016. – № 1. – С. 307-315.
3. Карта кластеров России. URL: <http://clusters.monocore.ru/list>
4. Кластерные политики и кластерные инициативы: теория, методология, практика: колл. монография / под ред. Ю.С. Артамоновой, Б.Б. Хрусталева. – Пенза: ИП. С.Ю. Тугушев, 2013. – 488 с.
5. Регионы примеряют кластеры // Территориальные кластеры: дайджест новостей. ВШЭ, Институт статистических исследований и экономики знаний, Российская кластерная обсерватория. – 2018. – №2. – С. 4-6.
6. РИА Новости. Почти 60% россиян работают не по специальности – Росстат. URL: <https://ria.ru/20120813/722231749.html>

7. РИА Новости. Роструд узнал, сколько россиян работают по специальности. URL: <https://ria.ru/20170607/1495988368.html>
8. СПАРК. База данных. Интерфакс. Международная информационная группа. URL: <http://www.spark-interfax.ru/>
9. Центральная база статистических данных. [Электронный ресурс] URL: <http://cbsd.gks.ru>
10. Третьякова Л.А., Целютина Т.В., Авилова Ж.Н., Астахов Ю.В., Минаева Л.А., Проняева Л.И., Шаврина Ю.О. HR-менеджмент в условиях геополитической турбулентности: инновационные способы формирования и поиск новых возможностей развития. – Белгород: «ЭПИЦЕНТР», 2016. – 184 с.
11. Ферару Г.С., Киселев Д.Н. Обоснование необходимости формирования отечественной модели и проблемы кластерного развития территорий РФ // Иннов: электронный научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 2-8.
12. ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России. Анализ положения выпускников с высшим и средним профессиональным образованием на рынке труда России URL: http://spravochnik.rosmintrud.ru/storage/app/media/Analiz%20polojeniya%20vepucknikov_VNII%20tpuda.pdf
13. Best Countries report by US News & World Report. (2018). Y&R's BAV Consulting, and the Wharton School of the University of Pennsylvania. URL: <https://news.wharton.upenn.edu/press-releases/2018/01/2018-best-countries-report-names-switzerland-number-1-world/>
14. ECIE 2017. 12th European Conference on Innovation and Entrepreneurship. URL: <http://toc.proceedings.com/36878webtoc.pdf>
15. European Observatory for Clusters and Industrial Change. Cluster programmes in Europe and beyond. URL: <https://www.clustercollaboration.eu/eu-initiatives/european-cluster-observatory>
16. Hamdouch, A. Innovation clusters and networks: A critical review of the recent literature. In Proceedings of the 19th European Association for Evolutionary Political Economy Conference, Porto, Portugal, 1–3 November. 2007.- С. 34-38.
17. Marshall, A. Principles of Political Economy. Maxmillan: London. 2002. – 328 p.
18. Porter, M.E. The Competitive Advantage of Nations. Free Press. New York. 2001. – 210 p.

References

1. Erokhin M.A. The place of cluster theory among modern approaches to regional development. The world of economics and management. – 2011. – Т. 11. – No. 4. – S. 165172.
2. Zaykov K.A. Statistical analysis of economic clustering processes // Bulletin of NSUU. – 2016. – No. 1. – S. 307-315.
3. Map of Russian clusters. URL: <http://clusters.monocore.ru/list>
4. Cluster policies and cluster initiatives: theory, methodology, practice: coll. monograph / ed. Yu.S. Artamonova, B. B. Khrustaleva. – Penza: IP. S.Yu. Tugushev, 2013. – 488 p.
5. Regions try on clusters // Territorial clusters: news digest. HSE, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, Russian Cluster Observatory. – 2018. – No. 2. – S. 4-6.
6. RIA News. Almost 60% of Russians do not work in their specialty – Rosstat. URL: <https://ria.ru/20120813/722231749.html>
7. RIA News. Rostrud found out how many Russians work in their specialty. URL: <https://ria.ru/20170607/1495988368.html>
8. SPARK. Database. Interfax International Information Group. URL: <http://www.spark-interfax.ru/>
9. Central database of statistics. [Electronic resource] URL: <http://cbsd.gks.ru>
10. Tretyakova L.A., Tselyutina T.V., Avilova Zh.N., Astakhov Yu.V., Minaeva L.A., Pronyaeva L.I., Shavrina Yu.O. HR management in the conditions of geopolitical turbulence: innovative methods of formation and the search for new development opportunities. – Belgorod: "HUB", 2016. – 184 p.
11. Feraru G.S., Kiselev D.N. Justification of the need for the formation of a domestic model and the problems of cluster development of the RF territories // Innov: electronic scientific journal. – 2017. – No. 3. – S. 2-8.
12. FSBI "Research Institute of Labor" of the Ministry of Labor of Russia. Analysis of the situation of graduates with higher and secondary professional education in the Russian labor market URL: http://spravochnik.rosmintrud.ru/storage/app/media/Analiz%20polojeniya%20vepucknikov_VNII%20tpuda.pdf
13. Best Countries report by US News & World Report. (2018). Y & R's BAV Consulting, and the Wharton School of the University of Pennsylvania. URL: <https://news.wharton.upenn.edu/press-releases/2018/01/2018-best-countries-report-names-switzerland-number-1-world/>
14. ECIE 2017. 12th European Conference on Innovation and Entrepreneurship. URL: <http://toc.proceedings.com/36878webtoc.pdf>
15. European Observatory for Clusters and Industrial Change. Cluster programs in Europe and beyond. URL: <https://www.clustercollaboration.eu/eu-initiatives/european-cluster-observatory>
16. Hamdouch, A. Innovation clusters and networks: A critical review of the recent literature. In Proceedings of the 19th European Association for Evolutionary Political Economy Conference, Porto, Portugal, 1-3 November. 2007.- С. 34-38.
17. Marshall, A. Principles of Political Economy. Maxmillan: London. 2002. – 328 p.
18. Porter, M.E. The Competitive Advantage of Nations. Free Press. New York 2001. – 210 p.

УДК 332.1

Третьякова Л.А.,

доктор экономических наук, профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг»,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
lora_tretyakova@mail.ru

Лисова Е.В.,

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Экономики, менеджмента и маркетинга»,
Финансовый университет при Правительстве РФ (Липецкий филиал),
lisoaekaterina78@gmail.com

ТЕОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО СТЕЙКХОЛДЕРАМИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА

Данная статья посвящена анализу социально-экономического развития региона в контексте взаимодействия со стейкхолдерами. Авторы описывают основные положения теории взаимодействия с ними, выделяют роль Ричарда Фримана в создании данной теории. В статье приводится характеристика основных групп стейкхолдеров региона, дается оценка их интересов. Отмечается, что интересы стейкхолдеров с одной стороны являются индивидуальными, с другой стороны могут иметь общую цель и направленность. Анализируется возможность создания классификации групп стейкхолдеров по различным признакам. Приведены две классификации как самих стейкхолдеров, так и предприятий на основе теории взаимодействия со стейкхолдерами. Предложена классификация групп стейкхолдеров относительно их участия в социально-экономическом развитии региона. Сделаны выводы о возможности применения такой классификации при разработке мероприятий по поступательному развитию региона.

Ключевые слова: регион, социально-экономическое развитие, стейкхолдер, группы стейкхолдеров, теория взаимодействия со стейкхолдерами, интересы групп стейкхолдеров, классификация стейкхолдеров

Tretyakova L.,

Doct. of Econ. Sci, professor, Full Prof. of the Chair «Management and Marketing»
Belgorod state national research University

Lisova E.,

PhD in Social Science, assistant Professor, Full Prof. of the Chair «Economics, Management and Marketing»
Lipetsk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

THE THEORY OF INTERACTION WITH STAKEHOLDERS IN RELATION TO THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

This article analyzes the socio-economic development of the region in the context of interaction with stakeholders. The author describes the main provisions of the theory of interaction with them, highlights the role of Richard Freeman in the creation of this theory. The characteristic of the main groups of stakeholders of the region is given, the assessment of their interests is given. It is noted that the interests of stakeholders on the one hand are individual, on the other hand may have a common goal and direction. The possibility of a classification of stakeholders according to different criteria. Two classifications of both stakeholders and enterprises based on the theory of interaction with stakeholders are given. The classification of stakeholder groups regarding their participation in the socio-economic development of the region is proposed. Conclusions are drawn about the possibility of applying such a classification in the development of measures for the progressive development of the region.

Keywords: region, socio-economic development, stakeholder, stakeholder groups, theory of interaction with stakeholders, interests of stakeholder groups, classification of stakeholders

Социально-экономическая деятельность любого региона прямо или косвенно подвержена многочисленным внутренним и внешним воздействиям. Поэтому при формировании краткосрочных или долгосрочных целей администрации регионов должны принимать во внимание разнообразные интересы различных сторон – стейкхолдеров, которые представляют собой с одной стороны группу конкретных участников, имеющих прямое влияние на функционирование и развитие региона, с другой – некий тип неформальной коалиции.

Английский термин «stakeholder» буквально переводится как «держатель интереса». В русскоязычной литературе он наиболее часто фигурирует как «группа интересов», «заинтересованная сторона», «заинтересованная группа» либо просто «стейкхолдер» [1, с. 52].

Стейкхолдер – любая группа (индивид), который может повлиять на социально-экономическую деятельность региона или, в свою очередь, достижение целей администрацией региона может повлиять на их функционирование. Относительная власть различных групп влияния является ключевым моментом при оценке их значения, поэтому достаточно важно ранжировать их по отношению друг к другу, создавая при этом иерархию относительной важности [2, с. 163].

Между самими стейкхолдерами также могут существовать определенные отношения, которые не всегда носят кооперативный характер, а в некоторых случаях могут быть и конкурентными. Всех стейкхолдеров можно рассматривать как единое противоречивое целое, равнодействующая интересов частей которого будет определять траекторию развития региона, в первую очередь, социально-экономического.

На современном этапе использование концепции стейкхолдеров считается оправданным и нужным, поскольку она позволяет улучшить управленческую деятельность всех уровней и повышает социальную ответственность. Исходя из определения, стейкхолдерами становятся уже не только те лица и организации, в которых сам регион имеет заинтересованность, но и те лица и организации, которые заинтересованы в результатах деятельности всего региона. Фактически такое понимание стейкхолдеров делает в эпоху глобализации стейкхолдерами практически всех.

Известный американский экономист Президент Общества экономики труда Ричард Фриман, считающийся основателем теории взаимодействия со стейкхолдерами, выделяет десять принципов, развивающих мышление в области ответственности компании перед ними [3, с. 82-83].

1. Постоянный мониторинг интересов стейкхолдеров.

2. Восприятие стейкхолдеров в качестве реальных, совершенно различных людей со своими лицами, конкретными именами и ценностями.

3. Нахождение решений, удовлетворяющих нескольким группам стейкхолдеров одновременно.

4. Вовлечение во взаимодействие не только дружелюбных стейкхолдеров, но и составляющих конкуренцию при использовании различных методов ведения диалога с акционерами, клиентами, поставщиками и служащими.

5. Самостоятельное управление взаимоотношениями со стейкхолдерами без вмешательства государства на всех уровнях возможного взаимодействия.

6. Нарастивание усилий компании, направленных на понимание потребностей стейкхолдеров при использовании маркетинговых приемов их сегментации.

7. Отсутствие приоритета интересов одного или группы стейкхолдеров и использование концепции «служить всем своим стейкхолдерам».

8. Обязательное проведение переговоров со всеми группами стейкхолдеров.

9. Организация всестороннего взаимодействия со стейкхолдерами при постоянном мониторинге данного процесса с целью улучшения качества взаимодействия.

10. Обязательное выполнение всех обещаний, данных стейкхолдерам при последовательном стремлении к достижению своих и их желаний.

Указанные принципы считаются универсальной основой для установления взаимовыгодных отношений со стейкхолдерами всех уровней. На наш взгляд, достаточно важным фактором представляется также детальная оценка геополитических и социально-экономических особенностей региона.

Применительно к социально-экономическому развитию региона стейкхолдерами можно считать организации или конкретных лиц, которые активно участвуют в его жизни, при этом их интересы могут влиять на результаты деятельности отдельных предприятий или региона в целом.

Стейкхолдеры региона имеют разные уровни ответственности и полномочия, которые могут изменяться с течением времени в зависимости от влияния внешней и внутренней среды. При этом их колебания могут находиться в диапазоне от случайного участия до полного обеспечения потребностей региона, включая социальную, финансовую и политическую составляющие.

Рассмотрим основные интересы типичных групп стейкхолдеров на уровне региона (табл.1).

Из приведенных в таблице данных можно увидеть, что помимо индивидуальных специфических интересов существуют области их пересечения. Данный факт свидетельствует о целесообразности ведения стейкхолдерами различных уровней совместных

Группы стейкхолдеров региона и их основные интересы

Группы стейкхолдеров	Интересы
Инвесторы	<ul style="list-style-type: none"> • получение высокой прибыли; • стабильность фирмы; • успешность инвестиционных проектов; • качество инвестиционного портфеля.
Владельцы предприятий, акционеры	<ul style="list-style-type: none"> • повышение стоимости акций; • размер выплачиваемых дивидендов; • рост прибыли и стоимости компании.
Органы власти	<ul style="list-style-type: none"> • обеспечение занятости; • выплата налогов; • соответствие деятельности требованиям закона; • обеспечение экономического роста региона; • вклад в местный бюджет.
Поставщики	<ul style="list-style-type: none"> • стабильность заказов; • оплата в срок и в соответствии с условиями договора; • создание отношений зависимости от поставок.
Менеджеры высшего звена	<ul style="list-style-type: none"> • размеры заработной платы и премий; • виды возможных дополнительных доходов; • социальный статус, связанный с работой в компании; • уровень ответственности.
Работники предприятия	<ul style="list-style-type: none"> • гарантии занятости; • уровень заработной платы; • условия найма и труда; • возможности продвижения по службе; • уровень удовлетворения работой.
Потребители	<ul style="list-style-type: none"> • желаемые и качественные продукты; • приемлемые цены; • безопасность продуктов; • новые продукты в соответствующие сроки; • разнообразие выбора.
Партии, общественные организации, социальные и общественные группы:	<ul style="list-style-type: none"> • забота об окружающей среде; • поддержка местной общественной деятельности; • проведение акций социальной ответственности.

действий при самом очевидном механизме целеполагания – получении прибыли. Весьма перспективным представляется анализ возникновения синергетического эффекта в таком случае.

На современном этапе теория Р. Фримана получила свое развитие в исследованиях многих авторов. Одной из главных целей таких исследований считается попытка классификации с одной стороны видов существующих стейкхолдеров, с другой стороны самих организаций или предприятий по типам их взаимодействия со стейкхолдерами.

Применительно к социально-экономическому развитию региона такая классификация в рамках теории взаимодействия со стейкхолдерами позволяет структурировать деятельность управляющих органов любого уровня.

С точки зрения возможности влияния на деятельность предприятия, как в позитивном, так и в негативном плане, выделяют следующие виды стейкхолдеров [4, с. 31]:

1) Поддерживающие стейкхолдеры. Поддерживают все основные действия предприятия по достижению своих целей. Считаются наилучшими с точки зрения деятельности предприятия. Могут являться: руководством или работниками предприятия, партнерами по инвестиционным проектам, поставщиками и т.д. В стратегии предприятия обязательно планируются мероприятия по привлечению данных стейкхолдеров к своей деятельности.

2) Неподдерживающие стейкхолдеры. Не взаимодействуют или проявляют низкий уровень кооперации с предприятием. Считаются наиболее опасными с точки зрения деятельности предприятия. Могут являться: органами власти, непосредственными конкурентами, профсоюзами работников и т.д. В стратегии предприятия обязательно планируются мероприятия по использованию оборонных мероприятий в отношении таких стейкхолдеров. Другим элементом стратегии считается попытка изменения типа данного стейкхолдера.

3) Смешанные стейкхолдеры. Могут, как взаимодействовать, так и не взаимодействовать с предприятием. Считаются как потенциально выгодными для сотрудничества, так и потенциально опасными для деятельности предприятия. Могут являться: некоторыми категориями работников предприятия, определенными клиентами и т.д. К таким стейкхолдерам применяется стратегия сотрудничества.

4) Маргинальные стейкхолдеры. Считаются нейтральными с точки зрения деятельности предприятия. Имеют некоторый интерес к деятельности предприятия, однако он не распространяется на большинство вопросов, связанных с его деятельностью. Могут являться: владельцами акций, профессиональными объединениями работников и т.д. В некоторых случаях определенные действия предприятия могут активировать таких стейкхолдеров как в сторону угроз предприятию, так и в сторону сотрудничества. Стратегия предприятия подразумевает мониторинг интересов таких стейкхолдеров.

Другая классификация позволяет выделить типы предприятий согласно теории взаимодействия со стейкхолдерами Р. Фримана. В соответствии с ней выделяют четыре типа предприятий [5, с. 16-17]:

1) Неактивные предприятия. Данные предприятия не уделяют внимания интересам стейкхолдеров. Принимают решения в одностороннем порядке, не учитывают влияние своей деятельности на других стейкхолдеров.

2) Реактивные предприятия. Данные предприятия осуществляют какие-либо действия (преимущественно защитные) только в случае возникновения необходимости.

3) Проактивные предприятия. Данные предприятия пытаются предугадать и в дальнейшем учесть интересы стейкхолдеров. Как правило, в структуре таких предприятий предусмотрено присутствие специализированных подразделений, занимающихся комплексным анализом деятельности стейкхолдеров.

4) Интерактивные предприятия. Такие предприятия активно взаимодействуют со стейкхолдерами на паритетных принципах, поскольку считают их основой создания конкурентных преимуществ.

В рамках исследований по региональной экономике применительно к социально-экономическому развитию региона нами предлагается классификация стейкхолдеров относительно степени их участия в этом развитии. В соответствии с этим признаком можно выделить три их основные группы:

1) Позитивные стейкхолдеры. Активно способствуют социально-экономическому развитию региона. В первую очередь к ним относятся местные власти, а также градообразующие предприятия и организации.

2) Негативные стейкхолдеры. По каким-то причинам препятствуют социально-экономическому развитию региона. В качестве примера можно привести различные организации экологической направленности, а также предприятия, зарегистрированные в других регионах, за границей РФ и отчасти совместные предприятия.

3) Нейтральные стейкхолдеры. Ведут свою социально-экономическую деятельность индифферентно по отношению к развитию региона. Фактически в данную группу входят в той или иной мере все остальные стейкхолдеры (табл. 1). Инвесторы, владельцы предприятий, акционеры, поставщики, менеджеры, работники предприятий, потребители, большинство партий и общественных организаций не имеют прямой заинтересованности в социально-экономическом развитии региона.

Предложенная классификация, как и другие, ранее описанные, носит условный характер, поскольку не является статичной. Возможно перемещение стейкхолдеров (или их части) из одной группы в другую с течением времени.

Тем не менее, приняв ее на определенном этапе за основу, можно разрабатывать мероприятия по социально-экономическому развитию региона за счет воздействия на стейкхолдеров нейтральной группы с целью их перемещения в группу активных стейкхолдеров.

Таким образом, авторы делают вывод, что взаимодействие со стейкхолдерами является неотъемлемой составляющей социально-экономического развития, причем разработка механизма воздействия на них будет способствовать экономическому росту региона в целом.

Список литературы

1. Петров М.А. Теория заинтересованных сторон: пути практического применения / М.А. Петров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2004. – №2. – С. 51-67.
2. Богдановский Д.Л. Особые экономические зоны как иерархические системы: монография / Д.Л. Богдановский – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2014. – 192 с.
3. Freeman E. Strategic management: a stakeholder approach / E. Freeman – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 292 p.
4. Морозова В.К. Роль стейкхолдеров в обеспечении устойчивого развития региона / В.К. Морозова // Наука и практика регионов. – 2018. – №2 (11). – С. 27-33.
5. Мельников М.А. Реактивные и проактивные методы управления отношениями со стейкхолдерами в антикризисном управлении / М.А. Мельников // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 9-1 (63). – С. 16-18.

References

1. *Petrov M.A.* Stakeholder theory: ways of practical application / M.A. Petrov // Bulletin of St. Petersburg University. Management. – 2004. – №2. – P. 51-67.
2. *Bogdanovskiy D.L.* Special economic zones as hierarchical systems: monograph / D.L. Bogdanovskiy–Tambov: Publishing Pershina R.V., 2014. – 192 p.
3. *Freeman E.* Strategic management: a stakeholder approach / E. Freeman –Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 292 p.
4. *Morozova V.K.* The role of stakeholders in ensuring sustainable development of the region / V.K. Morozova // Science and practice of regions. – 2018. – №2 (11). – P. 27-33.
5. *Melnikov M.A.* Reactive and proactive methods of managing relations with stakeholders in crisis management / M.A.Melnikov // International research journal. – 2017. – №9-1 (63). – P. 16-18.

УДК 330.8

Шкодинский С.В.,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Московский государственный областной университет, главный научный сотрудник центра отраслевой экономики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, sh-serg@bk.ru

Волков В.В.,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры военно-политической работы военного учебно-научного центра ВМФ, Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, agnee@yandex.ru

Марютина О.С.,

преподаватель кафедры военно-экономического обеспечения ВМФ и военной экономики военного учебно-научного центра ВМФ, Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, trackeriv@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается история возникновения в России в начале XX века профессиональных организаций рабочего класса. Авторы показывают противоречивый характер действия властей: создание институтов гражданского общества в сфере трудовых отношений сопровождалось мероприятиями по их ограничению или подавлению. Тем самым власть надеялась обуздать рабочее движение и пустить его в верноподданническое русло. В статье раскрыт механизм деятельности административных органов государственной власти императорской России в начале XX века при решении так называемого рабочего вопроса. Отражены основные направления действия властей: легализация организаций рабочих по защите их экономических интересов, жесткий контроль деятельности созданных организаций, быстрое и решительное подавление профессиональных союзов при малейшей политической угрозе с их стороны.

При исследовании деятельности старост и профессиональных союзов на предприятиях авторы использовали новый подход. Они опирались на понимание данных организационных форм, как институтов гражданского общества. Статья может помочь при изучении истории становления рынка труда, развития рабочего движения и истории экономических отношений в России начала XX века. Материал, представленный авторами статьи, также может стать основой и при разработке проблем историко-экономической психологии.

Ключевые слова: рабочий, профессиональный союз, староста, закон, трудовые отношения

Shkodinsky S.,

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Moscow State Regional University, Chief Researcher at the Center for Sectoral Economics of the Research Financial Institute

Volkov V.,

associate professor, PHD, Associate Professor, Department of Military-Political Work, Military Training and Scientific Center of the Navy "Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsova"

Maryutina O.,

Lecturer, Department of Military-Economic Support of the Navy and Military Economics of the Military Training and Scientific Center of the Navy "Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsova"

PROFESSIONAL ORGANIZATIONS OF THE WORKING CLASS RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

The article discusses the history of the emergence in Russia in the early twentieth century of professional organizations of the working class. The authors show the contradictory nature of the authorities: the creation of civil society institutions in the field of labor relations was accompanied by measures to limit or suppress them. Thus, the authorities hoped to curb the labor movement and put it on a loyal course.

The article discloses the mechanism of activity of administrative bodies of state power of imperial Russia at the beginning of the twentieth century in solving the so-called working issue. The main directions of action of the authorities are reflected: legalization of workers' organizations to protect their economic interests, tight control of the activities of created organizations, quick and decisive suppression of trade unions at the slightest political threat from them.

When researching the activities of elders and trade unions in enterprises, the authors used a new approach. They relied on an understanding of these organizational forms as civil society institutions.

The article can help in studying the history of the formation of the labor market, the development of the labor movement and the history of economic relations in Russia at the beginning of the twentieth century. The material presented by the authors of the article can also become the basis for the development of problems of historical and economic psychology.

Keywords: worker, trade union, headman, law, labor relations

В России начала XX века институты гражданско-общества в сфере трудовых были развиты очень слабо, действия властей в этом направлении были явно недостаточными. К немногим правовым актам в данной сфере можно отнести, пожалуй, только два значимых документа: закон от 10 июня 1903 г. «Об учреждении старост в промышленных предприятиях», на основании которого учреждались посредники между работниками и администрацией [1] и правила о профессиональных обществах.

По мере того как, под влиянием развивающейся промышленности и норм закона 1886 г., прямые злоупотребления при найме рабочих становились все более и более редким явлением, характер отношений рабочих и фабрикантов претерпевал существенные метаморфозы. Это выражалось, прежде всего, в изменении содержания и формы подачи жалоб рабочих, поступавших в фабричную инспекцию. Жалобы стали чаще выражать не единичные неудовольствия, а коллективные интересы рабочих. Форма протеста стала носить все более организованный и дисциплинированный характер. Поэтому все чаще старшие фабричные инспектора стали выдвигать предложения о признании различных легальных коллективных форм, благодаря которым рабочие могли высказывать свои коллективные желания фабричным инспекторам и хозяевам предприятий [2, с. 197]. То есть, поводом к изданию этого закона стала невозможность, как указывалось в объяснительной записке отдела промышленности Министерства финансов, «выяснения истинных желаний и нужд рабочих», причиной же – стремление власти не допустить волнений и беспорядков в рабочей среде [3, с. 249].

Именно эти обстоятельства вызвали к жизни закон от 10 июня 1903 г.

Теперь с разрешения присутствия по фабричным или горнозаводским делам руководству предприятий предоставлялось право выбирать старост от разрядов рабочих.

Старосте предоставлялось право сбора рабочих своего разряда для обсуждения различных внутренних проблем на месте, которое предоставляла

администрация предприятия. Собрание нескольких старост могло осуществляться только при обсуждении общих для всех разрядов дел. Губернатор мог отстранить от должности любого старосту до истечения срока его полномочий [4, с. 1].

Процедура выборов старосты была чрезмерно сложной. Кроме того, существовала зависимость старост от двух инстанций: от заводоуправления и от губернского начальства. Это поставило старост в крайне противоречивое положение, что неминуемо отразилось на их авторитете среди рабочих [2, с. 199].

В целом, данный закон поначалу не вызвал энтузиазма среди рабочих и радости у предпринимателей. Однако со временем институт старост прижился и стал неотъемлемым атрибутом социальной организации предприятий фабрично-заводской промышленности.

По такому же пути пошел и Министр путей сообщения. 8 февраля 1905 года он утвердил «Временные правила о выборных от рабочих в мастерских и паровозных депо на казенных железных дорогах», составленные на основе закона от 10 июня 1903 г. [5, с. 223–228].

Выход 4 марта 1906 г. Временных правил о профессиональных обществах [6], которые формально легализовали профессиональные союзы, вызывалось стихийным ростом профсоюзного движения в стране. Так, 6 ноября 1905 г. петербургские профсоюзы объединились и образовали Центральное бюро профессиональных рабочих союзов, по примеру которого происходила консолидация профсоюзного движения в центре и на местах. Появившись в момент наивысшего напряжения общественной жизни, союзы сразу же приняли боевой характер. Они проводили забастовки, объявляли бойкоты, организовывали стачечные фонды, отчисляя в них от 50 до 75% всех поступлений. Функция экономической взаимопомощи в одних профсоюзах вообще отсутствовала, в других – носила случайный характер в виде помощи безработным или дорожных денег. В своих уставах профсоюзные организации того периода очень часто включали пункты о том, чтобы прием и увольнение происходило исключительно через союз, чтобы фабричная ин-

спекция выбиралась самими рабочими, о введении восьмичасового рабочего дня, об уравнивании зарплат мужчин и женщин, о необходимости земельного обеспечения крестьян, об отдаче всей земли в равнительное пользование [7, с. 45–66].

Учитывая это, правительство С.Ю. Витте приняло энергичные меры по перехвату инициативы. Министром торговли и промышленности В.И. Тимирязевым был внесен на рассмотрение Совета министров либеральный законопроект «О профессиональных обществах», разработанный профессором Ф.В. Фоминым. Одновременно с ним в правительстве рассматривались выработанные министерством юстиции Временные правила об обществах и союзах. В январе 1906 г. указанные законопроекты поступили в Государственный совет, который не только поддержал требования МВД по внесудебному прекращению деятельности профсоюзов, но и пошел значительно дальше. В окончательном виде Временные правила об обществах и союзах касались и организаций общего типа, и отдельно профессиональных союзов промышленности и торговли. Последние наделялись гораздо меньшими правами, чем объединения общего типа. Рабочие лишались права явочно создавать свои организации, их необходимо было регистрировать с предоставлением устава в губернских или городских по делам об обществах присутствиях.

Губернаторы и градоначальники наделялись широкими правами по надзору за деятельностью профсоюзов: они могли собственной властью приостановить функционирование союза и предложить его к закрытию губернскому или городскому по делам об обществах присутствию. В документе не упоминались пособия при стачках или безработице (только 16 мая 1907 г. Сенатом было разъяснено, что профсоюзы могут собирать средства, на которые можно было бы выдавать пособия своим членам во время забастовок, ибо законом от 2 декабря 1905 г. экономические забастовки не запрещались); профсоюзам запрещалось объединяться в более крупные союзы по территориальному признаку. Значительные категории лиц были совсем изъяты из-под действия правил 4 марта. Например, служащие в правительственных установлениях, на железных дорогах, телефонных предприятиях могли образовывать общества только на основании устава, утвержденного их начальства. Всякое нарушение Временных правил каралось тюремным заключением до 1 года [8, с. 30–31].

Пункт первый «Временных правил» установил, что «профессиональные общества имеют целью выяснение и согласование экономических интересов, улучшение условий труда своих членов или поднятие производительности принадлежащих им предприятий» [8, с. 30–31]. Профсоюзам предоставлялось право изыскивать способы устранения недоразумений в

трудовых отношениях, выдавать пособия своим членам, требовать информацию по размерам зарплаты и других условий труда, организовывать кассы взаимопомощи, устраивать школы, библиотеки, курсы, чтения, создавать потребительские общества, содействовать в поиске работы, оказывать своим членам юридическую помощь, представлять ходатайства и соображения по всем предметам своего круга деятельности.

Профсоюзное движение с первых шагов привлекло повышенное внимание местных властей. Итогом этого явилось было закрытие 600 профсоюзов и отказ в регистрации более 700 за период с 1906 по 1912 г. При этом произошло резкое сокращение числа профсоюзных организаций – с 245 тыс. в 1907 г. до 13 тыс. в 1910 г. При этом с действиями властей было согласовано наступление большей части промышленной буржуазии на рабочие организации. Этот процесс возглавил созданный в октябре 1906 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли [8, с. 30–31; 9, с. 219].

Так как профессиональные союзы в России были результатом забастовочного движения, то все спады и подъемы последнего отражались на профсоюзной деятельности. С ростом с лета 1910 г. стачечного движения начали оживать закрытые и самораспустившиеся профсоюзы, возникли новые организации. В течение 1910–1914 гг. в стране в 147 населенных пунктах 59 губерний существовали 392 рабочих профсоюза, в рядах которых насчитывалось свыше 71,4 тыс. членов [10, с. 490].

Временные правила об обществах и союзах вплоть до 1917 г. фактически имели статус постоянных, так как, с одной стороны, провалились попытки руководителей отдела промышленности министерства торговли и промышленности реформировать трудовое законодательство в либерально-реформистском духе, а, с другой стороны, не увенчался успехом и охранительный правительственный законопроект об обществах, составленный чиновником особых поручений М.И. Блажчуком в январе 1908 г. – III и IV Думы отвергли его за преобладание административной опеки [8, с. 32–34].

В рассматриваемый период на предприятиях часто возникали многочисленные кружки работников досугового типа. Стремясь урегулировать этот процесс, министр путей сообщения циркуляром № 19799 от 28 июля 1911 г. разослал утвержденный им 6 июня этого же года нормальный Устав собрания железнодорожных служащих, который должен был «иметь целью предоставлять членам его и их семьям возможность, при небольших затратах, с удобством, удовольствием и пользой проводить свободное от занятий время» [5, с. 230].

Итак, в начале XX века в России были сделаны первые шаги по организации современных институ-

тов гражданского общества. Власть боялась их укрепления и поэтому изначально ограничивала либо законодательно, либо в административном порядке. Особое беспокойство вызывал рост профсоюзов, как легальной основы экономической и политической

борьбы рабочих на предприятиях. Все это говорит о том, что власть находилась в управленческой ловушке. Любое ее содействие становлению институтов гражданского общества, противодействие им или бездействие в любом случае вело к дестабилизации.

Список литературы

1. Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности (высочайше утвержденный 2 июня 1903 г.) и об учреждении старост в промышленных предприятиях. [Высочайше утвержденный 10 июня 1903 г.]. Санкт-Петербург: И.П. Анисимов, 1903. 35 с.
2. *Быков А.Н.* Фабричное законодательство и развитие его в России. Санкт-Петербург: Типография «Правда», 1909. 282 с.
3. *Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. Ленинград: Путь к знанию, 1924. Т. II. 296 с.
4. О собрании выборных от рабочих печатного дела г. Москвы. Москва: Без издательства, 1907. 1 с.
5. *Раабен В.А.* Сборник правительственных распоряжений, относящихся до службы подвижного состава и тяги железных дорог, со времени образования Министерства путей сообщения по 1 января 1914 года (С указателями алфавитным и хронологическим доведенными до 1 мая 1915 года). Петроград: Типография товарищества «Общественная польза», 1915. 1748 стб.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXVI. № 27479.
7. *Гриневич В.П.* Профессиональное движение рабочих в России / Выпуск первый. Москва: Красная новь, 1924. 298 с.
8. *Потолов С.И.* Власть, предприниматели и профессиональные рабочие организации России в начале XX в. (Проблемы законодательства и административной практики) // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора Ю.И. Кирьянова. Кострома, 2003. Часть I. С. 29–35.
9. *Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. Ленинград: Путь к знанию, 1924. Т. III. 240 с.
10. *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура в конце XIX – начале XX века. Москва: Наука, 2004. 574 с.

References

1. The rules on the remuneration of victims of accidents of workers and employees, as well as members of their families, in enterprises of the factory, mining and mining industries (highest approved on June 2, 1903) and on the establishment of elders in industrial enterprises. [Highest approved June 10, 1903]. St. Petersburg: I.P. Anisimov, 1903. 35 p.
2. *Bykov AN.* Factory legislation and its development in Russia. St. Petersburg: Printing house "Pravda", 1909. 282 p.
3. *Pajitnov KA.* The situation of the working class in Russia. Leningrad: The Path to Knowledge, 1924.V. II. 296 p.
4. On the meeting of elective workers from the printing industry of Moscow. Moscow: Without a publishing house, 1907. 1 p.
5. *Raaben V.A.* A collection of government instructions relating to the service of rolling stock and traction of railways, since the establishment of the Ministry of Railways on January 1, 1914 (with alphabetical and chronological signs brought to May 1, 1915). Petrograd: Printing House of the Partnership "Public Benefit", 1915. 1748 column.
6. The complete collection of laws of the Russian Empire. 3rd meeting. T. XXVI. No. 27479.
7. *Grinevich V.P.* Professional movement of workers in Russia / Issue one. Moscow: Krasnaya nov, 1924. 298 p.
8. *Potolov S.I.* Power, entrepreneurs and professional workers' organizations of Russia in the early twentieth century. (Problems of legislation and administrative practice) // Entrepreneurs and workers of Russia in the conditions of transformation of society and state in the twentieth century. Materials of the international scientific conference dedicated to the memory of Professor Yu.I. Kiryanov. Kostroma, 2003. Part I. P. 29–35.
9. *Pajitnov KA.* The situation of the working class in Russia. Leningrad: The Path to Knowledge, 1924. T. III. 240 p.
10. *Ivanova NA., Zheltova V.P.* Class-class structure in the late XIX – early XX century. Moscow: Nauka, 2004.574 p.

УДК 311.338.49

Яковлев И.В.,

аспирант, ФГБУН Институт экономики Российской академии наук,
Yakovlev.IVL@gmail.com

Яковлева О.А.,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и маркетинга, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К.И. Скрябина», научный сотрудник отдела социального развития сельских территорий, ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства»,
YakovleffO@yandex.ru

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ И КЛАСТЕРИЗАЦИЯ ДАННЫХ СОСТОЯНИЯ ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются возможности применения факторного анализа для анализа данных региональной статистики состояния инженерной инфраструктуры сельских территорий субъектов Российской Федерации и дальнейшая их кластеризация с помощью возможностей аналитического приложения Deductor Studio. Факторный анализ обеспечил снижение размерности данных, объединив их в два фактора, по результатам кластерного анализа проведена типология и получены группы регионов с близкими характеристиками.

Ключевые слова: сельские территории регионов, статистика состояния инженерной инфраструктуры, факторный анализ, кластерный анализ, типология регионов

Yakovlev I.,

graduate student, Institute of Economics, RAS

Yakovleva O.,

Associate Professor, Department of Economics, Management and Marketing, All-Russian Research Institute of Agricultural Economics, Moscow state Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology by K.I.Skryabin, researcher in Department of social development of rural areas, All-Russian Research Institute of Agricultural Economics, Candidate of Agricultural Sciences

FACTOR ANALYSIS AND DATA CLUSTERIZATION OF THE ENGINEERING INFRASTRUCTURE CONDITION OF THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS' RURAL TERRITORIES

The article discusses the possibilities of using factor analysis to analyze regional statistics on the engineering infrastructure condition of the Russian Federation subjects' rural territories and their further clustering using the capabilities of the analytical application Deductor Studio. Factor analysis ensured a decrease in the dimensionality of the data by combining them into two factors. Based on the results of the cluster analysis, a typology was carried out and groups of regions with similar characteristics were obtained.

Keywords: regions' rural territories, statistics on the engineering infrastructure state, factor analysis, cluster analysis, typology of regions

Анализ информации является важной частью современных научных исследований и одним из факторов повышения их результативности. Однако очень часто для оценки тех или иных явлений или процессов исследователь вынужден пользоваться множеством разнонаправленных показателей, что значительно затрудняет выполнение задачи. Для этого ис-

пользуют различные методы статистического анализа. Значительно совершенствует процесс инструментальные средства такое как аналитическое приложение Deductor Studio [2], которое позволяет решить значительный спектр задач полноценного анализа данных.

Целью исследования стало показать возможности использования аналитического приложения

Deductor Studio для анализа и типологии субъектов Российской Федерации по состоянию инженерной инфраструктуры сельских территорий.

Для исследования состояния инженерной инфраструктуры сельских территорий субъектов Российской Федерации были взяты следующие показатели: доля сельского жилищного фонда, оборудованного всеми видами благоустройства; доля газифицированных сельских населенных пунктов; доля сельских населенных пунктов, имеющих водопровод, доля сельских населенных пунктов, имеющих связь по дорогам с твердым покрытием. Все показатели выражены в относительных единицах – процентах и содержат позитивную информацию, то есть чем больше доля, тем лучше состояние.

При использовании массива разнонаправленных и многомерных данных необходим переход к выборке меньшего размера или снижению размерности. Для этого используют факторный анализ. С помощью него исходные переменные сводятся к меньшему количеству независимых величин, которые называют факторами. В результате в один фактор объединяются показатели, сильно коррелирующие между собой, а дисперсия перераспределяется между факторами и получается упрощенная структура.

Для этого разработаны многочисленные методы факторного анализа. Чаще всего из них применяют метод анализа главных компонент, считающийся наиболее универсальным методом. В процессе применения метода выделяются факторы (компоненты), который

используют для формирования некоррелированных линейных комбинаций наблюдаемых переменных. При этом первый фактор компонента имеет максимальную дисперсию. Остальные получаемые компоненты объясняют уменьшающиеся доли дисперсии. При этом выделенные факторы не коррелируют между собой.

Метод главных компонент был применен для анализа состояния инженерной инфраструктуры сельских территорий. Расчеты проведены с помощью аналитического приложения Deductor Studio [3].

В результате была получена матрица факторов (компонент), преобразованная с помощью критерия «варимакс», назначение которого, уменьшить количество переменных, имеющих значительные нагрузки на данный фактор, что упрощает его описание за счет обобщения в нем только тех показателей, которые с ним связаны в большей степени, чем с остальными факторами. Были выделены два фактора, на их долю приходится 78,9 % суммарной дисперсии (рис 1) [6].

На рис. 2 представлено распределение показателей по факторам. Первый фактор нами обозначен как «бытовые условия», так как наиболее тесно связан с благоустроенностью бытовой инфраструктуры сельских населенных пунктов: доля газифицированных и имеющих водопровод и доля жилищного фонда, оборудованного всеми видами благоустройств. Во вторую компоненту (фактор) вошел один признак, характеризующий доступность сельских населенных пунктов по дорогам с твердым покрытием и назван «транспортная доступность».

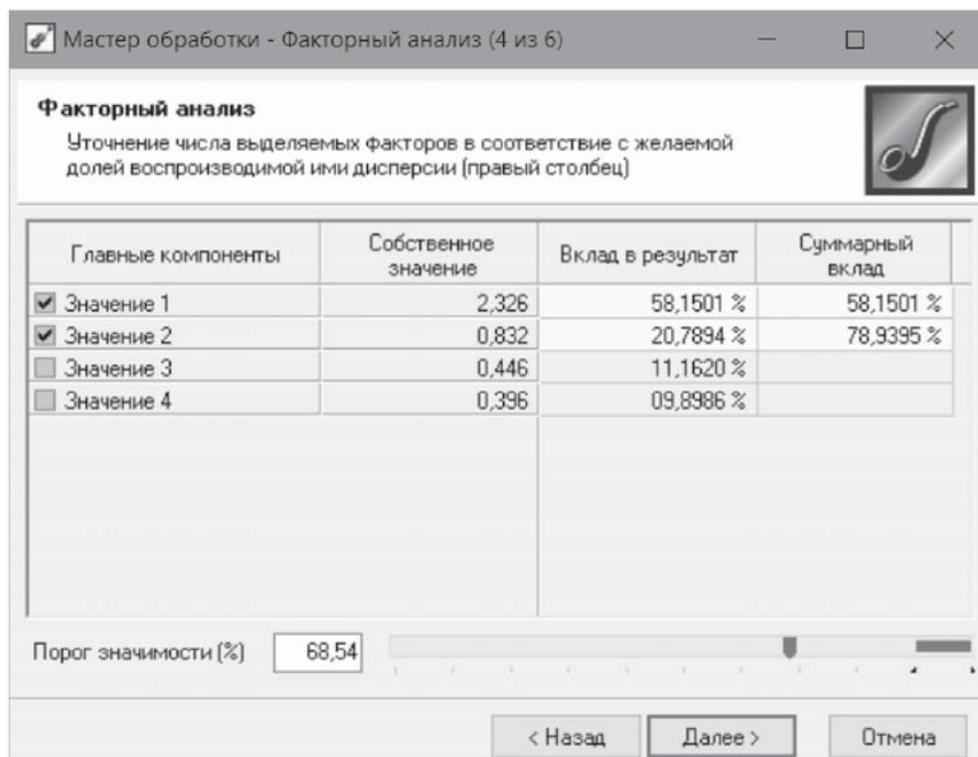

Рис. 1. Матрица факторов

Переменные	Окончательные факторы (Варимакс метод)	
	Фактор 1	Фактор 2
Доля сельского жилищного фонда, оборудованного всеми видами ...	0,8812	
Доля сельских населенных пунктов, имеющих связь по дорогам с ...		0,9620
Доля газифицированных сельских населенных пунктов, %	0,8113	
Доля сельских населенных пунктов, имеющих водопровод, %	0,7371	

Рис. 2. Распределение показателей по факторам

На основе корреляций между исходными показателями и матрицей компонент были определены численные значения полученных факторов для каждого из исследуемых регионов. Обычными методами данные значения численно не измеряются. Это в свою очередь, позволило проранжировать исследуемые территории по факторам, характеризующим состоянию инженерной инфраструктуры (рис. 3, 4) [1].

По фактору «бытовые условия» в сельских территориях лидером является Липецкая область, пятое место занимает Мурманская область, также в число лидеров входят три региона Северо-Кавказского ФО. Худшие позиции занимают сельские территории Дальневосточного и Сибирского ФО, а также нечерноземная Новгородская область.

По фактору «транспортная доступность» первое место занимает Республика Дагестан, аутсайде-

рами являются сельские регионы субъектов с традиционно сложной транспортной ситуацией в силу особенностью климатических условий.

Далее проведен кластерный анализ на основе значений факторов. В результате получено три кластера. Первый кластер объединил 32 региона, или 40,5 % от общего числа, во второй кластер вошел 31 регион (39,2 %), в третий кластер отнесены 16 регионов (20,3 %). Каждый кластер имеет средние характеристики факторов, в зависимости от которых нами определены типологические оценки состоянию инженерной инфраструктуры (рис. 5) [4, 5].

Субъекты из первого кластера нами отнесены к группе с благоприятной ситуацией по состоянию инженерной инфраструктуры сельских территорий, как по бытовым условиям, так и по транспортной доступности – средние величины факторов положительные.

№ п/п	Субъекты РФ	Бытовые условия	Транспортная доступность	Место по бытовым условиям	Место по транспортной доступности
9	Липецкая область	2,236	-0,415	1	58
36	Кабардино-Балкарская	2,217	1,063	2	9
35	Республика Ингушетия	1,970	1,056	3	10
40	Ставропольский край	1,747	0,970	4	12
25	Мурманская область	1,650	-0,806	5	67

№ п/п	Субъекты РФ	Бытовые условия	Транспортная доступность	Место по бытовым условиям	Место по транспортной доступности
66	Забайкальский край	-1,684	0,632	79	23
68	Иркутская область	-1,623	0,504	78	29
78	Еврейская авт. область	-1,548	1,477	77	2
26	Новгородская область	-1,451	0,245	76	37
75	Приморский край	-1,390	1,380	75	4

Рис. 3. Рейтинг пяти лучших и худших регионов по фактору «бытовые условия»

Таблица

№ п/п	Субъекты РФ	Бытовые условия	Транспортная доступность	Место по бытовым условиям	Место по транспортной доступности
34	Республика Дагестан	-0,007	1,618	41	1
78	Еврейская авт. область	-1,548	1,477	77	2
37	Карачаево-Черкесская Республика	0,941	1,469	18	3
75	Приморский край	-1,390	1,380	75	4
67	Красноярский край	-1,134	1,210	68	5

Таблица

№ п/п	Субъекты РФ	Бытовые условия	Транспортная доступность	Место по бытовым условиям	Место по транспортной доступности
20	Ненецкий АО	-0,813	-3,293	56	79
58	Ямало-Ненецкий АО	0,667	-3,162	24	78
79	Чукотский авт. округ	0,505	-2,578	28	77
57	Ханты-Мансийский АО	1,060	-2,147	13	76
76	Хабаровский край	-0,604	-1,685	51	75

Рис. 4. Рейтинг пяти лучших и худших регионов по фактору «транспортная доступность»

Куб

№ п/п	Номер кластера	Субъекты РФ	Бытовые условия	Транспортная д	# Количество
	+	Благоприятная ситуация	0,90	0,46	32
	-	Напряженная ситуация по бытовым условиям	-0,97	0,29	31
	-	Напряженная ситуация по транспортной доступности	0,08	-1,47	16
	Итого:		0,00	0,00	79

Рис. 5. Типология на основе кластерного анализа значений факторов

Сочетание максимально высоких факторов отмечается в следующих субъектах: Белгородская, Воронежская, Оренбургская, Пензенская области, республики Татарстан, Ингушетия и Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Адыгея, Ставропольский и Краснодарский край.

Ко второму кластеру отнесены регионы с напряженной ситуацией по бытовым условиям, этот фактор стал решающим для формирования группы. Максимально высокие отрицательные показатели, характеризующие этот фактор, отмечаются в сельских территориях Тверской, Архангельской, Вологодской, Новгородской, Курганской, Иркутской областей, республиках Тыва, Хакасия, Якутия, Забайкальском, Красноярском, Приморском краях, Еврейской автономной области.

В третий кластер вошли сельские территории субъектов, обозначенные нами как регионы с напряженной ситуацией по транспортной доступности, то есть этот фактор оказался решающим для отнесения в эту группу. Сюда вошли следующие регионы: Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский, Ханты-Мансийский АО, Хабаровский край и если сельские территории этих субъектов исторически имеют слабую транспортную доступность, то попадание областей Центрального федерального округа в этот список обращает на себя внимание – это Костромская, Тульская, Ярославская, Калужская и Орловская области [7].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что применение факторного анализа предпочтительнее по сравнению с традиционными методами, в которых сравнение производится по от-

дельным показателям. В рассмотренном примере четыре исходных показателя были сведены к двум факторам, которые характеризуют основные стороны состояния инженерной инфраструктуры, что по-

зволило типизировать сельские территории субъектов Российской Федерации и выявить проблемные регионы по анализируемым аспектам социального развития [8].

Список литературы

1. Козлов А.В., Яковлева О.А. Типология сельских территорий Российской Федерации по уровню развития на основе кластерного анализа // Экономика, труд и управление в сельском хозяйстве, 2018, № 11 (44). – С. 97-103
2. Яковлев В.Б. Анализ данных в Deductor Studio: Учебное пособие. – М.: ОнтоПринт, 2018. – 256 с.
3. Яковлев В.Б., Яковлева О.А. Кластеризация сельских территорий субъектов Российской Федерации в Deductor Studio: Монография. – М.: ОнтоПринт, 2019. – 264 с.
4. Яковлев В.Б., Яковлева О.А. Применение карт Кохонена для кластеризации сельских территорий: Монография. – Palmarium Academic Publishing, 2019. – 168 с.
5. Яковлев В.Б., Яковлев И.В. Классификация и снижение размерности данных в SPSS: Учебное пособие. – М.: Эдитус, 2016. – 75 с.
6. Яковлев В.Б., Яковлев И.В. Регрессионный анализ в Deductor Studio: Учебное пособие. – Lambert Academic Publishing: Germany, Saarbrücken, 2017. – 128 с.
7. Корнилович В.А. Научное и информационное сопровождение стратегического планирования в Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2015. № 39. С. 187-198.
8. Назаров А.Г. Приоритеты стратегического инвестирования регионов России // Вестник Академии права и управления. 2015. № 40. С. 116-123.

References

1. Kozlov A.V., Yakovleva O.A. Tipologiya sel'skih territorij Rossijskoj Federacii po urovnyu razvitiya na osnove klasterного анализа [Rural territories typology of the Russian Federation by level of development based on cluster analysis]. Ekonomika, trud i upravlenie v sel'skom hozyajstve [Proc. of the "Economics, labor and management in agriculture"], 2018, no. 11 (44), pp. 97-103 (In Russian).
2. Yakovlev V.B. Analiz dannyh v Deductor Studio: Uchebnoe posobie [Data analysis using Deductor Studio: Tutorial], Moscow, Onto-Print, 2018, 256 p. (In Russian).
3. Yakovlev V.B., Yakovleva O.A. Klasterizaciya sel'skih territorij sub"ektov Rossijskoj Federacii v Deductor Studio: Monografiya [Clustering rural areas of constituent entities of the Russian Federation using Deductor Studio: Monograph], Moscow, Onto-Print, 2019, 264 p. (In Russian).
4. Yakovlev V.B., Yakovleva O.A. Primenenie kart Kohonena dlya klasterizacii sel'skih territorij: Monografiya [Using Kohonen maps for rural areas clustering: Monograph], Palmarium Academic Publishing, 2019, 168 p. (In Russian).
5. Yakovlev V.B., Yakovlev I.V. Klassifikaciya i snizhenie razmernosti dannyh v SPSS: Uchebnoe posobie [Classification and reduction of dimensionality of data using SPSS: Tutorial], Moscow, Editus, 2016, 75 p. (In Russian).
6. Yakovlev V.B., Yakovlev I.V. Regressionnyj analiz v Deductor Studio: Uchebnoe posobie [Regression analysis using Deductor Studio: Tutorial], Lambert Academic Publishing: Germany, Saarbrücken, 2017, 128 p. (In Russian).
7. Kornilovich V.A. Scientific and informational support of strategic planning in the Russian Federation // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2015. No. 39. S. 187-198.
8. Nazarov A.G. Priorities of strategic investment in Russian regions // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2015. No. 40. S. 116-123.

Васяев А.П.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент»,
НОЧУ ВО «Московский экономический институт»
e-mail: allehar@yandex.ru

Vasyev A.,

PhD in Economics, Associate Professor of the Department «Management», Moscow Institute of Economics

Волков В.В.,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры военно-политической работы военного учебно-научного центра ВМФ, Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова
e-mail: agnee@yandex.ru

Volkov V.,

associate professor, PHD, Associate Professor, Department of Military-Political Work, Military Training and Scientific Center of the Navy "Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsova"

Дмитриев М.Э.,

доктор экономических наук, главный научный сотрудник центра публичной политики и государственного управления института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: mikhaildm@mail.ru

Dmitriev M.,

doctor of Economics, chief researcher, The center for public policy and governance, Institute of social Sciences of the Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation

Ефименко А.Э.,

адвокат, Краснодарская краевая коллегия адвокатов
e-mail: anton.yefimenko.e@gmail.com

Efimenko A.,

Krasnodar Regional Bar Association

Зимоха А.Ю.,

кандидат географических наук, руководитель группы проектов
Хозяйственное партнерство «Новый экономический рост»
e-mail: AlexZ6@yandex.ru

Zimokha A.,

candidate of geographical Sciences, head of the group of projects of the Economic partnership «New economic growth»

Зубкова С.В.,

кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации
e-mail: svzubkova@fa.ru

Zubkova S.,

candidate of economic Sciences, associate Professor, Financial University under the government of the Russian Federation

Кимадзе М.И.,

кандидат фармацевтических наук, доцент, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал ФГБОУ ВО «Волгоградского государственного медицинского университета» Министерства здравоохранения РФ
e-mail: DPO-2018@yandex.ru

Kimadze M.I.,

Candidate of Pharmaceutical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute – Branch of the FSBEI HE VolgGMU of the Ministry of Health of Russia

Кондратов С.Ю.,

кандидат фармацевтических наук, доцент, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал ФГБОУ ВО «Волгоградского государственного медицинского университета»

Министерства здравоохранения РФ

e-mail: kondratov64@yandex.ru

Kondratov S.Yu.,

Candidate of Pharmaceutical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute – Branch of the FSBEI HE VolgGMU of the Ministry of Health of Russia

Кривошеева А.О.,

студент международного финансового факультета,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

e-mail: Alena.krivosheeva.99@mail.ru

Krivosheeva A.,

Student, International Finance Department, Financial University under the Government of the Russian Federation

Кулиев Рауф Алим оглы,

соискатель, ФГБУН Институт экономики Российской академии наук

e-mail: swonson@bk.ru

Kuliev Rauf Alim oglu,

Applicant, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences

Лебедев Н.А.,

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,

ФГБУН Институт экономики Российской академии наук

e-mail: ieras@inecon.org

Lebedev N.,

doctor of Economics, Professor, leading researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Лисова Е.В.,

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Экономики, менеджмента и маркетинга»,

Финансовый университет при Правительстве РФ (Липецкий филиал)

e-mail: lisovaekaterina78@gmail.com

Lisova E.,

PhD in Social Science, assistant Professor, Full Prof. of the Chair «Economics, Management and Marketing» Lipetsk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Лосев С.Г.,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,

филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области

e-mail: klop561@mail.ru

Losev S.,

Candidate of Law, lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines, branch of ANO VO «Institute of Business Career» in the Tyumen Region

Макущенко Л.В.,

доктор экономических наук, профессор, Сургутский государственный

педагогический университет

e-mail: lv_mak2000@mail.ru

Makushchenko L.,

doctor of Economics, Professor of Surgut state pedagogical University

Марютина О.С.,

преподаватель кафедры военно-экономического обеспечения ВМФ и военной экономики
военного учебно-научного центра ВМФ, Военно-морская академия им. Адмирала флота
Советского Союза Н.Г. Кузнецова

e-mail: trackeriv@yandex.ru

Maryutina O.,

Lecturer, Department of Military-Economic Support of the Navy and Military Economics
of the Military Training and Scientific Center of the Navy "Naval Academy
named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsova

Медведева Т.П.,

руководитель направления по правовому сопровождению коммерческой деятельности,
департамент корпоративной работы и правового сопровождения бизнеса, АО «Почта России»

e-mail: tatianamedvedeva@mail.ru

Medvedeva T.,

Head of Legal Support for Commercial Activities, Corporate and Commercial Activities
Support Department, Corporate Work and Legal Support Department,
Legal Affairs Directorate, JSC «Russian post»

Миндлин .Б.,

кандидат экономических наук, доцент,
Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии
имени им. К.И. Скрябина

e-mail: mindliny@mail.ru

Mindlin Yu.,

PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy
of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Орусова О.В.,

кандидат экономических наук, доцент международного финансового факультета,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

e-mail: Orusova0106@mail.ru

Orusova O.,

PhD in Economics, Associate Professor, International Finance Department,
Financial University under the Government of the Russian Federation

Соклакова И.В.,

кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой «Менеджмент»,
НОЧУ ВО «Московский экономический институт»

e-mail: irinasok2011@yandex.ru

Soklakova I.,

PhD in Economics, Associate Professor, head. Department of «Management»,
Moscow Institute of Economics

Сурат В.И.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика»,
НОЧУ ВО «Московский экономический институт»

e-mail: surat@list.ru

Surat V.,

PhD in Economics, Associate Professor of the Department «Economics»,
Moscow Institute of Economics

Третьякова Л.А.,

доктор экономических наук, профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг»,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
e-mail: lora_tretyakova@mail.ru

Tretyakova L.,

Doct. of Econ. Sci, professor, Full Prof. of the Chair «Management and Marketing»
Belgorod state national research University

Шкодинский С.В.,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории,
Московский государственный областной университет, главный научный сотрудник центра
отраслевой экономики, Научно-исследовательский финансовый институт
Министерства финансов Российской Федерации
e-mail: sh-serg@bk.ru

Shkodinsky S.,

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory,
Moscow State Regional University, Chief Researcher at the Center for Sectoral Economics
of the Research Financial Institute

Яковлев И.В.,

аспирант, ФГБУН Институт экономики Российской академии наук
e-mail: Yakovlev.IVL@gmail.com

Yakovlev I.,

graduate student, Institute of Economics, RAS

Яковлева О.А.,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и маркетинга,
ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии –
МВА имени К.И. Скрябина», научный сотрудник отдела социального развития сельских территорий,
ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских
территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства»
e-mail: YakovleffO@yandex.ru

Yakovleva O.,

Associate Professor, Department of Economics, Management and Marketing, All-Russian Research
Institute of Agricultural Economics, Moscow state Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology
by K.I.Skryabin, researcher in Department of social development of rural areas, All-Russian Research
Institute of Agricultural Economics, Candidate of Agricultural Sciences